

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

ТОМ 16 • № 3 • 2024 • ИЮЛЬ–СЕНТЯБРЬ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенков А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Белокреницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Звягельская И.Д. — член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, руководитель лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, руководитель Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая отделом международно-политических проблем ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Серунин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой международных организаций и мировых политических процессов ФМП МГУ, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, профессор кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Редактор Малеванная Е.А.

Технический редактор Авдеев Б.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 16 • No. 3 • SUMMER • 2024

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Leading Research Fellow at the Institute for Advanced Strategic Studies, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Fenenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editor *Ekaterina A. Malevannaya*

Technical Editor *Bogdan A. Avdeev*

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

**ISSN 2076-7404 (Print)
2034-1329 (Online)**

**Периодичность —
четыре выпуска в год**

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2. — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4. — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионоведения; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов, факультет мировой политики, к. 601.

Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Подписано в печать 20.11.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,5.

Уч.-изд. л. 11,7. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 12720. Заказ №

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)

Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».

410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.

E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2024

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

**ISSN 2076-7404 (Print)
3034-1329 (Online)**

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end, the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original research papers, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <http://msupress.com>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

СОДЕРЖАНИЕ

История международных отношений и внешней политики

Сотникова И.Н. Роль Л.М. Карахана в китайской политике Советского Союза (1923–1926)	7
---	---

Тема в фокусе: Арктика — зона конфликта?

Корунова Е.В. «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО	53
Аржанов И.А. Военно-политическая безопасность в Арктике до и в контексте «украинского кризиса»	98
Коннышев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России	127
Лабецкая Е.О. Арктический фронт мировой гибридной войны .	153

Научные обзоры и рецензии

Кочетков В.В. На пути к суверенности российской науки о международных отношениях? <i>Размышления на полях книги Л.С. Воронкова «Либеральные ценности в теории и на практике. О проблемах интеллектуальной деколонизации России»</i>	175
Белинский А.В. Компас, океаны и мировая политика. <i>Рецензия на коллективную монографию «Международные отношения: грани настоящего и будущего»</i>	191

C O N T E N T S

History of International Relations and Foreign Politics

- S o t n i k o v a I.N. The Role of L.M. Karakhan in the Chinese Policy
of the Soviet Union (1923–1926) 7

Focal Point: The Arctic — A Zone of Conflict?

- K o r u n o v a E.V. The Die is Cast: Sweden and Finland's Long Road
to NATO 53
- A r z h a n o v I.A. Military and Political Security in the Arctic before
and amidst the Ukrainian Crisis 98
- K o n y s h e v V.N., S e r g u n i n A.A. Military Security in the Arctic:
New Threats to Russia 127
- L a b e t s k a y a E.O. The Arctic Front of the Global Hybrid Warfare ... 153

Review Essays and Book Reviews

- K o c h e t k o v V.V. Towards Sovereign International Relations Studies?
*Book Review of 'Liberal Values in Theory and Practice. On the Issues
of Intellectual Decolonization of Russia' by L.S. Voronkov* 175
- B e l i n s k y A.V. Compass, Oceans and World Politics. *Book Review of
the Collective Monograph 'International Relations: Facets of the Present
and the Future'* 191

All the published materials are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0
License

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-7-52

Научная статья / Research paper

И.Н. Сотникова*

РОЛЬ Л.М. КАРАХАНА В КИТАЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (1923–1926)

*Федеральное государственное автономное учреждение науки
«Институт Китая и современной Азии Российской академии наук»
117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32*

В 1920-е годы молодое советское государство в своей политике на китайском направлении преследовало несколько целей, подчас взаимоисключающих. Руководство СССР, с одной стороны, всеми силами добивалось международного признания и стремилось защитить свои жизненно важные интересы, с другой — активно продвигало идею мировой революции. В сложившейся ситуации внешнеполитическое ведомство страны нуждалось в опытных, гибких и прагматичных дипломатических работниках. В этом плане большой интерес представляет изучение деятельности Л.М. Карахана, направленного в качестве советского эmissара в Китайскую Республику для решения указанных деликатных задач. Фигура Л.М. Карахана тем более примечательна, что, будучи одним из разработчиков внешнеполитической линии СССР по отношению к Китаю, сам он не удостоился большого внимания ни в советской, ни в отечественной историографии, посвященной этому периоду. В настоящей статье на основе новых архивных документов и материалов на китайском языке предпринимается попытка дать комплексную оценку деятельности Л.М. Карахана на посту сначала полномочного представителя, а затем и посла СССР в Китае. В первых разделах статьи рассмотрены задачи миссии Л.М. Карахана в Китайской Республике и перипетии переговоров о заключении советско-китайского соглашения об установлении дипломатических отношений. Автор отмечает, что на данном направлении советский дипломат, опираясь на директивы собственного руководства, гибко лавировал между различными

* Сотникова Ирина Николаевна — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Китая и современной Азии РАН (e-mail: sotnikova.irina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5967-8631).

группировками китайских элит и противостоял давлению представителей других держав. В последующих разделах подробно проанализирована деятельность Л.М. Карахана уже в качестве советского посла. Показано, что, умело сочетая тонкую дипломатическую игру и настойчивость, порой даже жесткость (особенно ярко это проявилось в таких наиболее запутанных сюжетах советско-китайских отношений, как проблемы принадлежности Китайско-Восточной железной дороги и статуса Внешней Монголии), Л.М. Карахан последовательно отстаивал в своей работе национальные интересы СССР. При этом следует подчеркнуть, что одновременно посол принимал самое активное участие в организации и поддержке революционного движения в Китае. Показывается, что Л.М. Карахан, по сути, стал центральным координатором советской помощи Гоминьдану, определяя не только ее формы, но и содержание. В заключение автор приходит к выводу, что Л.М. Карахан проявил себя не просто как проводник интересов советского руководства, но и как вполне самостоятельный политик, способный эффективно решать широкий спектр задач, часть которых изначально и не предполагались его миссией. В то же время отмечается, что напористый, жесткий стиль советского дипломата часто вызывал нарекания у иностранных представителей, сильно диссонируя с декларируемым стремлением СССР порвать с внешнеполитическими практиками царской России.

Ключевые слова: Л.М. Карахан, советско-китайские отношения, СССР, Китай, НКВД, КВЖД, Гоминьдан, Маньчжурия, Внешняя Монголия, мировая революция, Коминтерн, единый фронт, КПК

Для цитирования: Сотникова И.Н. Роль Л.М. Карахана в китайской политике Советского Союза (1923–1926) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 7–52. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-7-52.

Irina N. Sotnikova

THE ROLE OF L.M. KARAKHAN IN THE CHINESE POLICY OF THE SOVIET UNION (1923–1926)

*Institute of China and Contemporary Asia,
Russian Academy of Sciences
32 Nakhimovskii prospect, Moscow, 117997*

In the 1920s, the young Soviet state pursued several, sometimes mutually exclusive, goals in its policy towards China. On the one hand, the Soviet leadership did its best to achieve international recognition and sought to protect its vital

interests. On the other hand, it actively promoted the idea of a world revolution. Under those circumstances, the country's foreign ministry needed experienced, flexible, and pragmatic diplomats. In this regard, the activities of L.M. Karakhan, who was sent as a Soviet emissary to the Republic of China to address these sensitive issues, are of particular interest. The figure of L.M. Karakhan is all the more remarkable because, being one of the architects of the USSR's foreign policy towards China, he himself has not received much attention in either Soviet or Russian historiography. On the basis of new archival documents and Chinese primary sources the paper attempts to give a comprehensive assessment of L.M. Karakhan's tenure first as a plenipotentiary and then as an ambassador of the USSR to China. The first sections consider the tasks of L.M. Karakhan's diplomatic mission in China and the vicissitudes of the negotiations on the Soviet-Chinese agreement on the establishment of diplomatic relations. To that end, the Soviet diplomat, following the directives from Moscow, flexibly maneuvered between various groupings of Chinese elites and resisted the pressure of other great powers' representatives. The following sections examine L.M. Karakhan's activities as a Soviet ambassador. The author concludes that L.M. Karakhan consistently defended the national interests of the USSR, skillfully combining a fine diplomatic game and assertiveness, even rigidity at times. The latter was vividly manifested in the most challenging issues of Soviet-Chinese relations, such as disputes over the status of the Chinese Eastern Railway and Outer Mongolia. At the same time, the ambassador took an active part in organizing and supporting the revolutionary movement in China. In fact, L.M. Karakhan served as a central coordinator of the Soviet aid to the Kuomintang, determining both its forms and substance. The author concludes that L.M. Karakhan proved himself not merely as an agent of the Soviet leadership, but also as a politician in its own right capable to effectively address a wide range of tasks, some of which had not originally been intended by his mission. That said it is worth mentioning that the assertive, tough style of the Soviet diplomat often raised a lot of criticism among foreign representatives, since it was at odds with the declared USSR intentions to break with the foreign policy practices of tsarist Russia.

Keywords: L.M. Karakhan, Soviet-Chinese relations, USSR, China, People's Commissariat for Foreign Affairs, CER, Kuomintang, Manchuria, Outer Mongolia, world revolution, Comintern, United Front, CPC

About the author: *Irina N. Sotnikova* — PhD (History), Leading Research Fellow, Centre for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences (e-mail: sotnikova.irina@gmail.com; ORCID: 0000-0001-5967-8631).

For citation: Sotnikova I.N. 2024. The role of L.M. Karakhan in the Chinese policy of the Soviet Union (1923–1926). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 7–52. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-7-52. (In Russ.)

С образованием Советского Союза в декабре 1922 г. перед советским правительством встала труднейшая задача прорыва международной изоляции, возобновления дипломатических и консульских отношений, защиты советских интересов в иностранных государствах. Помимо международного признания Советский Союз на внешней арене продвигал идею экспорта мировой революции. В этом контексте большой интерес представляет деятельность Л.М. Карахана, члена коллегии Народного комиссариата иностранных дел (НКВД), заместителя наркома иностранных дел, направленного в качестве советского эmissара в Китайскую Республику для решения актуальных проблем двусторонних отношений и содействия в организации помощи китайским революционерам.

Как ни странно, яркой биографии такого высокопоставленного дипломата в советское время в исторической литературе были посвящены лишь две работы. Первая — популярная брошюра «Видные советские коммунисты — участники китайской революции» (1970) [Капица, 1970] — сборник биографий востоковедов, погибших в годы репрессий, одна из которых написана дипломатом, историком-востоковедом М.С. Капицей и посвящена Л.М. Карахану. В этом издании впервые даны основные вехи жизни и деятельности Л.М. Карахана, о которых было ранее неизвестно широкому читателю. В 1983 г. В.В. Соколов на основе подготовленных им ранее статей [Соколов, 1978a, 1978b, 1978c] опубликовал небольшую книгу «На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана» [Соколов, 1983], которая более подробно и популярно повествовала о советском дипломате. В книге собраны сведения о его яркой личной жизни и главных событиях его биографии, обобщившие в основном источники личного происхождения: устные и письменные воспоминания трех жен Л.М. Карахана, его дочерей и близких знакомых. Сведения эти достаточно субъективны и не касаются деталей реальной дипломатической деятельности Л.М. Карахана, поэтому в полной мере работу нельзя назвать научным исследованием. То же можно сказать о юбилейных статьях, выпущенных к 100-летию

со дня рождения Л.М. Карахана [Соколов, 1989; Лилюян, 1989], а также о его биографиях в различных справочниках и энциклопедиях.

Основной причиной отсутствия научных исследований как по заявленной теме, так и по узловым проблемам советско-китайских отношений была недоступность документальных исторических источников. Многие десятилетия основными авторами работ по советско-китайским отношениям являлись О.Б. Борисов и Б.Т. Колосков (псевдонимы работников ЦК КПСС О.Б. Рахманина и Б.Т. Кулика) [Борисов, Колосков, 1980]. Этому авторскому тандему и небольшому числу других исследователей были доступны архивные материалы. Они выступали с официальной трактовкой политики советского государства в отношении Китая.

Положение изменилось лишь после открытия для исследователей государственных архивов Российской Федерации. Получив доступ к неизвестным ранее материалам, ученые смогли закрыть многие «белые пятна» в социально-политической истории страны, найти ответы на интересующие их вопросы, ввести в научный оборот значительный массив документов.

Прорывом в источниковедении советско-китайских отношений 1920–1940-х годов стал пятитомный сборник документов РГАСПИ¹ «ВКП(б), Коминтерн и Китай»², раскрывающий механизмы выработки стратегии и тактики китайской политики советского руководства, импульсы ее политической и практической корректировки. Большой интерес в этой связи представляют «особые папки» — ранее неизвестные, засекреченные протоколы заседаний Политбюро ЦК РКП/ВКП(б) и директивы И.В. Сталина, в которых неоднократно Л.М. Карахан выступал активным действующим лицом. В этой связи следует также указать на незаслуженно обойденный вниманием исследователей сборник документов АВП РФ³ «Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом (Документы, август 1923–1926 гг.)»⁴. Составитель этого сборника доктор исторических наук А.И. Картунова является наиболее авто-

¹ РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. — *Прим. ред.*

² ВКП(б), Коминтерн и Китай: Документы: В 5 т. / Под рук. М.Л. Титаренко. М.: Буклет, 1994–2007.

³ АВП РФ — Архив внешней политики Российской Федерации. — *Прим. ред.*

⁴ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом (Документы, август 1923–1926 гг.). М.: Наталис, 2008.

ритетным исследователем истории советско-китайских отношений в 1919–1927 гг. и взаимодействия Коминтерна и Коммунистической партии Китая (КПК). В предисловии к сборнику, а также в своей статье о роли Г.В. Чичерина в формировании китайской политики Советского Союза [Картунова, 1983, 2014, 2015] А.И. Картунова рассматривает деятельность Л.М. Карахана в непосредственной связи с наркомом НКВД, заместителем, другом и единомышленником которого являлся советский эмиссар в Китайской Республике. В остальных работах российских исследователей его деятельность упоминается только в связи с решением внешнеполитических задач, поставленных ему советским руководством [Лузянин, 1994, 1995, 1996, 1998; Аблова, 1999; Дацышен, 2018; Волкова, 2020].

Таким образом, до недавнего времени научного исследования, специально посвященного деятельности Л.М. Карахана, в отечественной историографии не было. Однако в 2022–2023 гг. появились статьи Д.И. Герасимова [Герасимов, 2022а, 2022b, 2023] о проблемах дальневосточной политики СССР и работе Л.М. Карахана на этом поприще. В 2024 г. указанные статьи вошли в диссертацию автора «Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на дальневосточном направлении СССР (1918 — начало 1930-х годов)» [Герасимов, 2024]. Не умаляя достоинств этого аналитического исследования, его фундированности и новизны, следует отметить, что в связи со значительным историческим периодом (1918–1934), рассмотренным диссертантом в ракурсе формирования узлов противоречий в межвоенный период на Дальнем Востоке, работа не могла быть достаточно подробной. От внимания автора ускользнули некоторые нюансы участия Л.М. Карахана в многомесячных переговорах, примененные им методы и способы решения труднейших задач по реализации единого национального фронта. Кроме того, Д.И. Герасимов считает, что деятельность Л.М. Карахана была «целиком и полностью подчинена вертикали власти», а работал он «в соответствии с указанием партии и лично И.В. Сталина», поэтому его трудно в чем-либо упрекать [Герасимов, 2024: 228].

В отличие от отечественных исследователей, китайские историки обратили пристальное внимание на деятельность Л.М. Карахана в качестве проводника советской политики в Китае. До 1990-х годов они пользовались американскими и британскими документами и материалами, а когда появилась возможность работать в архивах РФ, целый десант иностранных исследователей осел в РГАСПИ. Кро-

ме того, в дополнение к переводам российского сборника «ВКП(б), Коминтерн и Китай» на китайский язык историки КНР выявили и опубликовали документы китайских архивов, начались широкая публикация и оцифровка собственных материалов.

При наличии значительного количества документов появилось несколько публикаций о политике Советского Союза в Китае [Жэнь Цзяньшу, 2001; Сюэ Жуйхань, 2003; Ван Вэньфэн, 2003], о советско-китайских отношениях [Су э ди и цы дуй хуа сюаньянь дуй чжун су гуаньси дэ ин сян, 1988; Лу Цзяньхун, 1994; Тянь Баого, 1999; Ло Сяохуэй, 2002; Ван Дун, 2002; Хуан Динтянь, 2004; Чжоу Хай, 2005], о Внешней Монголии [Сунь Цайшунь, 1997; Лю Цзинчжун, 2004] и политике единого фронта КПК и Гоминьдана [Ян Куйсун, 1990; У Юанькан, 2006]. Однако напрямую связанных с деятельностью Л.М. Карахана исследований в Китае не так много. Большая часть авторов отдают должное дипломатическим способностям полпреда СССР, считая, что он «сыграл важную роль в подписании первых равноправных “Соглашения Китай — Россия” и “Соглашения Фэнтянь⁵ — Россия” и <...> внес выдающийся вклад в установление ранних дипломатических отношений между Китаем и Советским Союзом» [Лю Ли, 2007: 35; Лю Цзяньмэй, 2020: 33]. Кроме того, китайские историки отмечают, что Л.М. Карахан был «убежденным сторонником помощи китайской национальной революции» и, находясь на дипломатическом посту в Пекине, «неоднократно активно добивался для Гуанчжоуского национального правительства и Национальной армии Северного Китая финансирования, оружия и консультантов у московских властей» [Ду Илин, 2020: 58].

Вместе с тем у китайских исследователей имеются претензии к деятельности Л.М. Карахана в Китае. В первую очередь это касается слов декларации о «безоговорочном возвращении Китаю Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и связанного с ней имущества без требования компенсации» [Лю Цзяньмэй, 2020: 34]. Наличие такой формулировки советский дипломат отрицал на переговорах. Из этого разночтения вытекала проблема КВЖД, которую он твердо намерен был «не возвращать». Причем, по мнению китайских авторов, «его не волновало, нанесет ли это ущерб интересам Китая»

⁵ Фэнтянь — с 1912 г. провинции в Северо-Восточной части Китайской Республики на территории Маньчжурии, обладавшие своим правительством (управой) в Фэнтяне (Шэньяне, ранее — Мукден) во главе с генерал-губернатором Чжан Цзолинем.

[Ду Илин, 2020: 28], что противоречило заявленным принципам равноправных советско-китайских отношений. Аналогично в Китае оценивают ситуацию, сложившуюся с Внешней Монголией (Монгольской народной республикой, МНР). Получение ею при помощи Л.М. Карахана независимости не просто стало «вмешательством во внутренние дела Китая, но и подорвало его суверенитет и территориальную целостность, серьезно разделило саму монгольскую нацию» [Ду Илин, 2020: 27]. Л.М. Карахан, не колеблясь, «принес в жертву интересы Китая ради национальных интересов Советского Союза», что, по мнению китайцев, является «национальным эгоизмом» и «великодержавным шовинизмом» [Чжао Вэньлян, Ху Сиюань, 1999: 120]. Давление, которое советский дипломат оказывал на китайское руководство в ходе переговоров, серьезно подорвало территориальный суверенитет Китая, а вопросы Монголии и КВЖД стали скрытой опасностью для будущего развития советско-китайских отношений. В связи с этим представляется необходимым определить правомерность обвинений, предъявляемых китайской историографией Л.М. Карахану.

На основе архивных документов и привлеченных автором китайских источников и исследований в данной статье предпринимается попытка определить роль и место Л.М. Карахана в разработке и корректировке политики СССР в отношении Китая, а также показать механизм принятия решений советским руководством, в частности, по проблемам принадлежности КВЖД, статуса Внешней Монголии и Маньчжурии в советско-китайских отношениях, показать дипломатические методы, процессы и результаты деятельности Л.М. Карахана в Китае в 1923–1926 гг. во враждебном окружении дипломатов ведущих держав. Впервые в отечественной историографии в таких подробностях и под таким углом рассматривается вклад Л.М. Карахана в восстановление дипломатических отношений СССР с Китайской Республикой и Японией, исследуется его роль в помощи Гуандунской базе китайского революционного движения.

Задачи полпреда СССР Л.М. Карахана в Китае.

Начало переговоров

Лев Михайлович Карахан (наст.: Левон Микаэлович Караханян) (20.01.1889–20.09.1937) — революционер, политический деятель,

дипломат. В 1904 г. вступил в РСДРП⁶, участвовал в революционной работе в Китае, Приморье, Сибири, Прибайкалье и в организации Советов в Иркутске. После Февральской революции в Петрограде был избран членом Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК), членом Президиума и секретарем первого Петросовета. В 1917–1918 гг. он участвовал в мирных переговорах с Германией, отстаивая позицию В.И. Ленина, чем заслужил его доверие в последующие годы. По окончании переговоров Л.М. Карахан был назначен членом коллегии НКВД РСФСР и заместителем наркома иностранных дел Г.В. Чичерина. В письме В.И. Ленину нарком отмечал здравый смысл, политическое чутье и полную самоотдачу Л.М. Карахана [Сопельняк, 2015: 146]. Он участвовал в подготовке и проведении I Конгресса Коминтерна, на котором был избран членом Исполкома (ИККИ). Л.М. Карахан стоял у истоков советской дипломатии. От имени советского правительства он вел переговоры с Бухарой, Хивой, Персией, Афганистаном, Арменией, Грузией, в 1920 г. отвечал за работу с Дальневосточной республикой (ДВР). По свидетельству очевидцев, многие документы В.И. Ленин подписывал только после визы Л.М. Карахана. В НКВД он курировал восточное направление, готовил предложения по организации пропаганды в странах Востока⁷, участвовал в формулировании основ политики России в отношении Китая. Общие принципы этой политики за подписью Л.М. Карахана были зафиксированы в документах 1919–1920 гг. и получили название первой и второй «Деклараций Карахана»⁸. Эти документы стали важными внешнеполитическими актами советского правительства.

Предыдущие миссии ДВР и РСФСР⁹ не смогли достичь в Китае значимых успехов из-за разногласий о статусе Внешней Монголии

⁶ РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия. — *Прим. ред.*

⁷ Письмо Л. Карахана В. Ленину о пропаганде на Востоке. Москва, 20 февраля 1919 г. // Коминтерн и идея мировой революции: Документы / Отв. ред. Я.С. Драбкин. М.: Наука, 1998. С. 130–132.

⁸ Обращение Совета Народных Комиссаров РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, 25 июля 1919 г. // Советско-китайские отношения 1917–1957: Сборник документов / Отв. ред. И.Ф. Курдюков, В.Н. Никофоров, А.С. Перевертайло. М.: Издательство восточной литературы, 1959. С. 43–45; Нота Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР Министерству иностранных дел Китая, 27 сентября 1920 г. // Там же. С. 51–53.

⁹ Дипломатические миссии ДВР и РСФСР во главе с И.Л. Юриным, А.К. Пайкесом и А.А. Йоффе (1920–1922) [подробнее см.: Орнацкая, Ципкин, 2007].

и принадлежности КВЖД. Неудивительно, что 8 августа 1923 г. главным «переговорщиком» в Китай был направлен молодой, но уже опытный дипломат Л.М. Карахан.

Двуединой и противоречивой его задачей в Китае было установление дипломатических отношений с официальным правительством Китайской Республики и продвижение революционных идей в целях свержения этого правительства. Пошаговый план миссии Л.М. Карахана был разработан в Москве весной 1923 г., при этом советскому эмиссару предстояло: восстановить дипломатические отношения между странами, защитить интересы СССР в Китае, начать переговоры с Чжан Цзолинем, губернатором Фэнтяня, т.е. трех провинций Маньчжурии (Ляонин, Цзилинь и Хэйлунцзян), и подписать соглашение о КВЖД; установить тесную связь с демократическим правительством на юге страны во главе с лидером партии Гоминьдан Сунь Ятсеном для оказания ему помощи в создании объединенного национального всекитайского правительства в Пекине под эгидой Гоминьдана¹⁰.

Подобная географическая разбросанность задач объяснялась своеобразием политической ситуации в Китае, получившей название «эра милитаристов». Зависимая от западных держав страна со слабым центральным правительством в Пекине была расколота между группировками милитаристов, которые не считались ни с какими законами и обладали собственными правительствами и вооруженными силами. Среди группировок было несколько центров влияния: на северо-востоке страны — прояпонская фэнтяньская группировка Чжан Цзолия; зависимое от ведущих держав и находившееся под влиянием главы чжилийской группировки милитаристов У Пэйфу центральное пекинское правительство во главе с президентом Цао Кунем; и, наконец, демократическое правительство Сунь Ятсена на юге в Кантоне (Гуанчжоу).

В конце августа 1923 г. по дороге в Пекин полномочный представитель (полпред) Л.М. Карахан прибыл в Фэнтянь, где планировал достичь соглашения с Чжан Цзолинем о принадлежности КВЖД, а также решить важную проблему наличия на железной дороге белогвардейских отрядов, угрожавших безопасности советских границ.

¹⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 66.

Л.М. Карахан постоянно находился на связи с наркомом Г.В. Чичериным. В одном из первых писем он сообщил в Москву об оказанном советской делегации торжественном приеме. Тем не менее, несмотря на готовность Чжан Цзолиня «серьезно договориться» с полпредом СССР, переговоры быстро зашли в тупик. По «идеальному» плану Л.М. Карахана заключение соглашения с Чжан Цзолинем упрочило бы позиции СССР на КВЖД и в Монголии и стимулировало бы пекинский кабинет министров признать советское государство. Но план не удался: советский дипломат добился лишь устного обещания Чжан Цзолиня заменить белогвардейцев на КВЖД советскими сотрудниками¹¹. Причиной неудачи переговоров стало вмешательство в них иностранных держав. Чжан Цзолинь в доверительном разговоре признался Л.М. Карахану в своем затруднительном положении: в случае подписания соглашения он рисковал быть объявленным предателем национальных интересов Китая, при этом на него оказывали сильнейшее давление иностранные дипломаты, в частности представитель Японии, который почти ежедневно требовал не подписывать никаких соглашений. Такую же линию проводили консулы великих держав в Фэнтяне, готовые «взять его за горло» в любой момент¹². В ответ Л.М. Карахан намекнул, что при потере надежды договориться мирно СССР может пойти на военное взятие КВЖД. Проведя безрезультатно 10 дней в Фэнтяне, полпред направился в Пекин. В дальнейшем он поддерживал связь с Фэнтянем через своих представителей.

Переговоры Л.М. Карахана с центральным правительством в Пекине. Заключение советско-китайского соглашения

В Пекине Л.М. Карахана тепло приветствовали представители всех слоев общества. В своей речи по приезде, которую позже назвали «Третьей декларацией Карахана», он убеждал китайцев, что Советский Союз — единственный друг китайского народа в достижении свободы и независимости. Он сознательно апеллировал к народу Китая, рассматривая его в качестве главного объекта советской дипломатии. В дальнейшем он встречался с китайскими и иностранными журналистами, устраивал приемы для знаменитостей. Его

¹¹ Там же. С. 79.

¹² В Москве вариант военного занятия КВЖД не был одобрен ни в то время, ни позже. См.: Там же. С. 68, 69, 74.

импровизированные выступления демонстрировали дружественное отношение СССР к народу Китая.

Среди дипломатов ведущих держав приезд Л.М. Карахана не вызвал восторга. К тому моменту Советский Союз был признан лишь одной ведущей державой — Германией. Даже не вдаваясь в детали условий предлагаемого соглашения, дипкорпус дружно выступил против переговоров и признания СССР. Общее давление одинаково оказывалось как на президента и правительство, так и на Ван Чжэнтин, назначенного главой китайской делегации на переговорах. После признания Советского Союза Англией враждебность дипломатов Франции, Японии и США только усилилась.

Л.М. Карахан информировал Г.В. Чичерина о своей возможности документально подтвердить, что иностранные державы пытались сорвать переговоры. В частности, французский посланник Э.Ф. де Флерио вручил ноту китайскому правительству с протестом против решения вопроса о КВЖД без участия Франции¹³. Кроме того, он через министра финансов Ван Кэмина оказывал давление на президента Цао Куня, с которым у того были дружеские отношения. Ван Кэмин соблазнял Цао Куня крупным французским займом, который мог получить Китай, отказавшись от переговоров с Советским Союзом. В случае подписания соглашения с СССР Франция, утверждал Ван Кэмин, отвернется от Китая, что приведет к неминуемому краху страны и падению самого президента¹⁴.

По свидетельству Л.М. Карахана, воздействие оказывалось и на министра иностранных дел Веллингтона Ку (Гу Вэйцзюнь), прежде всего со стороны американцев, с которыми тот считался более всего. Однако помимо чисто политических соображений у министра были личные карьерные расчеты. Он опасался, что в случае подписания китайско-советского соглашения Ван Чжэнтин мог занять его кресло¹⁵. Другие державы, хотя не протестовали письменно, но, несомненно, систематически оказывали давление через своих посланников и по другим каналам, так как и Япония, и США были связаны тысячами нитей с общественными деятелями, правительством, кабинетом, финансовыми организациями Китая и т.д.

¹³ Там же. С. 190–191.

¹⁴ Там же. С. 192.

¹⁵ Там же. С. 193.

Однако, несмотря на давление, Ван Чжэнтин заявил Л.М. Карахану о готовности решить советско-китайский вопрос и предложил как можно скорее согласовать дату начала переговоров. Л.М. Карахан же не торопился, продолжая налаживать контакты с прессой, с разными социальными группами и важными людьми из всех слоев китайского общества, включая основателя националистической партии Гоминьдан Сунь Ятсена, чтобы заручиться их поддержкой.

Проблемы возникли и при обсуждении повестки дня будущих переговоров. Правительство Пекина предлагало сначала решить спорные вопросы между странами, а затем подписать договор. Л.М. Карахан усвоил урок двух предыдущих неудачных миссий А.К. Пайкеса и А.А. Иоффе и настаивал на обратной очередности: сначала признание, а затем — переговоры¹⁶. 18 сентября 1923 г. из-за разногласий между сторонами переговоры завершились, по сути, не начавшись. Поскольку советский дипломат был непреклонен, Ван Чжэнтину пришлось согласиться на его условия: сначала подписать соглашение о признании СССР на основе деклараций о Китае 1919 и 1920 гг.

22 сентября переговоры возобновились, а 13 октября Ван Чжэнтин после консультаций с В. Ку предоставил полпреду проект соглашения о восстановлении советско-китайских отношений. Но Л.М. Карахан заметил в нем пункт о «советской оккупации» Внешней Монголии и отклонил проект. 30 ноября от имени советского правительства он заявил в прессе, что все спорные вопросы будут решены в полном соответствии с духом деклараций 1919–1920 гг. после восстановления советско-китайских отношений [Ду Илин, 2020: 23].

Переговоры вновь остановились и возобновились только в феврале 1924 г. вслед за признанием СССР Италией и Великобританией. Китай боялся потерять лицо и оказаться позади западных держав в этом процессе. 10 марта 1924 г. Л.М. Карахан отправил Г.В. Чичерину копии проектов документов, одобренных кабинетом министров Китая. Это были рамочные соглашения, определявшие принципы работы будущей конференции по вопросам КВЖД, наличия советских войск в Монголии, статуса внешнеторговых предприятий и торговых интересов и т.д. Конференцию планировалось провести через месяц после подписания соглашения.

¹⁶ Там же. С. 169.

Ван Чжэнтин регулярно отчитывался перед кабинетом министров о подробностях переговоров. 13 марта члены правительства выразили удовлетворение достигнутыми им результатами. Сразу после заседания правительства Ван Чжэнтин приехал к Л.М. Карахану, и до 8 часов утра 14 марта 1924 г. они уточняли формулировки. Л.М. Карахан знал о китайской традиции «не торопиться и тянуть бесконечно», поэтому сознательно не отпускал своего визави до парафирования текста соглашения, фактически заперев его у себя в кабинете. Полпред пошел на этот «героический», по его словам, а по факту — запредельный шаг, чтобы закончить дело в один прием¹⁷.

Согласовав 14 марта утром все тексты, переговорщики условились в течение дня поставить подписи под переписанными набело соглашениями в торжественной обстановке. Однако ни в тот день, ни на следующий подписания парафированного соглашения не произошло. Только вечером 15 марта выяснилось, что китайское правительство дезавуировало подпись Ван Чжэнтина, мотивируя решение тем, что он не имел полномочий принимать условия, сформулированные в соглашении 14 марта. Л.М. Карахан решительно бросился в атаку на кабинет министров, отнявший у него такую близкую победу. 16 и 19 марта он направил в правительство Китая ноты о срыве достигнутого соглашения, а 18 марта посетил В. Ку, которому указал на ответственность китайского правительства за случившееся. Полпред выставил ультиматум: если в трехдневный срок не будет ответа, то Советский Союз откажется от соглашения, а в будущем переговоры начнутся лишь после признания СССР¹⁸. Министр В. Ку убеждал Л.М. Карахана, что ответственность за инцидент целиком лежит на уже отстраненном от своих обязанностей Ван Чжэнтине, но советский полпред был непреклонен, заявляя, что переговоры закончены и единственным выходом является немедленное признание СССР¹⁹. С подачи Л.М. Карахана пресса подробно освещала происходившие события, что вызвало большое оживление в обществе. Студенчество и профессура требовали немедленного признания Советского Союза без всяких условий и соглашений. Этого же ожидал от президента, кабинета министров и МИДа имевший

¹⁷ Там же. С. 194.

¹⁸ Там же. С. 195.

¹⁹ Там же.

влияние на правительство генерал У Пэйфу. Таким образом, из-за твердой позиции Л.М. Карахана переговоры вновь остановились.

Секретарь ЦК РКП(б) И.В. Сталин предложил Л.М. Карахану использовать это время для заключения соглашения с Чжан Цзолинем, считая, что это по плечу только советскому послу²⁰. Однако Л.М. Карахан ослушался секретаря ЦК, поскольку был убежден, что нужен в Пекине, чтобы продемонстрировать силу Советского Союза великим державам и Китаю, сохранить имидж страны в общественном мнении и защитить национальные интересы. Вместо себя он направил в Маньчжурию на помощь уполномоченному СССР за подготовку к переговорам А.А. Краковецкому политического советника М.М. Бородина. Вероятно, Л.М. Карахан был взбешен позицией китайского правительства, поскольку предлагал советскому руководству провести на Дальнем Востоке военные учения [Ду Илин, 2020: 25]. Однако в условиях нестабильного положения СССР в Европе в Москве не поддержали предложение Л.М. Карахана. Тем не менее полпред считал свою позицию на переговорах в целом выгодной, так как отказ от уже подписанного соглашения грозил обернуться «позором для нации», и это подталкивало Китай к его признанию²¹.

Полпред рассчитал верно: как только соглашение в Пекине сорвалось, из Фэнтяня пришла телеграмма о готовности маньчжурского правительства немедленно подписать соглашение 14 марта в части, касающейся Маньчжурии и КВЖД. Содействовал этому Ван Чжэнтин, снятый правительством с поста²². Текст соглашения, составленный на английском языке, был передан на перевод, но в последний момент китайцы внесли в него поправку, которая ущемляла интересы СССР. Так, статья об обязательствах снимала с КВЖД все претензии Советского Союза по акциям, облигациям и другим долгам, что было неприемлемо. Начиная с 20 мая переговоры в Фэнтяне были сосредоточены вокруг спора о правильном переводе²³. Одновременно Л.М. Карахан предпринял ряд усилий, чтобы информация о завершении переговоров в Фэнтяне дошла до В. Ку и он не смог бы сохранить это в тайне, в частности, от У Пэйфу. Полпред, используя свои связи среди членов парламента, довел до сведения У Пэйфу состояние дел в Фэнтяне, а для достоверности окольными путями

²⁰ Там же. С. 166.

²¹ Там же. С. 194–196.

²² Там же. С. 197.

²³ Там же. С. 213–214.

сообщил ту же информацию через членов американской миссии. Расчет Л.М. Карахана оправдался: У Пэйфу надавил на правительство, требуя немедленно урегулировать вопрос с СССР²⁴. Возможно, это было главным и решающим толчком, приведшим к подписанию соглашения, так как получение телеграмм от У Пэйфу заставило В. Ку искать какой-то выход из сложившейся ситуации. Для влияния непосредственно на В. Ку Л.М. Карахан использовал также попытку покушения на него, когда бомба ранила трех слуг в доме министра. Советский полпред сразу выразил ему свои соболезнования²⁵. Наконец, свою роль сыграли начавшиеся переговоры СССР с Японией, о ходе которых сообщала как японская, так и китайская пресса. Эти переговоры переключили внимание посланников Франции и США на японские проблемы²⁶.

Выраженные Л.М. Караханом соболезнования произвели на В. Ку должное впечатление. 20 мая он прислал к полпреду своего советника Чжу, чтобы передать благодарность «за выраженные чувства». Чжу дал понять полпреду, что может устроить встречу с В. Ку. Но Л.М. Карахан решительно заявил, намекая на скорое соглашение с Фэнтянем, что они увидятся только на подписании соглашения, и если пекинский кабинет не поторопится, то уступки, которые полпред готов сделать сейчас, потом будут невозможны²⁷.

28 мая Чжу привез Л.М. Карахану редакционные изменения, которые включали прежние требования к СССР вывести войска из Монголии без всяких условий. Полпред в ответ пригрозил направить телеграмму в Фэнтянь о согласии подписать сепаратное соглашение. В тот же день ночью Чжу сообщил Л.М. Карахану, что В. Ку готов пойти на все его условия, но просит внести в текст какие-либо стилистические изменения для того, чтобы тот мог сообщить правительству, что подписывает улучшенный проект, а не соглашение в редакции Ван Чжэнтина от 14 марта. Министр попросил также держать всё в тайне из-за возможного вмешательства западных держав²⁸. Л.М. Карахан охотно пошел на такие уступки.

Таким образом, лавируя между Пекином и Фэнтянем, Л.М. Карахан добился того, что 31 мая 1924 г. в 10 часов официально были

²⁴ Там же. С. 214.

²⁵ Там же. С. 215.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 218.

²⁸ Там же.

подписаны «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов...» и ряд деклараций к нему²⁹. Полпреду удалось улучшить советские позиции по ряду проблем: обеспечить целевое расходование «боксерской» контрибуции³⁰, «узаконить» возможность пребывания советских войск на территории Монголии, подтвердить передачу в собственность СССР российских концессий³¹. По советско-китайскому соглашению Советский Союз отказался от всех привилегий царского правительства в Китае: от консульской юрисдикции, экстерриториальности и т.д., что свидетельствовало об отношении СССР к Китаю как к равноправному и суверенному государству. Хотя данное соглашение не решало все исторически проблемные вопросы двусторонних отношений, оно стало первым равноправным договором, подписанным Китаем с иностранным государством. Главным итогом оказалось то, что дипломатические отношения между странами были восстановлены. Таким образом, Л.М. Карахан выполнил первую задачу, поставленную ему советским руководством.

Борьба первого посла СССР с дипломатическим корпусом и вступление в должность дуайена

Через неделю из Москвы пришло известие о назначении Л.М. Карахана послом СССР в Китайской Республике. Инициатива повышения статуса полпреда до ранга посла принадлежала самому Л.М. Карахану, убедившему наркома и Политбюро ЦК РКП(б), что в условиях, когда дипкорпус разговаривает с пекинским правительством на языке коллективных нот, советский представитель должен стать послом, чтобы иметь возможность более эффективно противостоять западным дипломатам³². Он также подготовил ноту китайскому кабинету министров о том, что обмен послами

²⁹ Там же. С. 218–219.

³⁰ Советское правительство отказалось от получения с Китая оставшейся части контрибуции (свыше 100 млн золотых рублей) за Ихэтуаньское (Боксерское) восстание (1899–1901), которую Китай выплачивал западным державам по «Заключительному протоколу» (7 сентября 1901 г.). В отличие от соглашения с Ван Чжэнтином (14 марта), по новому соглашению финансовые операции с «боксерскими» суммами гарантированно поступали по целевому назначению на дело просвещения, а не попадали в какой-нибудь китайский банк.

³¹ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 204–207.

³² Там же. С. 211.

будет свидетельством равноправия отношений и уважения к народу Китая. Содержание ноты полпред сразу передал газетчикам с соответствующими указаниями. 31 июля президент Китайской Республики Цао Кунь в зале Хуайжэнь принял верительные грамоты Л.М. Карахана [Лю Ли, 2007: 29], первого иностранного посла в Китае с момента установления им дипломатических отношений с зарубежными странами.

Признание советского представителя послом вызвало панику в дипкорпусе. Л.М. Карахан — посол страны, не признанной большинством держав, — становился главной дипломатической фигурой, дуаиеном дипкорпуса в Китае. По устоявшейся международной традиции в подобных «малозначимых» странах, как Китай, ведущие державы были представлены министрами-посланниками, что ниже уровня посла. И хотя Л.М. Карахан был моложе всех (ему было всего 35 лет, тогда как американскому министру Дж. Шурману исполнилось 70, а голландскому и японскому министрам было около 50 лет), он получил более высокий ранг, чем все остальные дипломаты. Без согласия посла стало невозможно вмешиваться коллективными нотами во внутренние дела Китая.

В этих условиях дипломаты недружественных стран неоднократно сепаратно собирались и обсуждали создавшееся положение. В Дунцзяоминьсяне (старый посольский квартал в Пекине) разыгрывалось настоящее соревнование, кто из дипломатов вставит больше палок в колеса Л.М. Карахану. Стараясь свести на нет деятельность посла, они сформировали при дипкорпусе «комитет четырех держав» (Великобритании, США, Франции и Японии), расколов тем самым дипкорпус на «комитет», советское посольство и остальные 12 стран [У Мэнсюэ, 1993: 175–176]. Представители держав «комитета» игнорировали Л.М. Карахана, бойкотировали мероприятия с его участием, вели за его спиной переговоры с МИД Китая, не консультируясь с другими дипломатами. Враждебность к послу в Дунцзяоминьсяне выразилась также в попытках дипкорпуса в течение 4 месяцев не допустить передачу царской посольской и консульской собственности, находившейся в посольском районе под общим управлением дипкорпуса.

В ответ Л.М. Карахан развернул борьбу по принципу «око за око», оказывая сопротивление неразумному поведению дипкорпуса. Он воздействовал на В. Ку и нового министра иностранных дел Шэнь Жуйлиня (Шэнь Куйлинь), указывая на незаконность на-

личия двух дипмиссий: «комитета» из министров великих держав во главе с первоначальным ведущим министром и миссии из 12 других диппредставительств во главе с послом СССР, вступившим в эту должность в конце июля 1924 г. Л.М. Карахан требовал от министра оказать воздействие на «незаконный» дипкорпус и вернуть собственность СССР. Министр разослал уведомление диппредставительствам о том, что прежнее российское посольство не подлежит контролю других стран. Однако миссия воспользовалась процедурными нарушениями, не среагировала на уведомление и не вернула теперь уже советскую собственность. Тогда Л.М. Карахан подключил общественное мнение, по всей стране прокатилась волна протестных акций, что вызвало обеспокоенность дипкорпуса. В результате 17 августа дипкорпус направил в МИД Китая ноту с согласием вернуть советское посольство [Хуан Цзилян, 1982].

Что касается попыток изоляции Л.М. Карахана, то он боролся с ней методом тайной дипломатии, решая вопросы на отдельных встречах с представителями других держав. В результате постепенно ситуация стала меняться, многие министры-посланники в свою очередь запросили у правительств повышения своего ранга. Лед враждебности и недоверия дипкорпуса к послу постепенно таял. «Комитет заговорщиков» согласился участвовать в церемониальных мероприятиях во главе с советским послом, была достигнута договоренность о преобразовании миссии в единую группу. Старый дипкорпус в Дунцзяоминьсяне перестал существовать. Тупиковая ситуация в посольском споре окончательно завершилась 25 сентября 1924 г. победой Л.М. Карахана. 27 апреля 1925 г. советский посол официально вступил в должность дуайена дипкорпуса в Китае.

Решение Л.М. Караханом вопроса о КВЖД.

Советско-фэнтяньское соглашение

Наиболее сложным и запутанным для Л.М. Карахана оставался вопрос о принадлежности КВЖД. Камнем преткновения были разночтения двух «деклараций Карахана». Если в первом документе говорилось о безвозмездной передаче имущества Китаю, то во втором этот абзац был опущен. Л.М. Карахан объяснял это обстоятельство ошибкой сотрудников внешнеполитического ведомства³³. Известный китаевед М.В. Крюков в подробнейшем текстологическом

³³ Там же. С. 88.

анализе вариантов документов доказал, что советский посол, мягко говоря, лукавил. Китайскому правительству был передан отредактированный документ, хотя еще в октябре 1921 г. Л.М. Карахан напоминал Г.В. Чичерину, что в декларации 1919 г. говорилось о безвозмездной уступке дороги. Этот пункт был убран из декларации после того, как в ноябре 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение оставить КВЖД в собственности Советской России [Крюков, 2010: 234]. Представляется, что в революционном запале советское правительство объявило об отказе от всех неравноправных договоров, от аннексий и контрибуций, об отмене всех тайных договоров. Позже по здравому разумению оно пришло к выводу, что терять дорогу, в которую Россия вложила от 790 млн до 1 млрд рублей и которая приносит доход в 12 млрд³⁴, неразумно. Подтверждением этому служат обнаруженные М.В. Крюковым слова Л.М. Карахана о том, что в СССР произошел переход от «декларативной» внешней политики к «деловой»: «Мы сейчас вступили в такой период нашего внешнего положения, когда каждая пядь советской земли и каждый советский рубль должны быть предметом нашего особого внимания, и мы без серьезной борьбы не можем уступить другим державам ни одного реального блага» [Крюков, 2010: 236].

Положение Советского Союза на железной дороге было чрезвычайно тяжелым. Там работало большое количество белогвардейцев, а принадлежавшее СССР имущество постоянно разворовывалось. Белые пытались захватить полосу отчуждения КВЖД. Кроме того, происходила медленная «японизация» дороги: угольные ресурсы и имущество были переданы японцам. В этой связи конечной целью стратегии Л.М. Карахана на переговорах с Фэнтянем стало установление контроля Советского Союза над КВЖД, причем независимо от того, кто подпишет соглашение — Пекин или Фэнтань. Сам Л.М. Карахан находился в Пекине, следил за процессом по докладам М.М. Бородин. Сдвиг в переговорах произошел, как уже говорилось, после срыва соглашения 14 марта 1924 г. Но случилась накладка: 4 мая М.М. Бородин, не согласовав свои действия ни с Г.В. Чичериным, ни с Л.М. Караханом, предоставил маньчжурским чиновникам проект соглашения, куда непонятным образом вошли формулировки о выкупе Китаем железной дороги, долговом вопросе железнодорожной компании, принципе распределения занятости

³⁴ Там же. С. 277–278, 286.

между двумя странами в Правлении железной дорогой и т.д. [Ду Илин, 2020: 43].

Похоже, что при корректировке проекта между М.М. Бородиным и Л.М. Караханом возникли проблемы со связью. Но при этом переговоры находились под прямым контролем Политбюро ЦК, которое, по заверению М.М. Бородина, посчитало проект «вполне приемлемым» и согласилось на его подписание [Ду Илин, 2020: 43]. Внесенные в соглашение изменения требовали корректировки текста. Пока представители Фэнтяня этим занимались, в Пекине было подписано Соглашение 31 мая. Для Чжан Цзолина это стало неприятной неожиданностью, поскольку центральное правительство обошло его интересы. Он публично заявил о непризнании соглашения [Ду Илин, 2020: 44].

В ответ Л.М. Карахан дал указание не подписывать соглашение и отозвал М.М. Бородина, чтобы показать Фэнтяню, что не желает идти на уступки. В это же время правительство Пекина направило эмиссаров в Фэнтянь убедить Чжан Цзолина отказаться от независимых переговоров с Советским Союзом. Л.М. Карахану пришлось неоднократно встречаться с В. Ку, чтобы уговорить министра не чинить препятствий. Для ускорения подписания соглашения с Фэнтянем Л.М. Карахан решил начать новый раунд переговоров и отправил туда своего представителя Н.К. Кузнецова с новым проектом соглашения, но в Фэнтяне отказались обсуждать его при одобренном предыдущем³⁵.

Подобная челночная дипломатия с попытками внести изменения в проект соглашения и взаимными уступками закончилась к концу июля, когда текст документа был согласован и 28 июля отправлен в СССР для одобрения руководства страны³⁶. В Москве соглашение проходило через утверждение Совнаркома и ЦИК СССР, что замедлило процесс. 11 сентября Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение: «Поручить тов. Карахану подписать с Чжан Цзолинем выработанное соглашение»³⁷. Труднейшие переговоры, длившиеся три месяца, 20 сентября 1924 г. наконец завершились. «Соглашение между правительствами Союза ССР и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики» также являлось

³⁵ Там же. С. 259.

³⁶ Там же. С. 288.

³⁷ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925: Документы... С. 479.

рамочным и включало вопросы о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом планах³⁸. Надо отметить, что, согласно подписанным 20 сентября 1924 г. соглашениям, контроль СССР над КВЖД не был полным. 3 октября 1924 г. железная дорога, признанная коммерческим предприятием, перешла под совместное советско-китайское управление. Хотя принципы этого управления только вырабатывались Л.М. Караханом, советские работники дороги начали заполнять штатные единицы. Директором (управляющим) дорогой стал А.Н. Иванов. С самого вступления в должность он начал упрочивать позиции СССР на КВЖД, действуя решительно и жестко при поддержке советского посла. Не согласовывая свои действия ни с Москвой, ни с китайской стороной, 9 апреля 1925 г. он опубликовал «Приказ № 94», суть которого сводилась к тому, что с 31 мая все железнодорожные работники должны были натурализоваться и иметь либо советское, либо китайское гражданство, а не обратившиеся за гражданством с 1 июня отстранялись от работы³⁹.

Маньчжурское руководство, наблюдая это, не желало терять свои права и приняло контрмеры, сообщив о ситуации губернатору Чжан Цзолиню с просьбой отменить «Приказ № 94». Л.М. Карахан решил защитить А.Н. Иванова. 23 мая 1925 г. он направил ноту министру Шэнь Жуйлиню, в которой обвинил Фэнтянь в нарушении подписанных советско-китайских соглашений, а также в сокрытии белогвардейцев на КВЖД. Он потребовал выполнить приказ А.Н. Иванова. Узнав об этом, Г.В. Чичерин занял иную позицию. Он посчитал, что «юридически т. Иванов не прав» и большой ошибкой является неуважительное отношение к китайским кадрам железной дороги, навязывание им своих⁴⁰. 23 июня 1925 г. Л.М. Карахан сам признался И.В. Сталину, что у А.Н. Иванова «линия в отношении китайцев жесткая, <...> великодержавная»⁴¹.

Однако Л.М. Карахан и после конфликта продолжал поддерживать тот же курс советского руководства в отношении КВЖД,

³⁸ Соглашение между правительством Союза ССР и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашениях, 20 сентября 1924 г. // Советско-китайские отношения 1917–1957: Сборник документов... С. 94–98.

³⁹ КВЖД только для граждан России и Китая // Новости жизни. 1925. С. 3.

⁴⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 536–537.

⁴¹ Там же. С. 551.

а нерешенная проблема управления дорогой вскоре вызвала новое обострение.

Поводом для дальнейшей эскалации конфликта стал инцидент с транспортировкой войск. 28 ноября А.Н. Иванов на основании указания Л.М. Карахана издал приказ, в котором объявлял, что с 1 декабря 1925 г. бесплатные военные перевозки прекращаются, а доставка войск и военных грузов будет осуществляться за наличные деньги. 16 января 1926 г. офицеры и солдаты роты железнодорожной охраны в Чанчуне хотели сесть на поезд, но он был остановлен. Советская бригада железнодорожников попросила офицеров и солдат оплатить проезд наличными. Впоследствии, начиная с 17 января того года, движение всех поездов дальнего следования было приостановлено, что привело к хаосу на железной дороге. 22 января командующий дорожной охраной Чжан Хуаньсян отдал приказ арестовать А.Н. Иванова по обвинению в «превышении полномочий» и велел захватить все железнодорожные объекты.

16 марта 1926 г. Г.В. Чичерин в письме Л.М. Карахану раскритиковал стиль действий А.Н. Иванова, чью политику считал в корне ошибочной, а самого директора сравнил с «царским генерал-губернатором», «бьющим по морде китайцев»⁴². Нарком выразил недоумение в связи с отсутствием у советского посла сведений о конфликте на КВЖД, заметив, что империалистические экономические методы проявляются в работе и в Маньчжурии, и в Монголии, и в Персии, и в Турции. Нигде это противоречие не выглядит таким ярким, как на КВЖД, и нигде поэтому советская политика не подвергается такой опасности. Г.В. Чичерин писал о невозможности провозглашать равноправную политику и действовать, как царские сатрапы. Он поручил Л.М. Карахану урегулировать конфликт и прекратить ущемление, зажимы и систематическое устранение китайцев от управления КВЖД⁴³.

Л.М. Карахан всегда придерживался жесткой позиции при решении вопроса о железной дороге, который лежал в основе отношений между Фэнтянем и Советским Союзом. Но на этот раз он подчинился наркому. 19 марта он направил Чжан Хуаньсяну ноту по поводу спора о транспортировке войск⁴⁴ и 21 марта встретился с японским

⁴² Там же. С. 611.

⁴³ Там же. С. 611–612.

⁴⁴ Сообщение о протесте посла СССР в Китае Л.М. Карахана 19 января 1926 г. против произвола мукденских властей на КВЖД, 22 января 1926 г. // Советско-китайские отношения 1917–1957: Сборник документов... С. 109–110.

министром Ёсидзавой Кэнкити. Л.М. Карахан подчеркнул серьезность инцидента и разъяснил позицию Советского Союза по решительной защите интересов КВЖД. Однако при этом не удержался и вновь намекнул, что при невозможности мирного урегулирования «Советский Союз прибегнет к силе» [Ду Илин, 2020: 78]. Китай, как и СССР, не желал разжигать конфликт, поэтому после ряда консультаций было достигнуто соглашение об освобождении А.Н. Иванова и восстановлении нормальной работы железной дороги.

Январский кризис на КВЖД нанес ущерб репутации СССР. Ведущие державы развернули в Китае антисоветскую и антикоммунистическую пропагандистскую деятельность, иностранная пресса в Китае открыто обсуждала вопрос о военной интервенции и просила Советский Союз отозвать своего посла [Ду Илин, 2020: 81]. В Японии маньчжурский инцидент вызвал стремление к экспансии на северо-востоке Китая, а также в Монголии и привлек внимание к проблемам советско-японских отношений. СССР мог вновь оказаться в дипломатической изоляции. Л.М. Карахан, хоть и не был стороной железнодорожного конфликта, но как руководитель советской политики в Китае был обязан следить за советским персоналом на КВЖД. Кроме того, методы ведения переговоров, выбранные им, не во всем совпадали с заявленными Советским Союзом принципами равноправия во внешней политике.

В конечном счете кризис разрешился путем мирных переговоров и не перерос в вооруженный конфликт на советско-китайской границе, однако серия споров вокруг КВЖД продолжилась. Советскому Союзу пришлось пересмотреть и скорректировать свою радикальную политику.

Разрешение вопроса о статусе Внешней Монголии

Еще одной дипломатической задачей Л.М. Карахана в рамках Соглашения 31 мая 1924 г. стало разрешение вопроса о статусе Внешней Монголии. Советские войска находились там с 1921 г., еще до монгольской революции и заключенного 5 ноября 1921 г. Договора об установлении дружественных отношений между Монголией и Россией. В политике РКП(б) и Коминтерна Монголии отводилась роль некоего плацдарма для продвижения революции в Китай и расширения сферы влияния на Востоке. Ради этого Коминтерн поддерживал национально-освободительное движение монгольских народов за независимость путем оказания помощи финансами, военными

инструкторами из числа бурятов и калмыков, а также поставками оружия и другими материальными средствами [Исторический опыт братского содружества..., 1971: 217]. Войска Красной армии остались на территории Монголии.

Советский посол оказался в сложной ситуации: с одной стороны, надо было поддерживать право Монголии на самоопределение, а с другой — не испортить отношения с Китаем перед подписанием соглашения, поскольку вопрос о Внешней Монголии для Пекина был очень чувствительным. В Москве было принято решение о признании «национальной автономии» Внешней Монголии в составе Китая. Тем временем известие о советско-китайских переговорах вызвали в Монголии внутреннее брожение. Монголы беспокоились, что СССР их предаст, выведя свои войска. Л.М. Карахан тоже полагал, что монголы никаких китайских войск у себя не допустят⁴⁵.

После подписания Соглашения 31 мая главным пунктом повестки предстоявшей конференции по монгольскому вопросу [Ду Илин, 2020: 67] оставалось присутствие советских войск на территории Внешней Монголии. Из-за этого посол неоднократно откладывал созыв конференции. В целях безопасности советских границ при возможном выводе войск он предложил своему руководству улучшить боеготовность монгольской армии. Военные специалисты, направленные летом 1924 г. в Монголию Реввоенсоветом, также подтвердили эту возможность⁴⁶. Генерал Фэн Юйсян⁴⁷, формально являвшийся начальником охраны западной границы Китая, пригласил в Чжанцзякоу (Калган) на переговоры делегацию Внешней Монголии. Л.М. Карахан поддержал идею переговоров, поскольку при достижении договоренности Фэн Юйсян не стал бы захватывать Внешнюю Монголию и обеспечил бы ей безопасность. Генерал же рассчитывал обезопасить торговые пути через Ургу (ныне — Улан-Батор) и создать плацдарм поближе к границе с Советским Союзом в расчете на его возможную помощь. Представитель монгольской

⁴⁵ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 95, 110–111, 262.

⁴⁶ Там же. С. 261–263.

⁴⁷ Фэн Юйсян — военный правитель провинции Шэньси, примыкавший к чжилийской милитаристской группировке. В октябре 1924 г. возглавил госпереворот, занял Пекин и образовал новое правительство, лояльное революционным силам Юго-Восточного Китая. Главнокомандующий Национальными армиями и командующий 1-й Национальной армией (Гоминыцзюнь).

стороны надеялся, что в соглашении будет зафиксировано признание Китаем независимости Внешней Монголии⁴⁸, но переговоры показали, что китайцы по-прежнему считали ее частью своей страны, а монголам стало понятно, что только СССР может гарантировать им самостоятельность. Провозглашенную в ноябре 1924 г. Монгольскую Народную Республику Китай также отказался признать. Для защиты независимости и безопасности МНР от Японии и различных заговоров монгольских князей с Маньчжурией по просьбе правительства МНР советские войска оставались на ее территории до марта 1925 г.⁴⁹ Вопрос об их присутствии был согласован Советским Союзом в одностороннем порядке с властями Внешней Монголии, и у Китая не было возможности вмешаться.

Таким образом, в результате подписанного 31 мая договора и дальнейших усилий СССР, Коминтерна при участии Монгольской народно-революционной партии Внешняя Монголия стала независимой от Китая. Вместе с тем потеря Китаем этой территории дала возможность китайским исследователям до настоящего времени обвинять первого посла СССР как проводника советской политики во вмешательстве во внутренние дела своей страны, разделении монгольской нации и отторжении территории Китая [Лю Ли, 2007: 28].

Представляется, что Л.М. Карахан действовал в данном вопросе как государственный, защищая интересы своей страны. Однако следует признать, что результат решения монгольского вопроса на фоне первых заявлений Советского Союза, что «все будет возвращено Китаю навсегда и бесплатно», был неоднозначен.

Роль Л.М. Карахана в заключении советско-японского соглашения

К незапланированным дипломатическим задачам Л.М. Карахана на посту посла в Китае можно отнести советско-японские переговоры. Конфликт интересов между СССР и Японией на Дальнем Востоке существовал уже давно. Не имея там другого представителя, руководство поручило Л.М. Карахану попытаться восстановить дипломатические отношения с Токио. Кроме того, ситуация касалась и Китая, так как Япония обладала заметным влиянием в Мань-

⁴⁸ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 460–461.

⁴⁹ Там же. С. 495–496.

чжурии. Но для СССР важнее всего была ситуация в Приморье и на Сахалине, где по итогам Русско-японской войны хозяйничали японцы, которые после вооруженного конфликта с партизанами ДВР в марте 1920 г. в Николаевске-на-Амуре⁵⁰ незаконно оккупировали Северный Сахалин. Л.М. Карахан решил перенести советско-японские переговоры в Пекин.

В качестве предложения для налаживания контактов с посланником Японии Ёсидзавой Кэнкити он от имени советского правительства предложил оказать Токио гуманитарную помощь после разрушительного землетрясения в Иокогаме 1 сентября 1923 г. Но японские власти отказались принять гуманитарную помощь от СССР. Тогда Л.М. Карахан предложил более выгодный для Японии вариант: предоставить помощь Иокогаме в виде закупок леса по себестоимости (или выделить делянки для самовывоза заготовленного леса), а также выделить рыболовные участки в водах СССР. Японский посланник сообщил это предложение своему кабинету министров, что запустило в стране процесс обсуждения вопроса о нормализации отношений с СССР⁵¹. Только после этого Л.М. Карахан предложил начать переговоры о восстановлении добрососедских советско-японских отношений.

В течение трех месяцев вопрос о переговорах не двигался с места. Одновременно японцы, пользуясь слабостью советской администрации на побережье в Камчатском и Охотском районах и в Приморье, вели себя, по выражению Л.М. Карахана, «невозможно нахально». Они похищали имущество, снимали советские фарватерные знаки, грабили природные богатства России. Кроме того, они поставили оружие сепаратистам в якутской области, выступавшим под лозунгом независимости Якутии и Тунгузии под протекторатом Японии⁵².

Несмотря на это, советское руководство официально направило ноту японскому правительству, повторив предложение о рыбо-

⁵⁰ Николаевский инцидент — расправа над японскими войсками и жителями 23–31 мая 1920 г. после вооруженного конфликта между партизанами и частями японской армии в марте 1920 г. в Николаевске-на-Амуре.

⁵¹ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 91.

⁵² Тунгусская республика — непризнанное государство, образованное на территории Охотского края, Якутской АССР, а также Хабаровского края в период с июля 1924 по май 1925 г. См. подробнее: Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 123–124, 495.

ловных и лесных участках в виде помощи японскому народу с 75% скидкой⁵³, но ответа не последовало. Вследствие отсутствия какой-либо информации в Китае и тем более в Москве Л.М. Карахан попросил руководство СССР повторить ноту Японии с намеком на незначительность помех для развития двусторонних отношений⁵⁴. Этот шаг и подписание советско-китайского Соглашения 31 мая принесли свои плоды: в Пекине 14 мая 1924 г. начались советско-японские переговоры.

В качестве предварительного условия Л.М. Карахан выдвинул требование вывести японские войска с о. Сахалин и признать СССР⁵⁵. В ходе переговоров выяснилось, что главным для Японии является вопрос о Северном Сахалине: страна закупала 90% нефтепродуктов в США, поэтому была крайне заинтересована в сахалинских месторождениях нефти. Японцы вложили большие деньги в геологоразведку и добычу топлива и боялись всё потерять с выводом своих войск. Спорные проблемы и свои предложения Л.М. Карахан согласовывал с Г.В. Чичериным, который передавал их в специальную комиссию. И.В. Сталин, с которым советский посол был на «ты», напутствовал: «Не верь японским дипломатам ни на секунду: самая вероломная публика. Верь фактам...»⁵⁶.

Следуя этим напутствиям, в ходе очередного раунда переговоров в августе 1924 г. Л.М. Карахан отклонил невыгодный для СССР японский проект договора, не опасаясь, что Токио выйдет из переговорного процесса. Отстаивая интересы страны, он дрался за каждый процент добычи нефти и клочок территорий геологоразведки: «Моя точка зрения была не уступать японцам, ибо в будущем году они пришли бы к нам на поклон»⁵⁷. Однако в том же году позиция советского руководства резко изменилась: ради немедленного вывода японских войск с Сахалина и установления дипломатических отношений оно согласилось на многие японские условия, поэтому, когда в декабре 1924 г. переговоры с Японией застопорились, Москва указала Л.М. Карахану, что цепляться за какие-то «мелочи» (речь шла об уступке 45–50% месторождений нефти и угля!) — это не-

⁵³ Там же. С. 125.

⁵⁴ Там же. С. 128.

⁵⁵ Там же. С. 202.

⁵⁶ Там же. С. 236.

⁵⁷ Там же. С. 419.

простительный срыв решений ЦК РКП(б)⁵⁸. В итоге, несмотря на жульнические попытки японцев при переписывании набело текста соглашения внести изменения в свою пользу, Л.М. Карахан в январе 1925 г. подписал советско-японскую Конвенцию об установлении дипломатических отношений, а также ряд деклараций, регулирующих взаимодействие сторон⁵⁹. Согласно Конвенции Япония обязалась вывести с о. Сахалин свои войска. Так Л.М. Карахан «свалил с плеч» японское соглашение, за что получил от И.В. Сталина звание «победителя китайских, японских и прочая и прочая контрреволюционеров»⁶⁰.

Участие Л.М. Карахана в помощи китайской национальной революции

Параллельно с дипломатическими боями Л.М. Карахан занимался второй составляющей двуединой задачи — поддержкой национального революционного движения в Китае. Коминтерн, остановив свой выбор на правительстве в Кантоне (Гуанчжоу) во главе с лидером Гоминьдана Сунь Ятсеном, придал толчок сближению КПК и Гоминьдана. Ключевые решения о союзе Гоминьдана и КПК в национальной революции принимались Коминтерном по предложению работавших в Китае советских представителей. Помимо известных положений II Конгресса Коминтерна о союзниках пролетариата в революционной борьбе стоит указать, в частности, на директиву ИККИ от 6 января 1923 г. и директивы III съезда КПК от 23 мая 1923 г. о необходимости создания единого фронта и работе Компартии с Гоминьданом⁶¹. Л.М. Карахану как члену первого состава Исполкома Коминтерна и опытному революционеру поручили руководить этим коминтерновским проектом в Китае.

Принципиальное одобрение плана создания революционной армии и базы в Китае и решение о возможности оказать поддержку Сунь Ятсену примерно в 2 млн мексиканских долларов (около 2 млн

⁵⁸ Там же. С. 421.

⁵⁹ Конвенция об основных принципах взаимоотношений между СССР и Японией, Пекин, 20 января 1925 г. // Президентская библиотека. Доступ: <https://www.prlib.ru/item/337144> (дата обращения: 15.09.2024).

⁶⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 440.

⁶¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 172–176, 227–229.

рублей) было принято на заседании Политбюро 8 марта 1923 г. Надо понимать, что подразумевалась прежде всего военная помощь. В решении говорилось о готовности Советского Союза предоставить Сунь Ятсену вооружение и технику, создать военную школу, помочь построить армию⁶². Подробно намечались обязанности Л.М. Карахана на месте: определить формы помощи, составить план работ и распределения денежного кредита, а также руководить направляемой в Кантон группой политических и военных советников. 2 августа 1923 г. политическим советником Сунь Ятсена Политбюро ЦК назначило М.М. Бородина и направило его в Китай вместе с Л.М. Караханом⁶³. М.М. Бородин был обязан соотносить свою деятельность с советским послом и через него связываться с Москвой. Когда в 1923–1924 гг. на юг Китая начали прибывать военные советники, именно Л.М. Карахан выступил в качестве их руководителя, направляя и инструктируя новоприбывших. В этой роли он добивался от руководства снабжения Сунь Ятсена оружием, чтобы «не выпустить из рук Гуандун». При этом сам Сунь Ятсен строил грандиозные военные планы и надеялся, что Советский Союз поможет ему выбить Чжан Цзолиня, захватившего Пекин, и образовать общенациональное правительство [Ду Илунь, 2020: 6]. Это настораживало советское руководство, тем не менее в ноябре Реввоенсовет СССР утвердил план по созданию на юге офицерской школы (академии). Под руководством Л.М. Карахана М.М. Бородин сначала реорганизовал ЦИК Гоминьдана, а затем начал создание «настоящей современной партии». Но обещанная финансовая помощь задерживалась. Л.М. Карахан в очередном письме Г.В. Чичерину от 17 декабря 1923 г. просил советское руководство обратить серьезное внимание на помощь оружием и открытие необходимых кредитов для работы с Сунь Ятсеном⁶⁴. Подобные просьбы повторялись в течение всего 1924 г.⁶⁵, однако долгое время оставались без ответа. Коминтерн колебался, считая, что Сунь Ятсен склоняется к правому крылу Гоминьдана, а это не вселяло оптимизма. Л.М. Карахан как мог защищал Сунь Ятсена, заверяя руководство в его полной

⁶² Там же. С. 206.

⁶³ Там же. С. 240.

⁶⁴ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 136.

⁶⁵ Там же. С. 154, 164, 172–173, 376, 400.

лояльности⁶⁶. Одновременно он всеми силами помогал развитию 30-миллионного Гуандуна, который мог стать единственной базой национально-революционного движения в Китае⁶⁷. Л.М. Карахан считал, что непростительно тормозить работу из-за нехватки средств: «Иначе мы провалим все дело, так хорошо начатое...»⁶⁸. Его шифротелеграмму от 30 ноября со срочной просьбой помочь Сунь Ятсену Г.В. Чичерин цитировал на Политбюро⁶⁹. С подобными просьбами Л.М. Карахан обращался и к И.В. Сталину⁷⁰.

Частично удовлетворить просьбу Л.М. Карахана о помощи Сунь Ятсену Политбюро ЦК решило 24 января 1924 г., предоставив ему 500 тыс. золотых рублей⁷¹, а затем в марте поручив наркомвоенмору М.В. Фрунзе выделить средства по смете, предложенной советским послом: вместо трат подавляющей части ассигнований на закупку оружия отпустить 500 тыс. юаней на первое полугодие на создание военной академии и еще 100 тыс. рублей — на политическую работу, а оружие предоставить бесплатно⁷². Когда 5 мая начала работать Военная академия Вампу, СССР дополнительно направил в Кантон группу военных советников и предоставил 2 млн рублей [Ду Илин, 2020: 61]. И.В. Сталин убеждал Л.М. Карахана, что Москва «не будет скупиться», пока реально идет работа⁷³. Эта помощь, оказанная Советским Союзом, имела большое значение для ликвидации реакционных сил в Гуандуне и реорганизации революционной армии.

Одновременно в условиях очередного витка войн между группировками милитаристов Л.М. Карахан искал возможных союзников для единого фронта с Гоминьданом среди различных сил, исходя из их военного и политического влияния, и давал Москве свои рекомендации. Местные группировки и сами начали связываться с Л.М. Караханом. Сначала к нему обратился генерал Ху Цзинъи, часть солдат которого являлись членами Гоминьдана и КПК. Ху Цзинъи пригласил советского посла в конце декабря 1924 г. посетить

⁶⁶ Там же. С. 162, 165.

⁶⁷ Там же. С. 132–134, 157.

⁶⁸ Там же. С. 136.

⁶⁹ Там же. С. 134.

⁷⁰ Там же. С. 156–159, 429, 477–478.

⁷¹ Там же. С. 363.

⁷² ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 132, 363, 442–443.

⁷³ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 474, 496.

свой базовый лагерь в Кайфэне. Л.М. Карахан, узнав о просьбе Ху Цзинъи о помощи, предложил московскому руководству помочь генералу, исходя из трех соображений: 1) поддержать силы, которые не позволят Чжан Цзолиню стать диктатором в Северном Китае; 2) помочь генералам, которые на севере поддерживают Гоминьдан; 3) при благоприятных условиях создать в Ханькоу политическую и военную революционную базу. Генерал Ху Цзинъи просил также прислать советских военных советников в Национальную армию [Ду Илинъ, 2020: 63]. Его армия в январе 1925 г. вошла в Хэнань и установила контроль над этой провинцией.

Близкий к Гоминьдану Фэн Юйсян был еще одним генералом Национальной армии, который искал поддержку у Советского Союза. Он совершил переворот в Пекине и, как выяснил Л.М. Карахан, рассчитывал использовать Внутреннюю Монголию в качестве базы для расширения своих войск. Анализируя разведданные и военный потенциал генералов Юэ Вэйсюня, Сунь Юэ и др., Л.М. Карахан отметил, что рост их влияния пойдет на пользу Гоминьдану. Он рекомендовал советскому руководству оказать им поддержку в борьбе с Чжан Цзолинем, находившимся под сильным влиянием Японии.

Предложения Л.М. Карахана были заслушаны на Политбюро. В марте 1925 г. было признано целесообразным создать две военные школы — в Лояне и Чжанцзякоу и сформировать военно-инструкторские группы, вооружить всех сочувствующих Гоминьдану, передав в распоряжение Л.М. Карахана оружие и боеприпасы (2000 японских винтовок, 2000 немецких винтовок и соответствующее количество патронов) для безвозмездной помощи Национальной армии на начальном этапе⁷⁴. Посол, узнав о решении Москвы, написал И.В. Сталину: «Кантонский опыт убедил меня абсолютно, какие возможности имеются в Китае и как широко мы их можем использовать»⁷⁵. Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б), созданная для усиления эффективности работы в Китае и для определения сумм и смет на военно-политическую работу, 17 апреля приняла

⁷⁴ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 528–529.

⁷⁵ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 477.

решение оказать платную помощь вооружением и снаряжением генералам, которых рекомендовал Л.М. Карахан⁷⁶.

Вслед за событиями 30 мая 1925 г.⁷⁷ в Китае началось массовое антиимпериалистическое движение, переросшее в национальную революцию. На подъеме революционного движения в страну в течение всего 1925 г. из СССР через руки Л.М. Карахана шел огромный поток денег, оружия, направлялись военные специалисты.

Задачей посла в это время было подтолкнуть Национальную армию севера к сотрудничеству с Национально-революционной армией (НРА) Гоминьдана в интересах антиимпериалистической революции. Советский Союз по опыту Гуанчжоу проводил политическую работу в Национальной армии. В мае 1925 г. к Фэн Юйсяну в Чжанцзякоу прибыла консультативная группа военных советников во главе с В.К. Путной. Однако Фэн Юйсян не доверял советникам из СССР, а В.К. Путна сомневался в правильности оценки Л.М. Караханом политической позиции лидера Национальной армии. Тем не менее по указанию советского посла консультативная группа делала всё возможное, чтобы помочь Национальной армии Фэн Юйсяна создать военную школу и подготовиться к будущей конфронтации с Чжан Цзолинем.

Л.М. Карахан считал, что Фэн Юйсян играет важную роль в Северном Китае и необходимо обеспечить его всем необходимым. Что касается военной помощи, то И.В. Сталин писал Л.М. Карахану: «Москва не будет скупиться, лишь бы дело шло по-настоящему, но в известных пределах»⁷⁸. Воодушевленный обещанной помощью Фэн Юйсян 17 сентября 1925 г. официально объявил, что вся Национальная армия присоединится к Гоминьдану и поддержит Северную экспедицию⁷⁹ правительства Гуанчжоу. После этого Национальная армия вошла в провинции Ганьсу и Шэньси [Ду Илин, 2020: 72]. Однако общие успехи армии Фэн Юйсяна были незначительны.

⁷⁶ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 528–529, 547.

⁷⁷ 30 мая 1925 г. произошел расстрел иностранной полицией международного селтльмента студенческой демонстрации в Шанхае, послуживший началом революции 1925–1927 гг. в Китае.

⁷⁸ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 525–526.

⁷⁹ Военный поход НРА Гоминьдана в союзе с коммунистами под руководством генерала Чан Кайши на север Китая для объединения страны военным путем.

На основании поступавших из Китая материалов глава Китайской комиссии Политбюро М.В. Фрунзе пришел к выводу, что более перспективным является генерал У Пэйфу. Кроме того, у советского руководства, в частности у М.В. Фрунзе, появились пессимистичные соображения о необходимости скорректировать масштабы помощи, поскольку предложенный Л.М. Караханом и М.М. Бородиным план содержал, по его мнению, «астрономическую сумму», совершенно превосходящую возможности Советского Союза. К тому же был риск, что «тайные отношения» с Фэн Юйсяном будут раскрыты и это приведет к давлению со стороны крупных держав⁸⁰. Тем не менее Советский Союз продолжил поставлять Фэн Юйсяну всё больше оружия и техники, превышая объем помощи Гоминьдану на юге. Интенсивность инвестиций показывает, насколько большое значение СССР придавал борьбе с прояпонски настроенным Чжан Цзолинем на севере.

Вследствие реальной экономической ситуации Советский Союз не смог предоставить дополнительную помощь Фэн Юйсяну. Национальные армии на севере страны отступили под натиском вооруженных сил Чжан Цзолиня и У Пэйфу. Пришлось СССР распрощаться с идеей создания второй революционной базы в Китае.

Ситуация на севере ухудшилась после январского 1926 г. конфликта на КВЖД. Иностранные газеты, издаваемые в Китае, открыто обсуждали вопрос о необходимости военной интервенции великих держав, а также требовали отозвать из Китая советского посла. Болезненный удар по революционным силам и советской политике в стране 20 марта 1926 г. нанес Чан Кайши, арестовав представителей левого крыла Гоминьдана. Это стало полной неожиданностью как для московского руководства, так и для КПК. В такой неблагоприятной ситуации Советский Союз должен был защитить и свою безопасность, и интересы китайской революции от уничтожения империалистами, поэтому Москве пришлось пересмотреть свою наступательную политику и сделать «передышку» [Ду Илин, 2020: 81].

Что касается революционной ситуации в Гуанчжоу, то особое заседание Политбюро ЦК РКП(б) 1 апреля 1926 г. решило, что его правительство на данном этапе должно сосредоточиться на внутренней консолидации и отказаться от идеи проведения наступательных

⁸⁰ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 537.

военных экспедиций, которые могут побудить империалистов встать на путь военной интервенции. Еще в конце 1925 г. И.В. Сталин указывал на заседании Политбюро ЦК: «Предполагаемый поход кантонцев на Север в данный момент считать недопустимым»⁸¹. Руководство СССР считало, что Северный поход приведет к потере революционной базы в Гуанчжоу и нанесению ущерба основным силам китайской национальной революции. На этом же совещании Политбюро в связи с требованием некоторых сил в Китае отозвать Л.М. Карахана было принято решение организовать в Китае и других странах кампанию в защиту советского посла.

В отличие от Северного Китая, где наступала реакция, в Гуандуне Гоминьдан и КПК, поддержанные большинством советских представителей, пришли к согласию по вопросу подготовки военно-революционного Северного похода. В отличие от московского руководства, Л.М. Карахан поддерживал эту идею, так как считал, что это позволит достичь «конечной цели» — создать в Китае «революционное и мощное национальное правительство». На встрече с комиссией А.С. Бубнова (Ивановского), направленной в Китай Политбюро ЦК РКП(б) для изучения сложившейся ситуации, посол заявил, что «влияние империализма в Китае сократилось до минимума», а правые активизировались потому, что почувствовали серьезную угрозу [Ду Илин, 2020: 82]. Комиссия А.С. Бубнова была согласна с Л.М. Караханом, заявляя: «Национальная революция на Юге Китая не может топтаться на месте, <...> не может не двигаться вперед»⁸². Однако в связи с событиями 20 марта 1926 г. комиссия предложила «сделать уступки, чтобы выиграть время». Политбюро ЦК РКП(б) и Л.М. Карахан в течение первой половины апреля обменялись телеграммами. Советское руководство настаивало на недопустимости захвата новых территорий, а также на сосредоточении и консолидации сил в Гуандуне. Л.М. Карахан возражал, считая возможным «мирное завоевание» провинции Хунань. Особое совещание Политбюро ЦК 15 апреля постановило направить Л.М. Карахану телеграмму о необходимости неукоснительно со-

⁸¹ ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае... С. 666.

⁸² ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. II: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1926–1927: В 2 ч. Ч. 1: Документы / Ред. колл.: М.Л. Титаренко, М. Лейтнер [и др.]. М.: Буклет, 1996. С. 144–145.

блюдают распоряжение ЦК⁸³. Но ни указания Москвы, ни попытки посла его выполнить не могли остановить Северный поход. 9 июля правительство Гуанчжоу привело к присяге участников Северной экспедиции. Чан Кайши объявил о своем назначении ее главнокомандующим [Ду Илин, 2020: 84]. Л.М. Карахан в это время сообщил наркому Г.В. Чичерину: «...нельзя обольщаться, что, приняв решение в Москве, мы можем заставить Кантон в точности выполнить это решение»⁸⁴. Посол не сомневался: его обвинят в том, что он «не принял достаточных мер для предотвращения Северной экспедиции Гуанчжоу». Он жаловался И.В. Сталину, что ему очень трудно иметь дело с китайскими генералами, армии которых не объединяются, а продолжают нападать друг на друга: «...руль выпал из моих рук, и я фактически не могу нести сейчас ответственность»⁸⁵.

Тем временем в Москве зрело недовольство деятельностью Л.М. Карахана. Если раньше Политбюро ЦК РКП(б) требовало организовать кампанию в защиту советского посла, то теперь ситуация изменилась. Этому способствовали решительные действия Чжан Цзолиня и других противников Л.М. Карахана в Китае. Чжан Цзолинь был недоволен высокомерным поведением посла на переговорах в 1923 г., а также его тактикой во время январского конфликта на КВЖД. Не осталась незамеченной и помощь Л.М. Карахана генералам Национальных армий в вооружении. Чжан Цзолинь решил избавиться от посла дипломатическим путем. Последовало несколько его устных заявлений о вмешательстве Л.М. Карахана во внутренние дела Китая, а затем он потребовал от Министерства иностранных дел направить официальную ноту с просьбой об отзыве Л.М. Карахана. Он предупредил: «Если его не отстранят, Фэнтянь не будет нести ответственность за защиту посла после вступления войск в Пекин» [Ду Илин, 2020: 85]. Чжан Цзолинь стал инициатором «антикрасной» политики по всему Китаю.

Руководство ЦК РКП(б) и советское правительство расценили требование МИД Китая как потенциально серьезный удар по советско-китайским отношениям и политике Советского Союза в стране. Л.М. Карахан был отозван из Китая «в отпуск». 10 сентября 1926 г. он покинул Пекин и больше в Китай не вернулся. Задним числом,

⁸³ Там же. С. 163–164, 172–174.

⁸⁴ Переписка И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с полпредом СССР в Китае Л.М. Караханом... С. 684.

⁸⁵ Там же. С. 592.

14 октября 1926 г., ЦК принял решение признать необходимым формальный отзыв посла.

Л.М. Карахан, являясь проводником советской политики в Китае, приложил много усилий для развития китайской революции, сыграл значительную роль в выявлении и сплочении национальных революционных сил. Вместе с тем он был ответствен и за допущенные промахи в реализации политики РКП(б) и Коминтерна в Китае. Обладая целой «разведывательной сетью» военных советников, Л.М. Карахан пропустил инцидент 20 марта 1926 г. Имея прямое указание ЦК умерить пыл и скорректировать наступательную политику для «передышки», посол поддерживал планы вооруженного похода кантонцев в Хунань, не смог остановить Северную экспедицию НРА. Недаром И.В. Сталин отозвался о Л.М. Карахане осенью 1926 г.: «Он изжил себя, ибо он был и остался полпредом первой стадии китайской революции и совершенно негоден как руководитель в нынешней новой обстановке, китайской и международной, как руководитель при новых событиях, которых он не понимает и не поймет самостоятельно...»⁸⁶.

В Москве Л.М. Карахана вновь назначили заместителем наркома иностранных дел, он курировал страны Латинской Америки, Азии, Африки, Нидерланды и Швейцарию. В 1934 г. Л.М. Карахан отправился в должности полпреда СССР в Турции. Весной 1937 г. под предлогом нового назначения в США его отозвали на родину. 3 мая Л.М. Карахана арестовали «за участие в антисоветском заговоре». 20 сентября 1937 г. его приговорили к высшей мере наказания. В тот же день он был расстрелян. 12 декабря 1956 г. Л.М. Карахан был полностью реабилитирован.

* * *

Исследование значительного количества документов и материалов показало, что Л.М. Карахан сыграл заметную роль в формировании и реализации политики СССР в Китае. Его деятельность в этой стране была очень результативной. Благодаря дипломатическому умению Л.М. Карахану удалось в течение неполных 3 лет решить задачи, поставленные ему советским руководством: от признания СССР Китаем и Японией до определения принадлежности КВЖД

⁸⁶ Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, 23 сентября 1926 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 17. Тверь: Северная корона, 2004. С. 252–253.

и статуса Монголии. Он стал ключевой фигурой в регулировании потоков советской помощи китайскому революционному движению. Ему удалось уладить многие имущественные споры и вернуть советскую собственность в Китае. Действуя под руководством наркома Г.В. Чичерина, Л.М. Карахан не был просто передатчиком московских решений. Являясь «глазами и ушами» советского правительства, сам Л.М. Карахан находился внутри системы принятия решений по Китаю, активно влиял на формирование и реализацию китайской политики СССР. Инициированные им предложения и рекомендации заслушивались и принимались на заседаниях Политбюро ЦК РКП(б), что свидетельствовало о глубоком доверии к полпреду. Л.М. Карахан, безусловно, обыграл китайских дипломатов. Однако его дипломатические методы и приемы были неоднозначны. Легко лавируя во враждебном окружении дипработников ведущих держав, он удачно использовал собранную информацию, силу прессы и общественного мнения, а также элементы народной дипломатии, апеллируя к народу Китая. Вместе с тем, придерживаясь прагматичной стратегии в дипломатии, Л.М. Карахан применял шантаж, давление и военные угрозы, что не соответствовало принципам равноправия во внешней политике, провозглашенным советским правительством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аблова Н.Е. История КВЖД и российской эмиграции в Китае (первая половина XX в.). Минск: ИЦ Белорусского государственного университета, 1999.
2. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения, 1945–1980. М.: Мысль, 1980.
3. Ван Вэньфэн. Сулянь цзаоци юаньдун чжэнцзе шупин [Обзор ранней советской политики на Дальнем Востоке] // Цзинань дасюэ сюэбао. 2003. № 6. С. 34–37. (На кит. яз.)
4. Ван Дун. 20 шицзи 20 няньдай «бу пиндэн тяююэ» коухао чжи цзянь-тао [Обзор лозунга «неравных договоров» в 1920-е годы] // Шисюэ юэкань. 2002. № 5. С. 60–67. (На кит. яз.)
5. Волкова И.В. К вопросу о статусе Внешней Монголии в советско-китайских отношениях 1921–1924 гг. // Внешнеполитические интересы России: история и современность: Сборник материалов VIII Всероссийской научной конференции, Самара, 30 апреля 2020 г. / Отв. ред. А.В. Сквозников. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2020. С. 24–31.

6. Герасимов Д.И. Дипломатическая деятельность Л.М. Карахана на дальневосточном направлении СССР (1918 — начало 1930-х годов): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2024.

7. Герасимов Д.И. Между Гоминьданом и КПК: политика Советского государства в Китае (1918–1927 гг.) // Исторический журнал: научные исследования. 2022. Т. 1. № 5. С. 14–32. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.5.38944.

8. Герасимов Д.И. Советско-китайские отношения в 1919–1924 гг.: формирование дальневосточного узла противоречий // Человеческий капитал. 2022. № 7 (163). С. 11–22. DOI: 10.25629/НС.2022.07.01.

9. Герасимов Д.И. Фактор государства Маньчжоу-Го в советско-японских отношениях в 1931–1935 гг. // Человеческий капитал. 2023. № 4 (172). С. 36–47. DOI: 10.25629/НС.2023.04.04.

10. Дацышен В.Г. «Конфликт на КВЖД 1926 г.» и «конфликт на КВЖД 1929 г.»: сравнительно-исторический анализ советской политики // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 4. С. 67–82. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10005.

11. Ду Илин. Цзялахань цзай сулянь дуй хуа чжэнцэ чжун дэ цзоюн юй инсян яньцзю (1923–1926) [Исследование роли и влияния Карахана в политике Советского Союза в Китае (1923–1926)]. Хаэрбинь: Хэйлунцзян дасюэ, 2020. (На кит. яз.)

12. Жэнь Цзяньшю. 20 няньдай чу лянх гун дуй хуа чжэнцэ дэ чжидин [Формулирование политики Коммунистической партии Советского Союза в Китае в начале 1920-х годов] // Шанхай синчжэн сюэюань сюэбао. 2001. № 1. С. 21–27. (На кит. яз.)

13. Исторический опыт братского содружества КПСС и МНРП в борьбе за социализм / Ред. колл.: Б. Балдо [и др.]. М.: Политиздат, 1971.

14. Капица М.С. Лев Карахан (1899–1937) // Видные советские коммунисты — участники китайской революции / Отв. ред. Г.В. Астафьев. М.: Наука, 1970. С. 5–21.

15. Картунова А.И. Новая волна интереса историков к проблемам китайской революции 1925–1927 гг. и необоснованная попытка предать ее забвению // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 1. С. 437–456.

16. Картунова А.И. Политика Компартии Китая в рабочем вопросе накануне революции 1925–1927 гг. М.: Наука, 1983.

17. Картунова А.И. Роль Г.В. Чичерина в китайской политике Советской России // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 4. С. 77–96.

18. Крюков М.В. К вопросу о разночтениях в тексте «Декларации Карахана» 1919 г. (опыт текстологического анализа) // Общество и государство в Китае. 2010. Т. 40. № 1. С. 222–238.

19. Лилюян Г.Ц. Выдающийся советский дипломат (к 100-летию со дня рождения Л.М. Карахана) // Историко-филологический журнал. 1989. № 1. С. 3–11. (На арм. яз.)

20. Ло Сяохуэй. Лунь 1924 нянь чжун су вайцзяо гуаньси дэ цзяньли [Об установлении советско-китайских дипломатических отношений в 1924 г.] // Чжучжоу шифань гаодэн чжуанькэ сюэсяо сюэбао. 2002. № 3. С. 55–59. (На кит. яз.)

21. Лузянин С.Г. Взаимоотношения России, Монголии и Китая в первой половине XX в.: проблемы, выводы и оценки // Дальний Восток России — Северо-Восток Китая. Исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 101–103.

22. Лузянин С.Г. Коминтерн, Монголия и китайская революция 1925–1927 гг. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 1. С. 65–75.

23. Лузянин С.Г. Монголия, которую мы потеряли // Азия и Африка сегодня. 1994. № 6. С. 35–36.

24. Лузянин С.Г. Монголия: между Китаем и Советской Россией (1920–1924) // Проблемы Дальнего Востока. 1995. № 2. С. 71–84.

25. Лу Цзяньхун. Су э юй бэйян чжэнфу дэ цзяньцзяо шимо [Начало и конец установления дипломатических отношений между Советской Россией и пекинским правительством] // Миньго дан ань. 1994. № 4. С. 73–77. (На кит. яз.)

26. Лю Ли. Цзя ла хань дуй хуа ходун шупин [Обзор деятельности Карахана в Китае]. Синань цзяотун дасюэ, 2007. (На кит. яз.)

27. Лю Цзинчжун. Су э чжаньлин вай мэngu цзи дуй хуа вайцзяо ходун [Оккупация Советской Россией Внешней Монголии и дипломатическая деятельность в отношении Китая] // Шисюэ юэкань. 2004. № 2. С. 70–77. (На кит. яз.)

28. Лю Цзяньмэй. Цзялахань чжун су гуаньси шишан сюаньбу фэйчу дуй хуа бу пиндэн тяоюэ дэ бяочжи син жэньу [Карахан — знаковая фигура в истории советско-китайских отношений, заявившая об отмене неравноправного договора с Китаем]. Дан ши бо цай (шан), 2020. (На кит. яз.)

29. Орнацкая Т.А., Ципкин Ю.Н. Отношения Дальневосточной республики с Китаем (1920–1922 гг.) // Россия и АТР. 2007. № 3 (57). С. 17–26.

30. Соколов В.В. На боевых постах дипломатического фронта. Жизнь и деятельность Л.М. Карахана. М.: Политиздат, 1983.

31. Соколов В.В. Полпред в Китае Лев Карахан // Открывая новые страницы. ...: Международные вопросы: события и люди / Сост. Н.В. Попов. М.: Политиздат, 1989.

32. Соколов В.В. Страницы жизни и деятельности Л.М. Карахана // Новая и Новейшая история. 1978. № 3. С. 90–103.

33. Соколов В.В. Страницы жизни и деятельности Л.М. Карахана // Новая и Новейшая история. 1978. № 4. С. 103–112.

34. Соколов В.В. Страницы жизни и деятельности Л.М. Карахана // Новая и Новейшая история. 1978. № 5. С. 116–127.

35. Сопельняк Б.Н. Тайны русской дипломатии. М.: Вече, 2015.
36. Сунь Цайшунь. Пин чжун су цзаоци вай мэngu вэньти чжи цзяошэ [Комментарий к первым китайско-советским переговорам по вопросу Внешней Монголии] // Хуайбэй мэй ши юань сюэбао. 1997. № 1. С. 6–10. (На кит. яз.)
37. Су э ди и цы дуй хуа сюаньянь дуй чжун су гуаньси дэ ин сян (Ху Цзишэнь и) [Влияние Первой декларации Советской России по Китаю на советско-китайские отношения. Пер. Ху Цзишэня] // Данши яньцзю юй цзяосюэ. 1988. № 5. С. 77–78. (На кит. яз.)
38. Сюэ Жуйхань. Цунчжун су цзецзюэ сюаньянь даган седин дэ цянъдин кань су э цзаоци дуй хуа чжэнце [Взгляд на раннюю политику Советской России в отношении Китая с момента подписания общего соглашения об урегулировании неурегулированных дел между Китаем и Советским Союзом] // Лиши цзяосюэ. 2003. № 2. С. 44–46. (На кит. яз.)
39. Тянь Баого. Миньго шици чжун су гуаньси (1917–1949) [Китайско-советские отношения во времена Китайской Республики (1917–1949)]. Цзинань чубаньшэ, 1999. (На кит. яз.)
40. У Мэнсюэ. Цзялахань ши хуа хэ цзю вайцзю туань дэ цзети бэйцзин — чжэнфу хоуци дэ и чан вайцзю цзюэчжу [Миссия Карахана в Китае и распад старого дипломатического корпуса — дипломатическое соревнование в поздний период правления пекинского правительства] // Цзиньдай ши яньцзю. 1993. № 2. С. 169–181. (На кит. яз.)
41. У Юанькан. 1925 няньди чжунгун юй гоминьдан юпай таньпань юаньбинь бяньси [Анализ причин переговоров между КПК и правыми гоминьдановцами в конце 1925 г.] // Хэфэй сюэюань сюэбао. 2006. № 2. С. 51–54. (На кит. яз.)
42. Хуан Динтянь. Цунчжун су седин дао су жи седин и 1924 нянь цянъхоу сулянь дэ дуй хуа дуй жи вайцзю [От советско-китайского соглашения к советско-японскому соглашению. Отношения Советского Союза с Китаем и Японией около 1924 г.] // Сюэшу цзяолю. 2004. № 3. С. 157–162. (На кит. яз.)
43. Хуан Цзилян. Цзялахань и вайго пайчжу чжунго дэ ди и жэнь да ши [Карахан — первый иностранный посол в Китае] // Лиши цзяосюэ. 1982. № 8. С. 43–44. Доступ: <http://jds.cssn.cn/webpic/web/jdsww/UploadFiles/ztsjk/2010/11/201011181341001397.pdf> (дата обращения: 15.09.2024). (На кит. яз.)
44. Чжао Вэньлян, Ху Сиюань. Цзялахань юй сулянь цзао ци дуйхуа вайцзю [Карахан и ранняя китайская дипломатия Советского Союза]. Хэнань шифань дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань), 1999. (На кит. яз.)
45. Чжоу Хай. Чжун э седин ши су э вайцзюэцзянь дэ чаньбу [Китайско-российское соглашение — продукт советско-российской дипломатической практики] // Ляонин ши чжуань сюэбао. 2005. № 5. С. 135–136. (На кит. яз.)
46. Ян Куйсун. Дагэмин цянъци дэ гогун гуаньси юй гунчань гоцзи [Отношения между Гоминьданом, КПК и Коминтерном в ранний период Великой революции] // Вэнь ши чжэ. 1990. № 6. С. 48–55. (На кит. яз.)

REFERENCES

1. Ablova N.E. 1999. *Istoriya KVZhD i rossiiskoi emigratsii v Kitae (pervaya polovina XX v.)* [The history of the CER and Russian emigration in China (the first half of the 20th century)]. Minsk, ITs Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta Publ. (In Russ.)
2. Borisov O.B., Koloskov B.T. 1980. *Sovetsko-kitaiskie otnosheniya, 1945–1980* [Soviet-Chinese relations, 1945–1980]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)
3. Van Ven'fen. 2003. Sulyan' tszaotsi yuan'dun chzhentse shupin [An overview of the early Soviet policy in the Far East]. *Tszinan' dasyue syuebao*, no. 6, pp. 34–37. (In Chinese.)
4. Van Dun. 2002. 20 shitszi 20 nyan'dai 'bu pinden tyao Yue' koukhao chzhi tszyan'tao [An overview of the slogan of 'unequal treaties' in the 1920s]. *Shisyue yuekan'*, no. 5, pp. 60–67. (In Chinese.)
5. Volkova I.V. 2020. K voprosu o statuse Vneshnei Mongolii v sovetsko-kitaiskikh otnosheniyakh 1921–1924 gg. [On the status of Outer Mongolia in Soviet-Chinese relations in 1921–1924]. In: Skvoznikov A.V. (ed.). *Vneshne-politicheskie interesy Rossii: Istoriya i sovremennost': Sbornik materialov VIII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, Samara, 30 aprelya 2020 g.* [Russia's Foreign Policy Interests: History and Modernity: Proceedings of the 8th All-Russian Scientific Conference, Samara, April 30, 2020]. Samara, Samarskaya gumanitarnaya akademiya Publ., pp. 24–31. (In Russ.)
6. Gerasimov D.I. 2024. *Diplomaticheskaya deyatel'nost' L.M. Karakhana na dal'nevostochnom napravlenii SSSR (1918 — nachalo 1930-kh godov)* [Diplomatic activities of L.M. Karakhan in the Far Eastern direction of the USSR (1918 — early 1930s)]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
7. Gerasimov D.I. 2022a. Mezhdue Gomin'danom i KPK: politika Sovetskogo gosudarstva v Kitae (1918–1927 gg.) [Between the Kuomintang and the CPC: The policy of the Soviet state in China (1918–1927)]. *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*, vol. 1, no. 5, pp. 14–32. DOI: 10.7256/2454-0609.2022.5.38944. (In Russ.)
8. Gerasimov D.I. 2022b. Sovetsko-kitaiskie otnosheniya v 1919–1924 gg.: formirovanie dal'nevostochnogo uzla protivorechii [Soviet-Chinese relations in 1919–1924: Formation of the Far Eastern knot of contradictions]. *Human Capital*, no. 7 (163), pp. 11–22. DOI: 10.25629/HC.2022.07.01. (In Russ.)
9. Gerasimov D.I. 2023. Faktor gosudarstva Man'chzhou-Go v sovetsko-yaponskikh otnosheniyakh v 1931–1935 gg. [The factor of the state of Manchougo in Soviet-Japanese relations in 1931–1935]. *Human Capital*, no. 4 (172), pp. 36–47. DOI: 10.25629/HC.2023.04.04. (In Russ.)
10. Datsyshen V.G. 2018. 'Konflikt na KVZhD 1926 g.' i 'konflikt na KVZhD 1929 g.': sravnitel'no-istoricheskii analiz sovetskoi politiki ['The conflict on the CER in 1926' and 'the conflict on the CER in 1929': Comparative politics].

Comparative Politics Russia, vol. 9, no. 4, pp. 67–82. DOI: 10.24411/2221-3279-2018-10005. (In Russ.)

11. Du Ilin'. 2020. *Tszyalakhan' tszai sulyan' dui khua chzhentse chzhun de tszoyun yui insyan yan'tszyu (1923–1926)* [A study of the role and influence of Karakhan in the policy of the Soviet Union in China (1923–1926)]. Khaerbin', Kheiluntszyan dasyue Publ. (In Chinese.)

12. Zhen' Tszyan'shu. 2001. 20 nyan'dai chu lyan' gun dui khua chzhentse de chzhidin [Formulation of the policy of the Communist Party of the Soviet Union in China in the early 1920s]. *Shankhai sinchzhen syueyuan' syuebao*, no. 1, pp. 21–27. (In Chinese.)

13. Baldo B. et al. (eds.). 1971. *Istoricheskii opyt bratskogo sodruzhestva KPSS i MNRP v bor'be za sotsializm* [The historical experience of the fraternal community of the CPSU and the MPRP in the struggle for socialism]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

14. Kapitsa M.S. 1970. Lev Karakhan (1899–1937) [Lev Karakhan (1899–1937)]. In: Astaf'ev G.V. (ed.). *Vidnye sovetskie kommunisty — uchastniki kitaiskoi revolyutsii* [Prominent Soviet communists — participants in the Chinese revolution]. Moscow, Nauka Publ., pp. 5–21. (In Russ.)

15. Kartunova A.I. 2015. Novaya volna interesa istorikov k problemam kitaiskoi revolyutsii 1925–1927 gg. i neobosnovannaya popytka predat' ee zabveniyu [New wave of historians' interest to the events of 1925–1927 Chinese revolution and a vain attempt to forget it]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 45, no. 1, pp. 437–456. (In Russ.)

16. Kartunova A.I. 1983. *Politika Kompartii Kitaya v rabochem voprose nakanune revolyutsii 1925–1927 godov* [The policy of the Chinese Communist Party on the labor issue on the eve of the revolution of 1925–1927]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

17. Kartunova A.I. 2014. Rol' G.V. Chicherina v kitaiskoi politike Sovetskoi Rossii [The role of G. Chicherin in Chinese policy of Soviet Russia]. *Far Eastern Studies*, no. 4, pp. 77–96. (In Russ.)

18. Kryukov M.V. 2010. K voprosu o raznochleniyakh v tekste 'Deklaratsii Karakhana' 1919 g. (opyt tekstologicheskogo analiza) [On the discrepancies in the text of the 'Karakhan Declaration' of 1919 (textual analysis)]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, vol. 40, no. 1, pp. 222–238. (In Russ.)

19. Liloyan G.Ts. 1989. Vydayushchiysya sovetskii diplomat: (K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L.M. Karakhana) [Outstanding Soviet diplomat: (On the 100th anniversary of the birth of L.M. Karakhan)]. *Istoriko-filologicheskii zhurnal*, no. 1, pp. 3–11. (In Armenian.)

20. Lo Syaokhuei. 2002. Lun' 1924 nyan' chzhun su vaitszyao guan'si de tszyan'li [On the establishment of Soviet-Chinese diplomatic relations in 1924]. *Chzhuchzhou shifan' gaoden chzhuan'ke syuesyao syuebao*, no. 3, pp. 55–59. (In Chinese.)

21. Luzyanin S.G. 1998. Vzaimootnosheniya Rossii, Mongolii i Kitaya v pervoi polovine XX v.: problemy, vyvody i otsenki [Relations between Russia, Mongolia and China in the first half of the 20th century: Problems, conclusions and assessments]. In: *Dal'nii Vostok Rossii — Severo-Vostok Kitaya. Istoricheskii opyt vzaimodeistviya i perspektivy sotrudnichestva* [Russian Far East — Northeast of China. Historical experience of interaction and prospects of cooperation]. Khabarovsk, Chastnaya kollektsiya Publ., pp. 101–103.

22. Luzyanin S.G. 1996. Komintern, Mongoliya i kitaiskaya revolyutsiya 1925–1927 gg. [The Comintern, Mongolia and the Chinese revolution of 1925–1927]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'*, no. 1, pp. 65–75. (In Russ.)

23. Luzyanin S.G. 1994. Mongoliya, kotoruyu my poteryali [The Mongolia, which we have lost]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 6, pp. 35–36. (In Russ.)

24. Luzyanin S.G. 1995. Mongoliya: mezhdru Kitaem i Sovetskoi Rossiei (1920–1924) [Mongolia: Between China and Soviet Russia (1920–1924)]. *Far Eastern Studies*, no. 2, pp. 71–84. (In Russ.)

25. Lu Tszyan'khun. 1994. Su e yui beiyan chzhenfu de tszyan'tszyao shimo [The beginning and end of the establishment of diplomatic relations between Soviet Russia and the Beijing government]. *Min'go dan an'*, no. 4, pp. 73–77. (In Chinese.)

26. Lyu Li. 2007. *Tszya la khan' dui khua khodun shupin* [An overview of Karakhan's activities in China]. *Sinan' tszyaotun dasyue*. (In Chinese.)

27. Lyu Tszinchzhun. 2004. Su e chzhan'lin vai mengu tsi dui khua vaitszyao khodun [Soviet Russia's occupation of Outer Mongolia and diplomatic activity towards China]. *Shisyue yuekan'*, no. 2, pp. 70–77. (In Chinese.)

28. Lyu Tszyan'mei. 2020. *Tszyalakhan' chzhun su guan'si shishan syuan'bu feichu dui khua bu pinden tyao yue de byaochzhi sin zhen'u* [Karakhan is an iconic figure in the history of Soviet-Chinese relations, who announced the cancellation of the unequal treaty with China]. *Dan shi bo tsai (shan)*. (In Chinese.)

29. Ornatskaya T.A., Tsipkin Yu.N. 2007. Otnosheniya Dal'nevostochnoi respubliki s Kitaem (1920–1922 gg.) [Relations between Far Eastern Republic and China (1920–1922)]. *Russia and the Pacific*, no. 3 (57), pp. 17–26. (In Russ.)

30. Sokolov V.V. 1983. *Na boevykh postakh diplomaticheskogo fronta. Zhizn' i deyatel'nost' L.M. Karakhana* [At the combat sites of the diplomatic front. The life and work of L.M. Karakhan]. Moscow, Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ. (In Russ.)

31. Sokolov V.V. 1989. Polpred v Kitae Lev Karakhan [Envoy to China Lev Karakhan]. In: Popov N.V. (ed.). *Otkryvaya novye stranitsy...: Mezhdunarodnye voprosy: sobytiya i lyudi* [Opening new pages...: International issues: Events and people]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

32. Sokolov V.V. 1978a. Stranitsy zhizni i deyatel'nosti L.M. Karakhana [Pages of L.M. Karakhan's life and work]. *Modern and Contemporary History*, no. 3, pp. 90–103. (In Russ.)

33. Sokolov V.V. 1978b. Stranitsy zhizni i deyatel'nosti L.M. Karakhana [Pages of L.M. Karakhan's life and work]. *Modern and Contemporary History*, no. 4, pp. 103–112. (In Russ.)

34. Sokolov V.V. 1978c. Stranitsy zhizni i deyatel'nosti L.M. Karakhana [Pages of L.M. Karakhan's life and work]. *Modern and Contemporary History*, no. 5, pp. 116–127. (In Russ.)

35. Sopel'nyak B.N. 2015. *Tainy russkoi diplomatii* [Secrets of Russian diplomacy]. Moscow, Veche Publ. (In Russ.)

36. Sun' Tsaishun'. 1997. Pin chzhun su tsaotsi vai mengu ven'ti chzhi tszy-aoshe [A commentary on the first Sino-Soviet negotiations on Outer Mongolia]. *Khuaibei mei shi yuan' syuebao*, no. 1, pp. 6–10. (In Chinese.)

37. Su e di i tsy dui khua syuan'yan' dui chzhun su guan'si de in syan (*Khu Tszishen' i*) [The influence of the First Declaration of Soviet Russia on China on Soviet-Chinese relations. Trans. by Hu Jishen]. 1988. *Danshi yan'tszyu yui tszyaosyue*. no. 5, pp. 77–78. (In Chinese.)

38. Syue Zhuikhan'. 2003. Tsunchzhun su tszetszyue syuan'an' dagan sedin de tsyan'din kan' su e tsaotsi dui khua chzhentse [A look at the early policy of Soviet Russia towards China since the signing of the general agreement on the settlement of unresolved cases between China and the Soviet Union]. *Lishi tszyaosyue*, no. 2, pp. 44–46. (In Chinese.)

39. Tyan' Baogo. 1999. *Min'go shitsi chzhun su guan'si (1917–1949)* [Sino-Soviet relations during the Republic of China (1917–1949)]. Tszinan' chuban'she. (In Chinese.)

40. U Mensyue. 1993. Tszyalakhan' shi khua khe tszyu vaitszyao tuan' de tszeti beitszin — chzhenfu khoutsi de i chan vaitszyao tszyuechzhu [Karakhan's mission to China and the collapse of the old diplomatic corps — Diplomatic rivalry in the late period of the Beijing government]. *Tszin'dai shi yan'tszyu*, no. 2, pp. 169–181. (In Chinese.)

41. U Yuan'kan. 2006. 1925 nyan'di chzhungun yui gomin'dan yupai tan'pan' yuan'in' byan'si [Analysis of the rationale behind the negotiations between the CPC and the right-wing Kuomintang at the end of 1925]. *Khefei syueyuan' syuebao*, no. 2, pp. 51–54. (In Chinese.)

42. Khuan Dintyan'. 2004. Tsunchzhun su sedin dao su zhi sedin i 1924 nyan' tsyan'khoul sulyan' de dui khua dui zhi vaitszyao [From the Soviet-Chinese agreement to the Soviet-Japanese agreement — The relations of the Soviet Union with China and Japan circa 1924]. *Syueshu tszyaolyu*, no. 3, pp. 157–162. (In Chinese.)

43. Khuan Tszilyan. 1982. Tszyalakhan' i vaigo paichzhu chzhungo de di i zhen' da shi [Karakhan is the first foreign ambassador to China]. *Lishi tszyaosyue*,

no. 8, pp. 43–44. Available at: <http://jds.cssn.cn/webpic/web/jdsww/UploadFiles/ztsjk/2010/11/201011181341001397.pdf> (accessed: 15.09.2024). (In Chinese.)

44. Chzhao Ven'lyan, Khu Siyuan'. 1999. *Tszyalakhan' yui sulyan' tszao tsi dui-khua vaitszyao* [Karakhan and the early Chinese diplomacy of the Soviet Union]. Khenan' shifan' dasyue syuebao (chzhesyue shekhuei kesyue ban'). (In Chinese.)

45. Chzhou Khai. 2005. Chzhun e sedin shi su e vaitszyaotszyan' de chan'u [The Sino-Russian agreement is a product of Soviet-Russian diplomatic practice]. *Lyao nin shi chzhuan' syuebao*, no. 5, pp. 135–136. (In Chinese.)

46. Yan Kuisun. 1990. Dagemin tsyan'tsi de gogun guan'si yui gunchan' gotszi [Relations between the Kuomintang, the CPC and the Comintern in the early period of the Great Revolution]. *Ven' shi chzhe*, no. 6, pp. 48–55. (In Chinese.)

Статья поступила в редакцию 11.06.2024;
одобрена после рецензирования 16.07.2024;
принята к публикации 26.09.2024

The paper was submitted 11.06.2024;
approved after reviewing 16.07.2024;
accepted for publication 26.09.2024

ТЕМА В ФОКУСЕ: АРКТИКА — ЗОНА КОНФЛИКТА?

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97

Научная статья / Research paper

Е.В. Корунова*

«РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО»: ДОЛГАЯ ИСТОРИЯ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ШВЕЦИИ И ФИНЛЯНДИИ К НАТО**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Вступление Швеции и Финляндии в НАТО стало потрясением для многих политиков и экспертов, до последнего считавших, что эти два государства не решатся отказаться от своей традиционной политики нейтралитета. Эффект неожиданности дополнительно усиливался удивительной синхронностью действий руководства двух стран в вопросе членства в альянсе. Для того чтобы разобраться в предпосылках этого шага Швеции и Финляндии, а также приблизиться к пониманию причин синхронизации их внешнеполитических курсов, представляется целесообразным обратиться к изучению перипетий истории их политики нейтралитета в годы холодной войны. В первом разделе рассмотрен процесс становления внеблоковых стратегий Швеции и Финляндии после окончания Второй мировой войны, принявших форму «линии Ундена» и «линии Паасикиви–Кекконена» соответственно. Показано, что, несмотря на внешнее сходство, в действительности подходы к политике

* Корунова Евгения Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ekorunova@yandex.ru).

** Исследование выполнено при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш01-17 «Влияние гонки вооружений на мировую политику, научно-технический прогресс и экологию».

нейтралитета Швеции и Финляндии существенно различались. Это было обусловлено как разницей в амбициях и устремлениях руководства этих стран, так и их положением в формировавшемся биполярном порядке. В то же время уже тогда обозначилась склонность обоих государств проводить свою внешнюю политику с оглядкой друг на друга. Эта тенденция только укрепилась в последующие десятилетия холодной войны. Во втором разделе показано, как в ходе эволюции модели финского нейтралитета, изначально ориентированной на выстраивание особых отношений с СССР, и более гибкой шведской внеблоковой политики происходило постепенное углубление сотрудничества Финляндии и Швеции друг с другом и со странами Северной Европы — членами НАТО. В третьем разделе выявлена логика трансформации внешнеполитического вектора североευропейских нейтралов после окончания холодной войны. Автор отмечает, что именно крах биполярного порядка проложил путь к всеобъемлющему вовлечению Финляндии и Швеции в деятельность Североатлантического альянса. Показано, что помимо вовлечения в различные форматы партнерства непосредственно с блоком углублению этого сотрудничества и дальнейшей синхронизации внешнеполитических курсов Финляндии и Швеции способствовал целый ряд региональных инициатив с участием стран Северной Европы и Прибалтики. Формальное вступление Финляндии и Швеции в НАТО стало, таким образом, лишь логичным завершением этих процессов, следствием сознательного отказа руководства этих стран от самобытной и проверенной временем политики неучастия в военно-политических блоках. Последствия этого решения еще предстоит оценить политикам и экспертам, но уже сейчас можно констатировать складывание новой дилеммы безопасности для стран региона.

Ключевые слова: Финляндия, Швеция, нейтралитет, внеблоковый статус, НАТО, СССР, Россия, «линия Ундена», «линия Паасикиви–Кекконена»

Для цитирования: Корунова Е.В. «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 53–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97.

Evgeniya V. Korunova

**THE DIE IS CAST:
SWEDEN AND FINLAND'S LONG ROAD TO NATO**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The accession of Sweden and Finland to NATO came as a shock to many politicians and experts, who until the last moment had believed that these two states would not renounce their traditional neutrality policy. The surprise effect was further enhanced by a remarkable coherence of the countries' approaches to their membership in the alliance. In order to provide a better understanding of this fundamental shift in Sweden and Finland's foreign policy courses, this paper examines the evolution of their policies of neutrality during the tribulations of the Cold War. The first section considers the formation of the non-aligned strategies of Finland and Sweden in the aftermath of World War II, which took the form of the so-called Paasikivi-Kekkonen and Unden doctrines, respectively. The author emphasizes that, despite the formal resemblance, the approaches of Sweden and Finland to the neutrality policy varied substantially, since their ambitions and aspirations, as well as their role in the emerging bipolar order were also very different. However, the two states had tended to coordinate their foreign policies already back then and this trend only strengthened in the following decades of the Cold War. The second section shows how the Finnish neutrality model, initially focused on building special relations with the USSR, and a more flexible Swedish non-aligned policy, facilitated convergence of the two states, as well as their cooperation with the Nordic members of NATO. The third section outlines the determinants of the foreign policy transformation of the Northern European neutrals in the aftermath of the Cold War. The author notes that it was the collapse of the bipolar order that paved the way for the comprehensive engagement of Finland and Sweden in the activities of the alliance. It is shown that apart from this cooperation with NATO, a number of regional initiatives involving the Nordic and Baltic countries strengthened foreign policy coordination and contacts between Finland and Sweden. The formal accession of both to NATO thus became only the end point of these processes and the result of the conscious refusal of these countries' leadership from the original and time-tested non-alignment policy. The consequences of this decision have yet to be assessed by politicians and experts, but one its immediate effect is clear — the emergence of a new security dilemma for the countries of the region.

Keywords: Finland, Sweden, neutrality, non-aligned status, NATO, USSR, Russia, Undine doctrine, Paasikivi-Kekkonen doctrine

About the author: *Evgeniya V. Korunova* — PhD (History), Associate Professor, Deputy Head of the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ekorunova@yandex.ru).

Acknowledgements: The research was accomplished with the financial support from the Moscow State University Development Program, project No. 23-III01-17.

For citation: Korunova E.V. 2024. The die is cast: Sweden and Finland's long road to NATO. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 53–97. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-53-97. (In Russ.)

26 февраля 2024 г. вся мировая общественность и средства массовой информации с пристальным вниманием следили за голосованием 199 депутатов венгерского парламента. После завершения голосования, в результате которого подавляющее большинство членов парламента (188 человек) проголосовали за присоединение Швеции к Североатлантическому альянсу, ведущий заседания торжественно объявил: «Решение принято». 11 марта 2024 г. в штаб-квартире НАТО в Брюсселе был поднят флаг Швеции, что символизировало процесс завершения вступления этого скандинавского государства в Североатлантический блок. В своем публичном выступлении генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг назвал этот день историческим. Он выразил уверенность, что членство Швеции в военно-политическом союзе делает НАТО сильнее, Швецию — более защищенной, а всем 32 странам — участницам альянса обеспечит безопасность¹. Годом раньше, в апреле 2023 г., от нейтралитета отказалась соседняя Финляндия, чья внеблоковая политика значительно моложе и берет свое начало в период после завершения Второй мировой войны.

Кардинальное изменение внешнеполитического вектора двух северных стран, нейтральная политика которых была их визитной карточкой в течение десятков лет, стало предметом широких политических дискуссий и многочисленных научных исследований. Вопросы вызывают как причины, побудившие Стокгольм и Хель-

¹ Remarks by NATO Secretary General Jens Stoltenberg with the Prime Minister of Sweden, Ulf Kristersson, at the flag-raising ceremony to mark Sweden's accession to NATO // North Atlantic Treaty Organization. 11.03.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_223533.htm (accessed: 09.09.2024).

синки принять решение отказаться от проверенной временем традиции неучастия в военно-политических блоках и союзах, так и удивительная согласованность действий Финляндии и Швеции в этом направлении. Дело в том, что при всём внешнем сходстве их внешнеполитических линий в период биполярной системы международных отношений они никогда не были одинаковыми, поэтому мало кто мог представить, что обе страны настолько синхронно выберут общую траекторию будущего движения в большой политике.

Практически сразу после объявления правительствами Финляндии и Швеции о намерении подать заявки на вступление в НАТО в датской ежедневной газете «Information» вышло интервью со шведским журналистом и историком Х. Берггренем. Интервью началось словами: «Я историк и обычно имею дело с вещами, которые произошли давным-давно, а это случилось внезапно и произвело на меня сильное впечатление»². С одной стороны, вопросы, связанные с резонансностью дальнейшего следования политике нейтралитета после распада биполярной системы международных отношений и в условиях однополярного мира, обсуждались с разной степенью интенсивности все последние 30 лет. Вспомнить хотя бы статью с громким названием «Стокгольм прощается с традицией», напечатанной в российской «Независимой газете» в 2002 г.³ Тогда целью редакции было привлечь внимание к новой внешнеполитической стратегии Швеции⁴. С другой стороны, с тех пор утекло много воды, а Швеция еще два десятка лет оставалась формально внеблоковым государством. Довольно часто в шведской прессе появлялись статьи с похожими сенсационными заголовками. Они были реакцией на различные парламентские инициативы и правительственные решения, которые расшатывали традиционное представление шведских

² Sveriges neutralitet var en smuk, beskidt og enestående historie. Men den måtte slutte // Dagbladet Information. 11.06.2022. Available at: <https://www.information.dk/moti/2022/06/henrik-berggren-sveriges-neutralitet-smuk-beskidt-enestaende-historie-maatte-slutte> (accessed: 09.09.2024). (На дат. яз.)

³ Григорьев Е. Стокгольм прощается с традицией // Независимая газета. 18.02.2002. Доступ: https://www.ng.ru/world/2002-02-18/5_stokholm.html?ysclid=Iznt0s5c7f655424485 (дата обращения: 09.09.2024).

⁴ Riksdagens snabbprotokoll 2002/03:56, Onsdagen den 12 februari // Sveriges Riksdag. 12.02.2002. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/protokoll/riksdagens-snabbprotokoll-20020356-onsdagen-den_GQ0956 (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

граждан о нейтральном статусе их государства⁵. Это объясняет определенное привыкание в научной среде к вялотекущему процессу «сползания» Швеции в НАТО, для описания которого часто стали использовать словосочетание «адаптивное поведение».

Значительное влияние на затухание или возобновление интереса к теме вступления Швеции и Финляндии в НАТО оказывали внутриполитические колебания и изменение политического ландшафта, что было характерно для всех западноевропейских стран в начале нового тысячелетия. Так, серьезным поводом для дискуссий в этой связи как в государствах Северной Европы, так и во всем остальном мире стали крымские события весны 2014 г. Но даже тогда, признавая неминучесть сближения Швеции и Финляндии с НАТО, мало кто из современных отечественных исследователей брался делать однозначные прогнозы на будущее, предлагая лишь разные сценарии возможного развития событий [Мурадов, 2019; Чеков и др., 2023: 24–26]. Исследователи в основном касались вопросов установления и укрепления многовекторных контактов Швеции и Финляндии с государствами НАТО [Андреев, 2022; Данилов, 2022; Кислицын, 2018; Мурадов, 2019; Трунов, 2018: 141], а также писали о значении этих двух стран Севера для внешнеполитической стратегии США [Кислицын, 2018; Трунов, 2018: 141; Худoley, Ланко, 2019: 16–18]. Должное внимание уделялось теме сотрудничества Швеции и Финляндии в сфере обороны и безопасности [Белухин, 2019; Воронов, 2018], в том числе синхронизации их действий на современном этапе истории [Плевако, 2022: 24–26].

Многие специалисты указывали на имевшиеся препятствия для вступления Швеции и Финляндии в НАТО [Кишин, 2017: 65; Плевако, 2022]. В частности, называли следующие причины: негативное общественное мнение, необходимость проведения референдумов, отсутствие согласия внутри парламентов обеих стран [Громыко, Плевако, 2016] и созависимость Стокгольма и Хельсинки при принятии исторических решений [Кишин, 2017: 65].

Проблемам, препятствовавшим быстрому присоединению этих стран к альянсу, посвящена недавно вышедшая статья историка-

⁵ Например, в 2016 г. вышла статья в ведущей шведской газете «Svenska Dagbladet», которая была посвящена укреплению обороны и предложению правительства расширить контакты с НАТО. Alliansen: Sverige är inte längre ett neutralt land // Svenska Dagbladet. 22.03.2016. Available at: <https://www.svd.se/a/OVP1/alliansen-sverige-ar-inte-langre-ett-neutralt-land> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

скандинависта Н.С. Плевако [Плевако, 2023]. Еще одна статья, в которой повествуется о длительном процессе вхождения Финляндии и Швеции в блок, вышла в 2023 г., когда заявки на вступление в НАТО были уже поданы [Чеков и др., 2023]. В выводах к обеим статьям ставились риторические вопросы, касающиеся осмысления ответственности за принятые решения и последствий для этих государств [Плевако, 2022: 30; Чеков и др., 2023: 29]. Среди множества сценариев относительно того, как сложится судьба малых стран, вызывает интерес идея возможного кризиса самой концепции европейского нейтралитета после вступления Финляндии и Швеции в НАТО [Данилов, 2022: 22].

При этом рост напряженности в мире и возникновение условий для «холодной войны 2.0» [Белоусов, Маныкин, 2021] неоднократно наталкивали исследователей-международников на мысль о возможном вступлении в альянс Финляндии, так как это был логичный запрос со стороны НАТО для усиления своих позиций на границе с Россией в Северной Европе. Однако и здесь единства мнений по вопросу об отходе Хельсинки от политики нейтралитета не наблюдалось. Довольно прочно в сознании российской общественности закрепилось мнение, что добрососедские отношения с РФ для финнов гораздо выгоднее членства в военно-политическом союзе. Преобладало мнение о «нейтральной идентичности» Финляндии, что рассматривалось как положительный фактор во взаимодействии с Россией [Вежливцева, 2019: 95].

В отношении намерений Швеции также были сомнения. Несмотря на внесенные шведским правительством корректировки во внешнеполитическую доктрину в 2002 г., видимых изменений внешняя политика королевства не претерпела⁶. В сознании международной общественности и самих шведских граждан страна оставалась традиционным нейтралом. Следовало ожидать, что Стокгольм, пользуясь опытом предыдущих столетий, будет проводить гибкую политику, позволяющую поддерживать взаимовыгодное сотрудничество со всеми участниками международных отношений.

⁶ Согласно новой доктрине безопасности ввиду появления новых угроз в мире нейтралитет превращался лишь в одну из ряда возможных линий поведения шведского королевства. Riksdagens snabbprotokoll 2002/03:56, Onsdagen den 12 februari // Sveriges Riksdag, 12.02.2002. Available at: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/protokoll/riksdagens-snabbprotokoll-20020356-onsdagen-den_GQ0956 (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

Кроме того, ряд историков учитывали важный фактор, который мог стать сдерживающим в стремлении шведов присоединиться к военно-политическому союзу, — несколько неудачных попыток стран Севера институционализировать оборонные инициативы в прошлом [Белухин, 2019: 30].

После начала специальной военной операции (СВО) России на Украине число сторонников присоединения Швеции к НАТО среди шведских граждан резко возросло. Но и в этих довольно непростых условиях однозначного понимания, как поведет себя шведское руководство, не было. Не исключалась возможность, что Стокгольм отнесется к вступлению в альянс как к опасной аванюре и использует накопленный богатый опыт неучастия в конфликтах ради сохранения независимой внешнеполитической линии. История двух мировых войн подсказывала, что шведские политики постараются модифицировать свою внешнеполитическую стратегию и подчинить ее главной цели, на которую страна работала в течение многих десятилетий, — дистанцироваться в отношениях с конфликтующими сторонами, чтобы ни при каких условиях не быть втянутыми в водоворот чужой войны.

В этой связи неудивительно, что поразительная слаженность действий в вопросе присоединения Швеции и Финляндии к НАТО, которую можно было наблюдать в последние год-полтора, ввела в определенное замешательство многих политиков и экспертов и поставила вопрос о поиске причин и объяснении данного феномена. Ответить на этот вопрос, а также выявить предпосылки, обусловившие практически синхронное вступление Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс, может, как представляется, обращение к истории их внешней политики послевоенной эры.

В первую очередь на память приходит короткий период с момента окончания Второй мировой войны и до создания НАТО в апреле 1949 г. Это было сложное время для малых стран, так как обстоятельства зарождавшейся холодной войны требовали от них проявления дипломатического искусства и политической воли, чтобы отстоять свои интересы в диалоге с великими державами. Уникальный пример балансирования явила тогда миру Швеция, единственная из стран Севера избежавшая участи быть втянутой в мировую войну. Финляндия, часто причисляемая западными государствами к сателлитам Советского Союза, имела иной бэкграунд. В результате послевоенных договоренностей великих держав ее

положение оказалось более выгодным по сравнению со странами Варшавского договора. Обладание привилегированным статусом нейтрального государства позволило Финляндии выйти на уровень взаимовыгодного партнерства с Москвой в последней трети XX в. Однако в годы холодной войны Хельсинки удавалось в целом одинаково успешно взаимодействовать с государствами обоих блоков; не прекращалось сотрудничество со странами Скандинавии в рамках различных институтов, образований и групп. Уникальность опыта встраивания Швеции и Финляндии в биполярную систему международных отношений — это тот самый исторический пример, к изучению которого стоит обращаться для прояснения особенностей их внешней политики, позволявшей им поддерживать сложившийся статус-кво в течение почти полувека.

Между тем понимание, что у Швеции и Финляндии были различные предпосылки и исторические основания следовать политике неучастия в блоках, позволяло историкам не ставить знак равенства между нейтралитетами этих двух стран, а, наоборот, говорить о своеобразности курсов Стокгольма и Хельсинки на международной арене. Внешнеполитические линии обоих государств выстраивались без оглядки друг на друга и других нейтралов, имели свои специфические черты. Неслучайно историки всегда рассматривали их обособленно, хотя и в контексте общих трендов развития региона. Свидетельством оригинальности шведской внеблоковой политики и финского нейтралитета стало присвоение им собственных названий, которые довольно часто используются специалистами вместо терминов «внеблоковость» и «нейтралитет», так как содержат в себе более точные смыслы. В отношении Швеции это «линия Ундена»⁷, в случае Финляндии — «линия Паасикиви–Кекконена»⁸. В том числе по этой причине ни Швеция, ни Финляндия впоследствии не стали

⁷ «Линия Ундена» (швед. «Undénlinjen») — это сокращенное название новой доктрины нейтралитета, ставшей основой всей внешней политики Швеции второй половины XX в. Полная формулировка звучала как «Свобода от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета во время войны». Ее архитектором был шведский министр иностранных дел Эстен Унден, в честь которого внеблоковую политику Швеции стали называть его именем.

⁸ «Линия Паасикиви–Кекконена» — внешнеполитический курс Финляндии второй половины XX в., нацеленный на сохранение нейтралитета и предусматривавший построение добрососедских отношений между Хельсинки и Москвой. Назван по именам двух финских президентов: Ю.К. Паасикиви и У.К. Кекконена.

примерами готовых шаблонов для других стран, которые стремились стать нейтралами.

В данной статье предпринимается попытка показать, как формировались внешнеполитические курсы Швеции и Финляндии после 1945 г., насколько сильно и под влиянием каких факторов они подвергались коррекции в турбулентные периоды холодной войны и, наконец, какое воздействие оказал распад биполярного порядка на трансформацию систем безопасности двух стран.

Появление двойного буфера безопасности в Северной Европе

В отношении Швеции отечественные историки-скандинависты, описывая период второй половины XX в., применяют давно установившееся в нордистике словосочетание «внеблоковая политика» [Комаров, 2014; Корунова, 2021; Рупасов, 2014; Садомцева, 2024; и др.]. Это позволяет отличать внешнеполитический курс, проводимый Стокгольмом, от статуса других европейских нейтралов, например Швейцарии, Ирландии или Австрии. В отличие от перечисленных государств, шведская внешняя политика никогда не имела жестких рамок и всегда носила ситуативный характер. Шведский нейтралитет ни разу за всю историю своего существования не был причислен юристами и правоведами к постоянному. Как правило, основанием для провозглашения нейтралитета служила декларация, срок действия которой ограничивался рамками войны. Наиболее точно внешнюю политику Швеции характеризует термин «эвентуальный», что означает соблюдение нейтралитета «по случаю», коим может являться вооруженный конфликт или война⁹. Действительно, шведскому государству удавалось сохранять положение эвентуальности в течение более 200 лет. Положительным эффектом такого курса стало формирование в сознании мировой общественности и в внешнеполитических кругах большинства стран мира стойкой ассоциации Швеции с политикой нейтралитета. Восприятию Швеции в качестве традиционного нейтрала не мешали даже имевшиеся в периоды войн факты перекосов и нарушения обязательств, возложенных на

⁹ Эвентуальный нейтралитет — (от лат. *eventualis* — «случай», применительно к понятию «нейтралитет» — «случайный», «при определенных обстоятельствах») является одним из типов нейтралитета. Положение эвентуального нейтрала предполагает наличие прав и обязанностей с начала войны. Действует либо до момента насильственного или добровольного вовлечения государства в военный действия, либо до официального завершения военного конфликта.

нейтрала международным правом. По этой причине естественным представлялось стремление шведских правительств добиваться признания права Стокгольма на осуществление внеблоковой политики в годы холодной войны.

Спецификой послевоенного времени стали новые геополитические особенности, сложившиеся на севере Европы по итогам Второй мировой войны и в корне изменившие расстановку сил в регионе. Борьба за влияние в странах Скандинавии и в Финляндии между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции усилилась. Так, администрация Г. Трумэна с момента появления идеи создания военно-политического альянса, направленного против Советского Союза, видела в нем Швецию в качестве ведущего игрока в Скандинавско-Балтийском регионе¹⁰. Идеальным представлялось одновременное вхождение всех скандинавских стран в НАТО для создания мощного форпоста, противостоящего СССР в Северной Европе. В качестве демонстрации того, какую роль Вашингтон отводил Скандинавии в своей военно-политической стратегии, может служить текст меморандума министра обороны США К. Клиффорда президенту Г. Трумэну. В документе содержится информация о готовности Вашингтона подписать с Норвегией, Швецией, Данией и Исландией серию соглашений, целью которых должно было стать объединение усилий для осуществления коллективной обороны¹¹.

Однако в тот момент Швеция была, пожалуй, единственной из стран Скандинавии, политики и население которой твердо верили в эффективность и выгоду неучастия в военных конфликтах. Пребывая в состоянии воодушевления от успеха политики нейтралитета в годы Второй мировой войны, шведская правящая элита полагала, что и дальше сможет поддерживать сбалансированные отношения со всеми участниками международных процессов.

Ярким подтверждением стремления к проведению самостоятельного курса стала инициатива Стокгольма по созданию Скандинавского оборонительного союза [подробнее о Скандинавском

¹⁰ Policy Statement of the Department of State, [Washington], August 15, 1949: Document 430 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v04/d430> (accessed: 09.09.2024).

¹¹ Memo, Clark Clifford to Harry S. Truman, January 14, 1950 // Harry S. Truman Library & Museum. Available at: <https://www.trumanlibrary.gov/library/research-files/memo-clark-clifford-harry-s-truman-1?documentid=NA&pagenumber=1> (accessed: 09.09.2024).

оборонительном союзе см.: Зарецкая, 2005; Комаров, 2003; Корунова, 2020: 240–244; Кен и др., 2005: 361–380; Рупасов, Самуэльсон, 2014: 90–130]. Идея возникла как реакция на заключение Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между СССР и Финляндией [Комаров, 2022]. Вариант кооперации, который был предложен Дании и Норвегии шведским социал-демократическим правительством П.А. Ханссона, опирался на традиционную практику нейтралитета, предполагающую высокую обороноспособность каждого из членов союза. При условии согласованной деятельности всех скандинавских партнеров оборонительный союз должен был защитить государства Скандинавии от вовлечения их в очередной военный конфликт великих держав [Brundtland, 1966a].

Однако травматизация сознания в результате долгой нацистской оккупации Дании и Норвегии, приведшая к разочарованию в политике нейтралитета в этих государствах, а также стремительная bipolarization в Европе и мире, побочным эффектом которой было усиление давления на малые страны, привели к краху идеи Скандинавского оборонительного союза. С самого начала доверия к проекту не было ни у датчан, ни у норвежцев, так как должного потенциала для защиты нейтралитета не имелось ни у одного из этих государств. Это служило веским аргументом в диалоге США со странами Скандинавии накануне создания Североатлантического альянса. В Вашингтоне не видели смысла в военно-политической конструкции, которая усложняла бы и без того непростую обстановку в Европе и мире. Предложение США государствам Скандинавии стать частью военно-политических структур Запада с гарантией безопасности в обмен на предоставление доступа к их военно-промышленному комплексу и стратегическому планированию представлялось американской администрации вполне взаимовыгодным¹². Для Дании и Норвегии это означало автоматическое повышение уровня их безопасности, который не мог быть обеспечен исключительно собственными усилиями.

Проект Скандинавского оборонительного союза не находил поддержки и в Москве. Так, известный советский дипломат А.М. Алек-

¹² The Acting Secretary of State to the Embassy in Norway, Washington, January 14, 1949 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v04/d22> (accessed: 09.09.2024); The Ambassador in Denmark (Marvel) to the Acting Secretary of State, Copenhagen, January 10, 1949 // Ibidem. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1949v04/d14> (accessed: 09.09.2024).

сандров (Александров-Агентов¹³) называл эту инициативу «северным отражением холодной войны». Он утверждал: «Скандинавский блок, каким бы нейтральным ни изображали его творцы, будет не чем иным, как северным филиалом антисоветского западного блока» [Александров-Агентов, 1994: 49–50]. Схожую позицию высказывал другой советский дипломат А.Н. Абрамов. В обращении к члену коллегии МИД СССР К.В. Новикову в марте 1946 г. он поделился информацией об усилившейся в Швеции работе англичан и американцев. В действиях недавних партнеров по коалиции он усматривал желание превратить эту скандинавскую страну в «военный плацдарм в будущей войне» [цит. по: Комаров, Коробочкин, 2019: 353].

Гнетущая атмосфера недоверия внутри скандинавского сообщества и скептическое отношение Москвы и Вашингтона к инициативе Стокгольма по образованию оборонительного союза и в целом к политике неприсоединения к альянсам создали предпосылки для формирования уникальной внешнеполитической стратегии Швеции, целью которой было убедить лидеров складывавшихся блоков в целесообразности сохранения ею нейтралитета.

Следующим шагом шведских властей стал поиск оптимального курса в отношениях с Москвой и Вашингтоном для претворения в жизнь замысла по созданию имиджа нейтрального государства, чье поведение на международной арене не противоречило бы ожиданиям сверхдержав и могло быть использовано в мирных целях [подробнее о взаимоотношениях Швеции с СССР и США в начале холодной войны см.: Садомцева, 2024]. У шведского социал-демократического правительства Т. Эрландера имелась четкая установка продолжать нейтралистский курс. Это означало сохранение преемственности политических традиций, за что ратовали социал-демократы во главе с одним из самых почитаемых шведских политиков XX в. П.А. Ханссоном.

Между тем послевоенная эпоха внесла коррективы в политику нейтралитета Швеции. На замену эвентуальному типу нейтралитета пришла новая внешнеполитическая доктрина безопасности, сформулированная в начале 1950-х годов шведским министром иностранных дел Э. Унденом¹⁴. Смысл, который вкладывался в понятие

¹³ А.М. Александров-Агентов работал в миссии СССР в Швеции в 1942–1947 гг.

¹⁴ Унден Бу Эстен (Undén Bo Östen) (1886–1974) — шведский политический и государственный деятель, министр иностранных дел Швеции (1924–1926, 1945–1962), профессор международного права и ректор Уппсальского университета (1929–1932).

«нейтралитет», не отвечал сложной системе преставлений Швеции о ее месте и роли в международной политике. Это послужило стимулом к разработке универсальной формулы, которая могла быть применена как в военное, так и в мирное время, что было крайне важно с точки зрения закрепления представлений о Швеции как о традиционном нейтрале. Вплоть до начала XXI столетия эта доктрина, выраженная формулой «свобода от союзов в мирное время с целью сохранения нейтралитета во время войны»¹⁵ [Agrell, 1983: 5], служила щитом, который Швеция выставляла в сложные периоды биполярного противостояния. Впоследствии эту шведскую внешнюю политику стали именовать «линией Ундена» («Undénlinjen») [Bjereld et al., 2008: 88–126; Harrison, 2017: 228–234] по имени ее архитектора.

Иначе обстояли дела с утверждением нейтралитета Финляндии. В отличие от Швеции, решение финского вопроса после окончания Второй мировой войны лежало в плоскости государственных интересов СССР, причем союзники по антигитлеровской коалиции — Великобритания и США — не подвергали сомнению, что Финляндия входила в зону влияния Москвы. Еще в ходе подготовки к подписанию Московского перемирия (19 сентября 1944 г.) британские и американские дипломаты дали соответствующие комментарии. В частности, Э. Иден обозначил, что в отношении Финляндии у Великобритании и Советского Союза расхождений не будет¹⁶. Похожую точку зрения высказали и в американских политических кругах. К слову, незадолго до визита финской делегации в Москву А. Гарриман отметил, что он «не знает, где находятся интересы Америки в этом проекте» (кроме, «может быть, в концессии Петсамо»)¹⁷.

К началу 1948 г. борьба за влияние в Северной Европе между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции усилилась. В Вашингтоне активно обсуждали вопрос создания военно-политического союза, направленного против Москвы. Советский Союз в свою очередь укреплял позиции в Восточной Европе посредством заключения договоров о дружбе на подконтрольных территориях

¹⁵ Унден Э. Нейтралитет и свобода от союзов // Новое время. 1957. № 28. С. 8.

¹⁶ Печатнов В.О. Переписка И.В. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны: В 2 т. Т. 2. М.: Просвещение, 2017. С. 97.

¹⁷ Встреча советской делегации с Керром и Гарриманом по вопросу о выработке документов о мире или перемирии с Финляндией // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВПРФ). Ф. 06. Оп. 6. П. 52. Д. 718. Л. 3.

(с Чехословакией, Польшей, Югославией, Румынией, Венгрией, Болгарией). Одновременно СССР активизировал свою деятельность в отношении соседней Финляндии.

Одним из первых признаков, свидетельствовавших о том, что Финляндия жизненно важна для советского руководства, было недопущение Хельсинки к участию в программах помощи по «плану Маршалла». Известно, что накануне открытия Парижской конференции шестнадцати государств¹⁸ ряд стран Европы, преимущественно малые экс-нейтральные и нейтральные, получили от МИД СССР заявление с разъяснениями, какие цели преследовали власти США путем реализации «плана Маршалла» в государствах, пострадавших в годы войны. В число таких стран вошла и Финляндия. В заявлении Москва предостерегала от участия в программе американской помощи, аргументируя это намерением Вашингтона вмешаться во внутренние дела европейских государств, «навязать им свою программу, затруднить им сбывать свои излишки туда, куда они хотят, и таким образом, поставить экономику этих стран в зависимость от интересов США»¹⁹.

Финское правительство, опасаясь, что советское руководство в случае его согласия на участие в программе помощи по «плану Маршалла» примет ответные меры, предпочло отклонить приглашение на парижское совещание. Свой отказ Хельсинки объяснили продолжавшимся процессом перемирия с Москвой и еще не завершившимся этапом подписания постоянного мирного договора²⁰.

Стремление Финляндии не создавать себе трудностей в отношениях с ближайшим соседом было воспринято в странах Запада негативно. Не вдаваясь в подробности послевоенных обязательств Хельсинки перед Москвой, шведские СМИ дали язвительный

¹⁸ Конференция в Париже состоялась в июле 1947 г. В ней приняли участие 16 из 22 стран, получивших приглашение.

¹⁹ Заявление Правительства СССР от 5 июля 1947 года Правительствам Нидерландов, Италии, Норвегии, Югославии, Чехословакии, Польши, Румынии, Швейцарии, Дании, Финляндии, Албании, Венгрии, Болгарии, Швеции, Люксембурга, Бельгии // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 20. Д. 236. Л. 3.

²⁰ Записка М.Г. Котова, исполняющего обязанности первого секретаря миссии СССР в Финляндии, министру иностранных дел СССР товарищу Молотову В.М. // АВПРФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 20. Д. 237. Л. 13; Финское правительство отклонило англо-французское приглашение участвовать в Парижской конференции // Правда. 1947. № 178. С. 4. Доступ: https://marxism-leninism.info/paper/pravda_1947_178-13025 (дата обращения: 09.09.2024).

комментарий к попыткам финнов договориться с Кремлем, описав ситуацию словами: «хлопание московского кнута покорило правительства всех европейских стран, граничащих с Россией»²¹.

Положение, в котором оказывалась Финляндия, сулило ей опасные перспективы стать разменной монетой в предполагаемом военном конфликте Востока и Запада. Однако надо отдать должное советскому руководству: в Москве это тоже понимали и не видели существенной пользы от повышения градуса эскалации возле своих границ. Решающую роль в становлении нейтралистского курса Финляндии сыграло обоюдное согласие финских и советских политиков пойти навстречу друг другу. Утверждению финского нейтралитета на рубеже 1940–1950-х годов способствовали также попытки советских дипломатов прощупать готовность Норвегии и Дании выйти из состава НАТО ради перехода всего региона на позиции нейтралитета [Комаров, 2022: 138–139].

В известном письме И.В. Сталина Ю.К. Паасикиви в феврале 1948 г. советский лидер подчеркивал: «...обе наши страны жестоко пострадали от этой [гитлеровской] агрессии» и будут нести ответственность за повторение подобной истории. Он предложил скрепить двусторонние отношения во имя мира и безопасности пактом о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи по аналогии с венгеро-советским и румыно-советским²². На практике подписанный в апреле 1948 г. договор не только создал предпосылки для добрососедских отношений, но и послужил благодатной почвой для развития нейтралистского мышления в стране.

Поддержку идеи нейтралитета выразил премьер-министр Финляндии У. Кекконен, который в письменной форме изложил свое видение финского внешнеполитического пути и будущего всей Северной Европы. Что нехарактерно, речь была не публично произнесена политиком, а опубликована финской газетой «*Maakansa*» 23 января 1952 г. Это было связано с тем, что У. Кекконен писал ее, будучи в больнице, за что впоследствии речь окрестили «пижамной» [Комаров, 2021]. В ней премьер-министр освещал идеи мира и пред-

²¹ Dagens Nyheter, Juli 12, 1947 // DN.Arkivet. Available at: <https://arkivet.dn.se/tidning/1947-07-12/11161-184/1> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

²² Письмо Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина Президенту Финляндской Республики Ю.К. Паасикиви, 22 февраля 1948 г. // Советско-финляндские отношения, 1948–1983. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи в действии: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1983. С. 5.

лагал рассмотреть вариант объединения стран Северной Европы в союз нейтральных государств ради устранения гипотетической угрозы Финляндии и всему Северу в случае открытого противостояния двух военно-политических блоков [Комаров, 2022: 139].

В итоге, несмотря на привлекательность шведского образца нейтралитета, финский вариант с самого начала приобрел собственные уникальные черты. Новый внешнеполитический курс Финляндии, как представлял его Ю.К. Паасикиви, должен был стать положительным явлением «не только для нас [финнов], но и для западного и восточного блока» [цит. по: Комаров, 2022: 138–139]. Впоследствии финскую внешнюю политику, характеризовавшуюся поддержанием дружественных, взаимовыгодных отношений с СССР и проведением политики активного нейтралитета, стали называть «линией Паасикиви–Кекконена» по именам ведущих политиков, деятельно ее продвигавших. Преимуществом такого курса было то, что он не ограничивался сотрудничеством исключительно с СССР, но включал и взаимовыгодное партнерство с Западом.

Таким образом, в начале 1950-х годов на севере Европы сложилась ситуация, когда сразу два соседних государства, разделенные Ботническим заливом, сохранили внеблоковый статус, создавая своеобразный эффект двойного буфера в Скандинавско-Балтийском регионе. Такое явление в международных отношениях стало возможным благодаря просоветскому характеру нейтралитета Финляндии и внеблоковой политике Швеции.

Швеция и Финляндия: курс на сближение

В конце 1950-х — начале 1960-х годов можно было наблюдать активное сближение Швеции и Финляндии. Финский историк К. Рентола отмечает, что отношения двух стран стали доверительными. Они подкреплялись регулярными взаимными визитами для развития контактов по ключевым направлениям. В этот период Швеция стала для Финляндии наиболее значимым партнером в вопросах безопасности [Rentola, 2018: 42]. Объяснялось это схожими задачами двух государств в области политики безопасности и общностью целей внеблоковой стратегии Швеции и нейтралитета Финляндии. Всё это создавало благоприятные условия для дальнейшего сближения. По факту был дан старт полноценному неофициальному партнерству Хельсинки и Стокгольма, что привело к политической и даже стратегической зависимости Финляндии от Швеции [Rentola, 2018: 42–43].

В отличие от финского нейтралитета, шведская внеблоковая политика представляла собой довольно пластичное явление с высокой степенью адаптивности, способное видоизменяться и трансформироваться под воздействием различных внутренних и внешних факторов. Это давало шведам дополнительные преимущества в деле налаживания более тесных контактов с Хельсинки. Если финский нейтралитет имел однозначный просоветский характер, то шведская политика предполагала балансирование между блоками.

При этом шведские дипломаты не ставили перед собой цель примирить стороны, их задачей было сохранить сложившийся статус-кво. Это была политика «циничного прагматизма», как ее называли некоторые шведские исследователи [Bjereld et al., 2008: 79]. Она приносила хорошие дивиденды в отношениях с Советским Союзом, угроза со стороны которого ощущалась шведами наиболее явственно. Таким образом, за случаями сближения с одной из сверхдержав сразу же следовала кропотливая работа различных ведомств по сглаживанию диспропорций в региональной поляризации. Норвежский специалист в области международных отношений О. Брундтланд, описывая ситуацию в Северной Европе концепцией «неустойчивых качелей», отводил роль политического стабилизатора именно Швеции [Brundtland, 1966b].

Объективности ради следует заметить, что в определенные моменты истории всё же случавшиеся перекосы создавали шведскому руководству немалые трудности. Так, серьезным испытанием для внеблоковой политики Стокгольма стал инцидент в Балтийском море, произошедший в 1952 г. Советским истребителем был сбит шведский мирный гидросамолет «Catalina», который, по мнению советских военных, был отправлен на поиски шведского военного самолета радиотехнической разведки DC-3 [подробнее см.: Корунова, 2023; Рупасов, Самуэльсон, 2014: 124–129; Садомцева, 2024: 170–173]. Это дало повод предполагать, что контакты между Стокгольмом и Вашингтоном носят не вымышленный характер.

В последующие десятилетия вплоть до конца XX в. шведское руководство проявляло чрезмерную щепетильность во внешнеполитических делах, чтобы не подвергать опасности внеблоковый статус своего государства. Любые факты сотрудничества с НАТО тщательно скрывались. На сегодняшний момент часть информации, касающейся закупок шведским Министерством обороны военной техники и материалов в США, особенно на начальном этапе холодной

войны, рассекречена и находится в открытом доступе [Harrison, 2017: 230]. Известно также, что «молчаливое партнерство» распространялось в том числе на сферу обмена разведывательными данными. В начале 2000-х годов шведские историки уже подробно описали факты разрозненных двусторонних контактов по линии военных ведомств Швеции со странами Запада [Dalsjö, 2006: 165–169; Harrison, 2017: 230; Ludders, 1991: 65–72; Malmberg, 2001: 157, 296].

В тот период шведская внеблоковая политика отличалась от финского нейтралитета своей активностью на международной арене. Процесс деколонизации, а затем и разрядка горячо приветствовались в кругах социал-демократических политиков [подробнее см.: Воркунова, 1985; Гамов, 1988]. У. Пальме, сменивший Т. Эрландера на посту премьер-министра в 1969 г., строил амбициозные планы с участием Швеции в большой игре сверхдержав. Он рассматривал возможность корректировки политики лидеров двух блоков в целях улучшения ситуации в странах с неблагоприятной обстановкой [Корунова, 2016: 14–16]. Внеблоковая политика Швеции на этом этапе была нацелена главным образом на содействие миру и разоружению, а не на изоляцию.

Укреплению контактов скандинавских стран, а также двусторонних связей Швеции и Финляндии способствовала совместная работа в Северном совете²³, а затем и в рамках Совета министров Северных стран. Позже, в конце 1960-х — начале 1970-х годов, тенденции к сближению государств Северной Европы сохранились, что вписывалось в контекст общего европейского интеграционного тренда.

В 1970-е годы, в период разрядки международной напряженности и подготовки к проведению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), шведские и финские политические элиты сосредоточились на своих ролях нейтральных игроков. Финляндия удостоилась чести принимать участников Совещания и навсегда вошла в историю как посредник, или «мост» между Востоком и Западом. Это особое положение страна сохраняла довольно долго: его отражением может служить, например, российско-американский саммит 2018 г., проведенный в Хельсинки, в рамках которого состоялась встреча президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов — В.В. Путина и Д. Трампа.

²³ Северный совет был создан в 1951 г. Финляндия присоединилась к его работе в 1958 г.

Развитие «паутинной интеграции» благотворно сказывалось на сотрудничестве государств Северной Европы даже при условии различных форм взаимоотношений каждой из стран региона с политическими, экономическими и военными организациями и союзами. Возникавшие время от времени разногласия внутри сообщества северных государств, как правило, касались степени их вовлечения в работу с объединенной Европой или НАТО, но не ставили под сомнение правильность изначально выбранного внешнеполитического вектора. Исключением на этом фоне оставалась Финляндия, связанная тесными экономическими и политическими контактами с Советским Союзом.

Историк А.С. Кан, описывая характер взаимоотношений внеблоковой Швеции с СССР в тот период, привел слова шведского дипломата, работавшего в посольстве Швеции в Москве в 1970-е годы: «Ни сосредоточение советских вооруженных сил на Кольском полуострове и в Баренцевом море, ни регулярные разоблачения советских шпионов, ни, с другой стороны, поддержка шведской общественностью советских интеллектуалов-диссидентов — ничто всерьез не нарушало устойчивого и вместе с тем усеченного, строго регламентированного, с советской стороны почти исключительно государственного, сотрудничества двух идеологически чуждых друг другу стран» [цит. по: Кан, 1999: 219].

Новый виток борьбы за влияние в Северной Европе пришелся на рубеж 1970–1980-х годов и был спровоцирован вводом советских войск в Афганистан. Все скандинавские страны решительно осудили действия Москвы и в январе 1980 г. одобрили резолюцию № A/RES/ES-6/2 под названием «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», в которой содержался призыв к «немедленному, безусловному и полному выводу советских войск из Афганистана»²⁴. Известный своими пацифистскими взглядами премьер-министр Швеции У. Пальме обвинил руководство СССР в умышленном повышении градуса в отношениях Москвы и Вашингтона²⁵. В тот период шведская внеблоковая политика

²⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № A/RES/ES-6/2 «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности», 14 января 1980 г. // Объединенные Нации. Цифровая библиотека. Available at: https://digitallibrary.un.org/record/10591/files/A_RES_ES-6_2-RU.pdf?ln=ru (accessed: 09.09.2024).

²⁵ Anförande vid Stockholms Arbetarekommunis rep.skap den 12 januari 1980. S. 1 // Arbetarrörelsen arkiv och bibliotek.

подверглась двойному нажиму со стороны сверхдержав [Воронов, 2018: 81].

Напряжение в сфере безопасности достигло апогея из-за инцидента с советской подводной лодкой С-363 (U-137), которая была обнаружена в шведских территориальных водах октябрьским утром 1981 г. [Корунова, 2022]. Оригинальной на фоне различных мнений и суждений в связи с возникшим конфликтом выглядит точка зрения ведущего шведского историка-конфликтолога В. Агрелля, который высказал предположение, что появление иностранных подводных лодок в шведских территориальных водах стало свидетельством снижения уровня доверия к внеблоковой политике Стокгольма среди международных игроков²⁶. Действительно, впервые за долгие годы глобальное противостояние сверхдержав вновь ставило под вопрос значение геополитического и геостратегического нейтралитета Северной Европы, что неминуемо толкало североевропейские страны к переосмыслению своих ролей в биполярной системе международных отношений.

Скрывать то, что Швеция постепенно «сползала» к НАТО, становилось всё сложнее. Москва и так считала ее де-факто 16-м членом альянса, несмотря на ее внеблоковый статус²⁷. Своеобразным подтверждением этой тенденции стало подписание в декабре 1981 г. шведско-американского соглашения о взаимной защите секретной информации в военно-технической сфере. В документе также упоминались шведско-американские соглашения, заключенные ранее — в 1952 и 1961 гг. С опорой на уже имевшийся опыт взаимодействия по линии министерств обороны выражалось стремление способствовать укреплению связей и расширению контактов²⁸.

Впрочем, угроза превращения Скандинавского полуострова в естественную часть Центрального фронта из-за возможного отказа Швеции от внеблоковой политики в пользу НАТО не устраивала даже члена альянса — Норвегию, которая проводила курс ограниченного союзничества с западным военно-политическим

²⁶ Dagens Nyheter, October 6, 1982 // DN.Arkivet. Available at: <https://arkivet.dn.se/tidning/1982-10-06/271/1> (accessed: 10.08.2024). (На швед. яз.)

²⁷ Rydan D. Så blev Sverige en del av NATO // Populär Historia. 02.04.2019. Available at: <https://populärhistoria.se/sveriges-historia/1900-tal/sa-blev-sverige-en-del-av-nato> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

²⁸ Nr 80 Överenskommelse med Amerikas Förenta Stater om sekretesskydd av militär information. Washington den 4 och 23 december 1981 // Sveriges överenskommelser med främmande makter. SÖ 1981:80. Stockholm, 1981.

блоком [Walter, 2018]. Для Финляндии изменение в расстановке сил в Северной Европе означало, что Советский Союз получил бы повод разместить свои военные базы ближе к ее границам. В этих условиях и в Стокгольме, и в Хельсинки в итоге возобладало желание сохранить свое положение нейтральных игроков даже в условиях резкой эскалации конфликта между сверхдержавами.

Обратного пути уже не будет

Поворотным моментом, приведшим к смене Финляндией своих внешнеполитических ориентиров и к отказу Швеции от внеблокового статуса, явился крах биполярной системы. Следствием победы США в глобальном противостоянии двух сверхдержав стало формирование на рубеже XX–XXI вв. нового однополярного мира. В Северной Европе изменение баланса сил привело к полному критическому переосмыслению политики безопасности. Знаковым событием стал выход Финляндии из Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи в сентябре 1991 г. Этот шаг означал стратегический разворот Хельсинки на Запад, хотя добрососедские отношения с Россией сохранялись еще довольно долго.

Размышляя над оптимальной моделью безопасности на Севере, лектор Университета Хельсинки А. Луукканен, специализирующийся на исследованиях России и восточноевропейских стран, в начале 2000-х годов высказывался против слишком жесткой привязки Финляндии к НАТО. По его мнению, альянс всегда оставался для финнов строго военным союзом, а для Финляндии была бы предпочтительнее более широкая концепция безопасности, а именно глобальная безопасность с включением России. Он объяснял: «Причина самая простая: мы не можем изменить географию. И поскольку мы не в состоянии это сделать, мы должны поддерживать нормальные, должным образом функционирующие рабочие отношения с Россией»²⁹. Действительно, в первые годы после распада СССР российско-финское взаимодействие носило позитивный характер.

В течение длительного периода после завершения холодной войны и финны, и шведы жили в рамках парадигмы сложившегося послевоенного мироустройства. На севере Европы вплоть до недавнего

²⁹ Цит. по: Rogatchi I. NATO — Yes, no or already?! // The Baltic Course. 2002. No. 5 (2). Available at: https://www.baltic-course.com/archive/eng/winter_2002/02politics.htm (accessed: 09.09.2024).

времени преобладало понимание, что мир и безопасность в регионе обеспечивает баланс сил, уравновешенный внеблоковой политикой Швеции и нейтралитетом Финляндии, дружественной Западу и лояльной России. Однако с 1990-х годов в расстановке сил в Северной Европе стали происходить серьезные сдвиги. Стало очевидно, что проекция биполярного мира в миниатюре, обеспечивавшая статус-кво в регионе в течение многих десятков лет, больше не работала.

Примерно в это же время наметился новый виток развития отношений Швеции и Финляндии по вопросам обороны и безопасности. В 1994 г. оба государства вступили в программу «Партнерство ради мира». Своему участию в ней и финны, и шведы придавали большое значение. Так, в Швеции бытовало мнение, что это позволяло укрепить доверие к Стокгольму их западных партнеров, а также способствовало сближению государств НАТО со странами, не являющимися членами альянса³⁰.

Для финнов важным шагом в сотрудничестве с западным военно-политическим блоком стала закупка американских палубных истребителей-бомбардировщиков «Hornet» F/A 18. Первые экземпляры поступили в страну еще в конце 1980-х годов. Новое соглашение было подписано в период пребывания на посту министра обороны Э. Рен³¹, которая придавала крайне серьезное значение этим договоренностям, так как они способствовали, по ее мнению, укреплению контактов со странами НАТО³². Тогда финские вооруженные силы заключили контракт на поставку 64 единиц техники.

В 1997 г. Швеция и Финляндия сделали следующий шаг навстречу альянсу — присоединились к Совету евроатлантического партнерства. Таким образом, с 1990-х годов можно было наблюдать, как две страны шли в одном направлении и действовали сообща, координируя свои инициативы в области внешней политики. В начале 2000-х годов пришел в движение процесс встраивания внеблоковой Швеции и нейтральной Финляндии в военно-политический контур НАТО. Следовало ожидать, что вступление в Североатлантический альянс

³⁰ Sveriges och Natos historia // Regeringskansliet. 03.04.2024. Available at: <https://www.regeringen.se/regeringens-politik/sverige-i-nato/sveriges-och-natos-historia/> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

³¹ Рен Элизабет (фин. Rehn, Elisabeth) — финский политический и государственный деятель, министр социального обеспечения и здравоохранения (1991–1995), министр обороны (1990–1995).

³² Rogatchi I. Op. cit.

по отдельности спровоцирует распад этого слаженного политического дуэта, поэтому данный вопрос всегда обсуждался с оглядкой на соседа по целому ряду причин исторического, географического, геополитического и военного характера [Плевако, 2022: 25]. К этому располагало и достигнутое к тому моменту взаимопонимание между правительствами двух стран.

Процессу их более тесного сотрудничества в области безопасности способствовали, в частности, инициативы, выдвинутые экспертной комиссией на внеочередной сессии министров иностранных дел стран Северной Европы, состоявшейся в феврале 2009 г. По результатам ее работы норвежский политик, в прошлом министр иностранных дел и министр обороны Т. Столтенберг представил доклад³³. В нем были перечислены 13 положений, которые должны были способствовать укреплению кооперации государств и интенсификации процессов региональной интеграции. Большая часть предложений касалась сферы обороны и безопасности. Документ был одобрен на встрече министров иностранных дел пяти государств и, по сути, стал декларацией о намерениях североευропейских стран [Конышев, Сергунин, 2012: 42]. С этого момента контакты между ними стали носить всеохватывающий характер. В 2009 г. процессы кооперации в области внешней политики между государствами Северной Европы, в том числе с участием внеблоковой Швеции и нейтральной Финляндии, приобрели форму организованного сотрудничества в рамках проекта NORDEFECO [см. подробнее: Белухин, 2019: 32–35], вобравшего в себя опыт предыдущих объединений, таких как NORDAC, NORDCAPS, NORDSUP.

На официальном сайте NORDEFECO в разделе справочной информации написано, что связи между государствами Северной Европы во второй половине XX в. не прерывались³⁴. Несмотря на разницу внешнеполитических статусов и отводимых ролей каждой из стран в биполярной системе международных отношений, плотность контактов действительно была довольно высокой, что объяснялось языковой и культурной общностью, переплетением исторических

³³ Stoltenberg T. Nordic Cooperation on foreign and security policy. Proposals presented to the extraordinary meeting of Nordic foreign ministers in Oslo on February 9, 2009 // Regjeringen.no. Available at: <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordicreport.pdf> (accessed: 09.09.2024).

³⁴ About NORDEFECO // Nordic Defence Cooperation. Available at: <https://www.nordefco.org/the-basics-about-nordefco> (accessed: 09.09.2024).

путей, а также богатым опытом работы в политической и военной сферах. Практика взаимодействия государств Северной Европы друг с другом в военно-политической области имеет глубокие корни, поэтому сотрудничество по линии безопасности фактически завершило процесс консолидации стран. Серьезную проблему для всеобъемлющей оборонной интеграции создавали разница во внешнеполитических статусах участников организации и, как следствие, несоответствие стандартам НАТО отдельных ее членов. Вместе с тем разработанная система кооперации в пяти сферах (Cooperation Areas, COPAs) и сведение к минимуму бюрократических препятствий внутри организации были нацелены на устранение этой проблемы. По мере преодоления препон в структуре NORDEFCO открывались возможности для более тесных контактов с НАТО. В отличие от Дании, Норвегии и Исландии, уже являвшихся членами блока, для Швеции и Финляндии такое сближение было чревато негативными последствиями для их репутации. Для Хельсинки довольно долго превалирующими факторами в решениях, связанных с внешней политикой, оборонными инициативами и безопасностью, выступали добрососедские отношения с Москвой и протяженная общая граница с Россией. По этой причине возможности развития оборонного сотрудничества в рамках NORDEFCO руководство Финляндии видело только в двусторонних отношениях со Швецией. Не исключалась форма подписания отдельного оборонного пакта, в который не будут вовлечены северные государства НАТО [Saxi, 2014: 71]. Другим направлением совместной деятельности внеблоковых Швеции и Финляндии стала поддержка собственных предприятий военно-промышленного комплекса.

Уже после вступления Финляндии в НАТО в ведущей шведской газете «Dagens Nyheter» вышла статья с говорящим названием «Вот так вместе выросли Швеция и Финляндия»³⁵. В ней помимо размышлений о проблемах экономического порядка, обнаружившихся в период пандемии COVID-19, автор предложил задуматься о практической выгоде, которую могут получить обе страны в случае укрепления контактов. В первую очередь речь, конечно, шла об экономическом сотрудничестве и обмене опытом в области антикризисного управления. Одновременно автор дал понять, что

³⁵ Dagens Nyheter, December 29, 2023 // DN.Arkivet. Available at: <https://arkivet.dn.se/tidning/2023-12-29/363/1> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

сближению Хельсинки и Стокгольма явно способствовали события, происходящие в мире. Они сплотили финнов и шведов и заставили их удвоить усилия по кооперации. В статье подчеркивалось, что настолько близких отношений между странами не наблюдалось в течение сотен лет. Финны всегда ощущали себя неполноценными в тени старшего брата. Цитируя слова финского президента С. Ниинистё и посла Финляндии в Швеции А.-М. Хенриксон, автор отметил, что сейчас «дела обстоят иначе» и отношение шведов к финнам значительно улучшилось³⁶.

В 2020 г. был опубликован интересный доклад, определенно заслуживающий внимания. Его автором является юрист, в прошлом министр юстиции и церковных дел Исландии Б. Бьярнасон. Свой доклад он посвятил политике безопасности в странах Североевропейского региона. В тексте содержится подробная информация о регулярных встречах министров иностранных дел стран Северной Европы, что указывает на существование давней и непрерывной традиции сотрудничества между правительствами вопреки различиям во внешнеполитических курсах и степени вовлеченности каждого из государств в те или иные региональные и мировые институты и структуры³⁷. В докладе перечислены в том числе новые и малоизвестные широкой общественности группы, в рамках которых осуществляется сотрудничество стран региона с другими государствами Запада в XXI в. Это прежде всего группа регионального сотрудничества — Северо-Балтийская восьмерка (Nordic-Baltic Eight, NB8), объединившая в своеобразный неформальный форум страны Скандинавии, Финляндию, Эстонию, Латвию и Литву. Группа начала работать с 1992 г. С тех пор традиция ежегодных встреч в таком формате содействовала значительному углублению взаимодействия этих государств.

Успешная кооперация скандинавских и прибалтийских стран в рамках NB8 способствовала налаживанию контактов и с Бюшградской группой (V4). Такая система взаимодействия, именуемая NB8+V4, получила особый стимул к развитию после 2014 г. При этом следует отметить, что консультации группы стран NB8 с Велико-

³⁶ Ibidem.

³⁷ Bjarnason B. Nordic foreign and security policy 2020. Climate change, hybrid & cyber threats and challenges to the multilateral, rules-based world order. Proposals, July 2020 // Readkong. Available at: <https://www.readkong.com/page/nordic-foreign-and-security-policy-2020-climate-change-2702030> (accessed: 09.09.2024).

британией начались двумя годами ранее, в 2012 г., с неформальной встречи министров иностранных дел на форуме «Будущее Севера». Б. Бьярнасон указывает на наличие у группы NB8 тесных связей в том числе с США. По его словам, контакты осуществляются через программу Расширенного партнерства в Северной Европе (Enhanced Partnership in Northern Europe, E-PINE). Государственный департамент США объясняет такой вид сотрудничества необходимостью создания безопасной, надежной и благоприятной среды для продвижения интересов восьми стран — участниц диалога³⁸.

Таким образом, за последние 10–15 лет число контактных групп и площадок для переговоров, куда активно вовлекались Швеция и Финляндия, значительно увеличилось. Были созданы условия для взаимодействия государств Северной Европы в области обороны и безопасности как друг с другом, так и с другими странами Запада. Это способствовало ускорению процессов военно-политической интеграции и создавало предпосылки для неизбежного вовлечения оставшихся двух государств — Финляндии и Швеции — в Североатлантический альянс.

В отчете финского правительства за 2022 г., посвященном анализу новых требований для обеспечения безопасности, имеется раздел об истории взаимоотношений Финляндии с остальными государствами Северной Европы³⁹. В нем подчеркивается, что в последние годы Финляндия и Швеция в основном продвигались одинаковыми темпами в укреплении своего сотрудничества с НАТО⁴⁰. На официальном сайте шведского правительства (*regeringen.se*) есть рубрика под названием «Роль Швеции в НАТО» (швед. «*Sveriges roll i NATO*»)^{41,42}. Благодаря ей любой желающий может получить ответы

³⁸ Enhanced Partnership in Northern Europe (E-PINE) // Department of State. Available at: <https://www.state.gov/enhanced-partnership-in-northern-europe-e-pine/> (accessed: 09.09.2024).

³⁹ Government report on changes in the security environment. Publications of the Finnish Government 2022:20. Helsinki: Finnish Government, 2022. Available at: https://julkaisut.valtioneuvosto.fi/bitstream/handle/10024/164002/VN_2022_20.pdf (accessed: 09.09.2024).

⁴⁰ Ibid. P. 20.

⁴¹ До официального вступления Швеции в НАТО рубрика носила название «*Sveriges väg in i NATO*».

⁴² *Sveriges roll i NATO* // Regeringskansliet. 01.10.2024. Available at: <https://www.regeringen.se/regeringens-politik/sverige-och-nato/sveriges-vag-in-i-nato/> (accessed: 01.10.2024). (На швед. яз.)

на вопросы, что послужило причиной подачи заявки на участие в военно-политическом блоке, как протекал процесс вступления Швеции в Североатлантический альянс и какие последствия будет иметь членство в организации для шведских граждан. В разделе «Почему Швеция подала заявку на членство в НАТО?» содержится отчет «Ухудшение ситуации в политике безопасности — последствия для Швеции». В нем сообщается, что начиная с 2014 г. Швеция, как и Финляндия, углубила сотрудничество в направлении политики безопасности с рядом стран путем заключения различного рода договоров⁴³. Отмечено также, что с некоторыми наиболее важными странами-партнерами, такими как США, Великобритания, Франция и Германия, удалось достичь высокой степени оперативной совместимости благодаря ранее сложившимся тесным связям и неоднократному участию вооруженных сил Швеции в международных акциях Евросоюза, ООН и НАТО⁴⁴.

Более плотным контактам Финляндии и Швеции способствовало подписание в 2018 г. Меморандума о взаимопонимании по сотрудничеству в области обороны⁴⁵. В документе, направленном на углубление кооперации двух стран, закреплялись положения плана, принятого в 2014 г. финским и шведским министрами обороны. Главной целью договора было достижение высокого уровня реагирования на различные внешнеполитические раздражители. Совместная работа распространялась на оперативное планирование, построение и отработку оперативной совместимости.

После саммита НАТО в Уэльсе в 2014 г. Швеция и Финляндия в числе пяти государств (Австралия, Грузия, Иордания, Финляндия, Швеция), не являвшихся на тот момент членами альянса, были приглашены присоединиться к программе сотрудничества с последующим получением особого статуса партнера НАТО с расширенными возможностями (Enhanced opportunities partner,

⁴³ Ett försämrat säkerhetspolitiskt läge — konsekvenser för Sverige. Ds 2022:7. S. 23 // Regeringskansliet. Available at: https://www.regeringen.se/contentassets/b33a04c7ad954881ad6a571dc8553dbe/ett-forsamrat-sakerhetspolitiskt-lage---konsekvenser-for-sverige_webb.pdf (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Memorandum of Understanding between Finland and Sweden on Defence Cooperation, July 9, 2018 // Finnish Ministry of Defence. Available at: https://www.defmin.fi/files/4314/FISE_MoU_FINAL.pdf (accessed: 09.09.2024).

ЕОР)⁴⁶. Целью программы было углубление связей и практического сотрудничества этих государств с Североатлантическим альянсом. В число первоочередных задач вошло создание условий для совместимости вооруженных сил партнеров со стандартами, правилами и процедурами НАТО. С этой целью тогда же была запущена «Платформа оперативной совместимости» (Interoperability Platform, IP), которая также способствовала налаживанию регулярных контактов на уровне различных министерств. Для всего остального мира участие Швеции и Финляндии в Уэльском саммите НАТО стало показателем единого курса двух внеблоковых государств в области международной безопасности [Трунов, 2018: 141].

Знаковым событием 2016 г., которое продемонстрировало необратимость вовлечения еще не присоединившихся стран Севера в НАТО, стал саммит США и пяти североευропейских государств (Дании, Норвегии, Исландии, Швеции и Финляндии) в Вашингтоне. В приветственной речи президент Финляндии С. Ниинистё отметил, что северные страны придают серьезное значение многостороннему сотрудничеству с США и по некоторым направлениям признают однозначное лидерство Вашингтона. Финский политик также сообщил, что государства Севера, на чью долю выпала задача обеспечить безопасность «в регионе, в Европе и во всём мире», успешно справляются со своими обязательствами. Более того, он подтвердил готовность и в дальнейшем сотрудничать в деле укрепления безопасности и стабильности в регионе и мире⁴⁷. При всей прозрачности заявлений финского политика, косвенным образом подтверждавших факт неминуемого вступления Финляндии в НАТО, большинство экспертов в то время продолжали верить, что финны и шведы не станут пересматривать свою внеблоковую политику.

Между тем с каждым годом всё больше фактов говорило об обратном. В мае 2017 г. в Вашингтоне состоялась встреча главы Пента-

⁴⁶ Partnership Interoperability Initiative // North Atlantic Treaty Organization. 07.03.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_132726.htm#:~:text=The%20Enhanced%20Opportunities%20Partners%20currently,%2C%20Jordan%2C%20Sweden%20and%20Ukraine (accessed: 09.09.2024).

⁴⁷ Remarks by President Obama, President Niinistö of Finland, and Prime Minister Solberg of Norway at the Nordic Leaders' Summit Arrival Ceremony, May 13, 2016 // The White House (President Barack Obama). Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/05/13/remarks-president-obama-president-niinistö-finland-and-prime-minister> (accessed: 09.09.2024).

гона Дж. Мэттиса с министром обороны Швеции П. Хультквистом⁴⁸. Приветствуя своего коллегу, Дж. Мэттис выразил соболезнование по случаю теракта в Стокгольме⁴⁹ и не преминул отметить, что подобные случаи укрепляют решимость держаться вместе для победы над террористами. Он выразил мнение, что теракт против гражданского населения в Швеции «является атакой на всех нас»⁵⁰. В связи с этим он подчеркнул важность усилий объединенной коалиции в противостоянии террористам. В данном конкретном случае речь шла об «ИГИЛ» (организация, запрещенная в РФ). Дж. Мэттис поблагодарил Стокгольм за «постоянный вклад в работу этой коалиции», дав тем самым понять, насколько большое значение американское правительство придавало Швеции как партнеру. Он также отметил, что, несмотря на отсутствие военно-политического договора между Вашингтоном и Стокгольмом, государства объединены прочными контактами в области обороны. Главными целями взаимодействия, по мнению американской стороны, были поддержание статус-кво в Балтийском регионе и отстаивание принципов и норм международного права⁵¹.

В ответной речи шведский министр обороны напомнил, что отношения двух стран укрепляются, подтверждением чего стала подписанная годом ранее американо-шведская декларация⁵². В «Заявлении о намерениях»⁵³, как назвал этот документ П. Хультквист, была заложена стратегическая решимость улучшить взаимопонимание и укрепить сотрудничество между соответствующими

⁴⁸ Хультквист Петер (швед. Hultqvist, Peter) — шведский политический и государственный деятель, министр обороны в 2014–2022 гг., член Социал-демократической рабочей партии Швеции (СДРПШ).

⁴⁹ В апреле 2017 г. в центре Стокгольма в районе пешеходной улицы Дроттнинггатан грузовик на большой скорости въехал в толпу людей. В результате погибли пять человек, еще четырнадцать получили ранения. Водителем грузовика оказался 39-летний гражданин Узбекистана, позже осужденный шведским судом к пожизненному сроку.

⁵⁰ Remarks by Secretary Mattis and Minister Hultqvist at the Pentagon, May 18, 2017 // U.S. Department of Defense. Available at: <https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/1186980/remarks-by-secretary-mattis-and-minister-hultqvist-at-the-pentagon/> (accessed: 09.09.2024).

⁵¹ Ibidem.

⁵² Statement of Intent between the Secretary of Defense of the United States of America and the Minister of Defense of Sweden, June 8, 2016 // Regeringskanslett. Available at: https://www.regeringen.se/globalassets/regeringen/dokument/forsvarsdepartementet/statement-of-intent-swe_us-20160608_signed.pdf (accessed: 09.09.2024).

⁵³ Remarks by Secretary Mattis and Minister Hultqvist at the Pentagon, May 18, 2017...

ведомствами, вооруженными силами. На деле это предполагало увеличение военного потенциала каждой из сторон, усиление взаимной оперативной совместимости двух армий с перспективой полномасштабного сотрудничества в военной сфере⁵⁴. Министр обороны также не преминул отметить, что «наша оборона консолидирована», о чем свидетельствуют регулярные совместные военные учения⁵⁵. В частности, он напомнил про военные учения «Аврора 17» (11–29 сентября 2017 г.), проходившие в Швеции с участием более 1000 американских военных. По сообщению ведущего шведского новостного канала «SVT Nyheter», учения стали самыми масштабными за последние 20 лет⁵⁶.

Важным моментом в речи шведского министра обороны стало прямое указание на Россию как на главную угрозу для Стокгольма. Он пояснил, что Москва своими действиями «бросила вызов всему европейскому порядку», а это в свою очередь привело к дестабилизации системы безопасности в Североевропейском регионе. Кроме того, политик озвучил планы шведского правительства возобновить гражданскую службу по призыву с января 2018 г. и увеличить расходы на оборону на 11% к 2020 г.⁵⁷

В целом можно констатировать, что развитие контактов двух внеблоковых государств Севера с США и другими западными партнерами велось параллельно и в плотном контакте друг с другом. Можно также усмотреть единый подход Белого дома к выстраиванию взаимоотношений с Финляндией и Швецией на протяжении последних 10 лет. Это подтверждает тезис, что Вашингтон изначально рассчитывал на одновременное включение обеих стран в НАТО.

На этом фоне одновременная подача заявок на вступление в альянс Швецией и Финляндией не выглядит ни странной, ни неожиданной⁵⁸. На пресс-конференции, состоявшейся сразу после

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ Statement of Intent between the Secretary of Defense of the United States of America and the Minister of Defense of Sweden...

⁵⁶ Aurora 17 — största militärövningen på 20 år // SVT Nyheter. 08.08.2017. Available at: <https://www.svt.se/nyheter/lokalt/ost/aurora-17-storsta-militarovningen-pa-20-ar> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁵⁷ Statement of Intent between the Secretary of Defense of the United States of America and the Minister of Defense of Sweden...

⁵⁸ Henley J. Finland and Sweden confirm intention to join NATO // The Guardian. 15.05.2022. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2022/may/15/finland-formally-confirms-intention-to-join-nato-russia> (accessed: 09.09.2024).

принятия решения о подаче Финляндией заявки на вступление в НАТО, финский президент С. Ниинистё и премьер-министр С. Марин выступили с обращением к своим гражданам. В заголовок речи, текст которой потом был размещен на официальном сайте президента, были вынесены слова о начале новой эры во внешней политике Финляндии. Президент отметил, что страна, став частью «стабильного, сильного и ответственного Севера», будет чувствовать себя более защищенной, а в обмен на свою безопасность внесет вклад в коллективную безопасность Балтийского региона и всего альянса в целом⁵⁹.

В тот же день, 15 мая 2022 г., в 18:00 по стокгольмскому времени премьер-министр Швеции и председатель Социал-демократической рабочей партии М. Андерссон также выступила с анонсом о предстоящем оглашении решения парламентского большинства по поводу вступления Швеции в НАТО. В своем выступлении, которое получило название «Решение руководства партии о направлении политики социал-демократов в области безопасности», М. Андерссон обозначила, что «лучшим для безопасности Швеции и шведского народа будет, если мы вступим в НАТО»⁶⁰. Эта речь представителя ведущей партии Швеции, которая долгие годы стояла на позиции неучастия страны в военно-политических союзах и блоках, символизировала переломный момент в позиционировании Стокгольма на международной арене.

17 мая на пресс-конференции, созванной по поводу совместно принятого правительством и парламентом решения о подаче заявки на присоединение к Североатлантическому альянсу, выступили премьер-министр М. Андерссон и лидер ведущей оппозиционной Умеренной коалиционной партии У. Кристерссон⁶¹. Это стало яркой

⁵⁹ President Niinistö efter Nato-beslutet: En ny tid börjar med ett skyddat Finland i ett stabilt, starkt och ansvarstagande Norden // Republikens president Sauli Niinistös webbplats 2014–2024 (arkiverad). 15.05.2022. Available at: <https://www.presidentti.fi/niinisto/sv/nyhet/president-niinisto-efter-nato-beslutet-en-ny-tid-borjar-med-ett-skyddat-finland-i-ett-stabilt-starkt-och-ansvarstagande-norden/> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁶⁰ Partistyrelsens beslut om Socialdemokraternas säkerhetspolitiska linje // Socialdemokraterna. 15.05.2022. Available at: <https://www.socialdemokraterna.se/nyheter/nyheter/2022-05-15-partistyrelsens-beslut-om-socialdemokraternas-sakerhetspolitiska-linje> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁶¹ Regeringen fattade beslut om att Sverige ska ansöka om medlemskap i NATO // Sveriges ambassad, Helsingfors, Finland. 17.05.2022. Available at: <https://www.swedenabroad.se/sv/utlandsmyndigheter/finland-helsingfors/aktuellt/nyheter/regeringen->

демонстрацией того, что, во-первых, социал-демократы больше не собираются продолжать внешнеполитический курс, который отстаивали их легендарные предшественники П.А. Хансон, Т. Эрландер, У. Пальме и другие авторитетные лидеры партии, видевшие во внеблоковой политике значительные преимущества. Во-вторых, произошли изменения в системе базовых ценностей шведских политических элит и граждан. Это проявилось в смещении социал-демократов в поле внешнеполитических установок оппозиционных партий. Если в предыдущие десятилетия социал-демократы объединяли различные политические силы страны, вдохновляя их идеей укрепления безопасности в регионе и предотвращения вооруженных конфликтов посредством активной нейтралистской политики, на сей раз эта политическая партия возглавила коллективный демарш шведских парламентских партий, призывавших к вступлению в НАТО.

Выступая перед СМИ, лидеры двух конкурирующих партий — М. Андерссон и У. Кристерссон — разъяснили, что судьбоносное решение было принято не спонтанно. Ему предшествовала работа специальной группы, созданной в середине марта 2022 г., которую возглавила министр иностранных дел А. Линде⁶². В подготовке итогового документа активное участие приняли действующий министр обороны П. Хультквист и представители всех парламентских партий. В задачи комитета входили сбор и обработка информации относительно ситуации в области безопасности после начала СВО в феврале 2022 г. Члены комитета провели анализ актуальной обстановки в регионе и мире, чтобы оценить уровень угрозы для Швеции от начавшегося в Европе военного конфликта. Кроме того, группа должна была смоделировать ситуацию дальнейшей эскалации и расширения противостояния, чтобы обеспечить защиту государственных интересов Швеции. Итоговый отчет получил название «Ухудшение ситуации в политике безопасности — последствия для Швеции»⁶³.

fattade-beslut-om-att-sverige-ska-ansoka-om-medlemskap-i-nato/ (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁶² Линде Анн (швед. Linde, Ann) — шведский политический и государственный деятель, министр иностранных дел в 2019–2022 гг., член СДРПШ.

⁶³ Ett försämrat säkerhetspolitiskt läge — konsekvenser för Sverige. Ds 2022:7 // Regeringskansliet. 13.05.2022. Available at: https://www.regeringen.se/contentassets/b33a04c7ad954881ad6a571dc8553dbe/ett-forsamrat-sakerhetspolitiskt-lage---konsekvenser-for-sverige_webb.pdf (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

Из отчета явствует, что параллельно с внутренней работой шведское правительство вело активную деятельность по координации политики с соседней Финляндией. Содержание текста, представленного участниками шведской группы, свидетельствовало о том, что работа проходила в плотном контакте с финской стороной по линии двух ведомств: Министерства обороны и Министерства иностранных дел. При этом интенсивность контактов политиков, дипломатов и военных Стокгольма и Хельсинки значительно возросла с весны 2022 г., о чем подробно написано в разделе, где описана текущая ситуация, на фоне которой происходило принятие ответственного решения в обеих странах.

В начале января 2023 г. члены шведского комитета посетили Хельсинки, где обсудили с финскими коллегами вопросы, связанные с деятельностью НАТО. Во время ответного визита, состоявшегося месяц спустя, финские политики проинформировали своих партнеров из Швеции о готовности парламента Финляндии ратифицировать заявку на вступление их страны в НАТО⁶⁴. Причиной, побудившей шведов и финнов к расширению контактов и увеличению переговоров, была указана СВО, начатая Москвой⁶⁵. Сам конфликт, вспыхнувший между Россией и Украиной, был назван самым масштабным со времен Второй мировой войны⁶⁶.

Так завершился процесс встраивания двух некогда нейтральных стран Севера в военно-политическую структуру Запада. В случае со Швецией к своему логическому концу пришел процесс, начатый еще на заре холодной войны. Политика Вашингтона, целью которой было вовлечь в НАТО все скандинавские страны, увенчалась успехом спустя 75 лет. Долгожданное для американского истеблишмента событие произошло символично — в юбилейный год альянса. Присоединение Финляндии к НАТО стало огромным бонусом, который было возможно получить благодаря не прекращавшейся кооперации со Швецией и тесному сотрудничеству всех стран Северной Европы в рамках различных организаций и институтов.

⁶⁴ Utrikesutskottets betänkande 2022–23: UU16. Sverige medlemskap i NATO. S. 1 // Sveriges Riksdag. Available at: https://www.riksdagen.se/globalassets/02.-aktuellt/202223/utrikesutskottet-foreslar-att-riksdagen-godkanner-sveriges-anslutning-till-nato/2022_23_uu16_20230316164014_publicering.pdf (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁶⁵ Ibid. S. 5–6.

⁶⁶ Ibid. S. 7.

После распада биполярной системы международных отношений, казалось бы, шахматный поединок между двумя сверхдержавами был окончательно завершен. Однако история холодной войны продолжилась: США доиграли старую партию в одиночку. Включив в состав альянса Финляндию и Швецию, Вашингтон укрепил позиции НАТО в Скандинавско-Балтийском регионе.

* * *

На сегодняшний момент можно говорить о целом комплексе соглашений, цементирующих отношения Финляндии и Швеции. Интенсивность контактов между двумя странами во второй половине XX в. время от времени снижалась, но связи между Хельсинки и Стокгольмом никогда полностью не прерывались. В годы холодной войны двум государствам удавалось успешно взаимодействовать даже при условии, что Финляндия входила в зону влияния Советского Союза, а внеблоковая политика Швеции имела явно прозападный характер. Роль связующего элемента в их отношениях играла политика неприсоединения к блокам, которая воспринималась руководствами обеих стран как базовый элемент общей политики безопасности в регионе.

Важнейшим фактором развития шведско-финских отношений было привлечение Финляндии к участию в различных институтах и программах, организуемых при поддержке других государств Северной Европы, которые одновременно, что немаловажно, являлись членами НАТО. Плотность контактов по целому ряду направлений формировала почву для «паутинного нордизма» [подробнее см.: Andrén, 1967]. И проводником Финляндии в международной политике, особенно на начальном этапе, была именно Швеция. Вместе с тем полной интеграции Финляндии в систему региональных институтов препятствовали тесные связи с Москвой. Лишь после распада СССР для финнов открылись заманчивые перспективы всеобъемлющих контактов со странами Севера и в целом Запада. В новом постбиполярном мире геополитические интересы и амбиции двух государств опять совпали, что позволяло Швеции и Финляндии двигаться вперед синхронно.

На современном этапе сотрудничества двух стран согласованность их действий проявилась в процессе вхождения в НАТО. Возникшие трудности, с которыми пришлось столкнуться финнам и шведам на пути в альянс, привели к эффекту коллективного

преодоления препятствий. Это способствовало укреплению отношений и внушило уверенность в успехе глубокой коллаборации. Подтверждением таких представлений служат соответствующие комментарии, которые можно встретить, например, на официальном сайте шведского правительства в разделе, где описано взаимодействие двух стран в области обороны и безопасности. Там говорится, что членство Швеции и Финляндии в НАТО создает более благоприятные условия для дальнейшего расширения сотрудничества⁶⁷. Целями такой кооперации называются: укрепление оборонного потенциала стран, обеспечение совместных оперативных действий и продвижение общих интересов в области обороны, включая укрепление безопасности в регионе Балтийского моря. Подчеркивается, что совместная деятельность основана на доверии и долгосрочной совместной работе⁶⁸.

Последние внешнеполитические решения шведов и финнов подтверждают общность целей и задач и указывают на большое значение для руководств обоих государств непрерывности и синхронизации их действий на мировой арене. Так, всего с разницей в неделю в декабре 2023 г. Швеция⁶⁹ и Финляндия⁷⁰ подписали Оборонное соглашение с США (Defence Cooperation Agreement, DCA), нацеленное на углубление контактов по линии военных ведомств и всеобъемлющую военно-политическую интеграцию сторон. В преамбуле договора на официальном сайте шведского правительства соглашение было названо «естественным продолжением многолетнего сотрудничества Швеции и Соединенных Штатов

⁶⁷ Försvarssamarbete Sverige Finland // Regeringskansliet. Available at: <https://www.regeringen.se/regeringens-politik/forsvarssamarbetet-sverige-finland/> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁶⁸ Mål med samarbetet // Regeringskansliet. 18.01.2024. Available at: <https://www.regeringen.se/regeringens-politik/forsvarssamarbetet-sverige-finland/mal-med-samarbetet/> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁶⁹ Avtal om försvarssamarbete med Amerikas förenta stater, Ds 2024:2 // Regeringskansliet. 25.01.2024. Available at: <https://www.regeringen.se/contentassets/153f72b7a98442bbacdc8fb7695115fe/avtal-om-forsvarssamarbete-med-amerikasforenta-stater-ds-20242.pdf> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁷⁰ Defence Cooperation Agreement with the United States (DCA) // Ministry for Foreign Affairs of Finland. Available at: https://um.fi/documents/35732/0/DCA%20Finland%20Prime%20English_signed%20%282%29.pdf/7ee50234-1dfd-0014-32c5-4ef3549ea301?t=1702985560563 (accessed: 09.09.2024).

в области обороны»⁷¹. Схожим образом комментируют соглашение официальные представители Министерства обороны Финляндии⁷².

Таким образом, вступление Финляндии и Швеции в военно-политический альянс породило новую дилемму безопасности для стран региона. В принятии правительствами судьбоносных решений опыт неучастия двух государств в военно-политических блоках и союзах в годы холодной войны учтен не был. Многолетний опыт собственной политики нейтралитета оказался бесполезен в сегодняшних исторических реалиях, несмотря на то что он всегда представлял наибольшую ценность и служил примером успешной адаптации малых стран к условиям непрерывной конфронтации сверхдержав.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров-Агентов А.М. От Коллонтай до Горбачева: воспоминания дипломата, советника А.А. Громыко, помощника Л.И. Брежнева, Ю.В. Андропова, К.У. Черненко и М.С. Горбачева. М.: Международные отношения, 1994.

2. Андреев С. Новая геополитическая реальность: взгляд из Хельсинки // Российский совет по международным делам. 09.03.2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-geopoliticheskaya-realnost-vzglyad-iz-khelsinki/?ysclid=lnxzk8ms959910832> (дата обращения: 09.09.2024).

3. Белоусов А.С., Маныкин А.С. «Холодная война» как форма конфликтного взаимодействия сверхдержав в биполярном мире // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 5. С. 97–117.

4. Белухин Н.Е. Северное оборонное сотрудничество (НОРДЕФКО) — 10 лет спустя // Международная аналитика. 2019. № 4 (30). С. 28–39.

5. Вежливцева Н.Ю. Нейтралитет Финляндии как часть ее национальной идентичности // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 86–100. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-86-100.

6. Воркунова О.А. Скандинавия и развивающиеся страны: середина 70-х — середина 80-х гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1985.

⁷¹ Avtal om försvarssamarbete med USA // Regeringskansliet. 15.08.2024. Available at: <https://www.regeringen.se/regeringens-politik/militart-forsvar/avtal-om-forsvarssamarbete-med-usa-dca/> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

⁷² Avtal om försvarssamarbete med Förenta staterna (DCA) // Ulkomministeriö Utrikesministeriet. Available at: <https://um.fi/avtal-om-forsvarssamarbete-med-forenta-staterna-dca-> (accessed: 09.09.2024). (На швед. яз.)

7. Воронов К.В. Северный нейтрализм: исторический финал или трансформация? // Современная Европа. 2018. № 1 (80). С. 80–89. DOI: 10.15211/soveurope120188089.

8. Гамов В.П. СДРПШ и шведская политика в отношении развивающихся стран (1960-е — первая половина 1970-х гг.) // Скандинавский сборник. 1988. № 31. С. 5–20.

9. Громыко Ал.А., Плевако Н.С. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 13–16. DOI: 10.15211/soveurope220161316.

10. Данилов Д.А. Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran220221623.

11. Зарецкая О.В. Создание Северного оборонительного союза: норвежская и шведская политика в конце 40-х годов XX века // Скандинавские чтения 2005 года: этнографические и культурно-исторические аспекты / Отв. ред. Б.С. Жаров, Т.А. Шрадер. СПб.: Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2005. С. 81–87.

12. Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М.: РГГУ, 1999.

13. Кен О.Н., Рупасов А.И., Самуэльсон Л. Швеция в политике Москвы, 1930–1950-е гг. М.: РОССПЭН, 2005.

14. Килин Ю.М. Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 65–76. DOI: 10.15211/soveurope220176576.

15. Кислицын С.В. Военно-политическое сотрудничество США с Финляндией и Швецией на современном этапе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. Т. 11. № 4. С. 376–389. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.404.

16. Комаров А.А. Идея североевропейского нейтралитета и «речь из кармана пижамы» Урхо Калева Кекконена // История России и Финляндии в современных исследованиях: Сборник научных трудов / Науч. ред. Н.В. Дунаева, С.Г. Кашенко. СПб.: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, 2021. С. 154–165.

17. Комаров А.А. К вопросу о нейтралитете Швеции // Балтийское соседство: Россия, Швеция, страны Балтии на фоне эпох и событий XIX–XXI вв. / Отв. ред. А.А. Комаров. М.: Ленанд, 2014. С. 178–188.

18. Комаров А.А. Советский Союз и стремление Финляндии к нейтралитету // Петербургский исторический журнал. 2022. № 3 (35). С. 136–152. DOI: 10.51255/2311-603X_2022_3_136.

19. Комаров А.А. СССР и Скандинавский оборонительный союз (1948–1949) // Северная Европа. Проблемы истории. 2003. № 4. С. 90–105.

20. Комаров А.А., Коробочкин М.Л. СССР и шведский нейтралитет. 1945 г. — середина 1950-х гг. // Россия в мире: образы и грани взаимо-

действия / Отв. ред. А.О. Чубарьян, О.В. Воробьёва. М: Весь мир, 2019. С. 338–380.

21. Кобышев В.Н., Сергунин А.А. Страны Северной Европы: будет ли общая арктическая стратегия? // Современная Европа. 2012. № 2 (50). С. 35–43.

22. Корунова Е.В. Кризис разрядки и новая конфронтация: вызов внеблоковой политике Швеции // Преподавание истории и обществознания в школе. 2022. № 7. С. 26–28. DOI: 10.47639/2074-4035_2022_7_15.

23. Корунова Е.В. Нейтралитет или участие? Вторая мировая война и эволюция внешнеполитических концепций скандинавских стран // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2020. Т. 12. № 3. С. 222–256. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-222-256.

24. Корунова Е.В. От эвентуального нейтралитета к внеблоковой политике на начальном этапе «холодной войны»: опыт Швеции // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2021. Т. 12. № 7 (105). DOI: 10.18254/S207987840016461-6. Доступ: <https://history.jes.su/s207987840016461-6-1/> (дата обращения: 09.09.2024).

25. Корунова Е.В. Политический дуэт Унден–Хаммаршёльд: новая доктрина шведского нейтралитета в действии // История: Электронный научно-образовательный журнал. 2023. Т. 14. № 8 (130). Доступ: <https://history.jes.su/S207987840027802-1-1> (дата обращения: 09.09.2024). DOI: 10.18254/S207987840027802-1.

26. Корунова Е.В. Улоф Пальме — аристократ с душой социалиста // Преподавание истории и обществознания в школе. 2016. № 8. С. 14–26.

27. Мурадов А. Фактор Швеции в диалоге по линии Финляндия — НАТО // Российский совет по международным делам. 17.09.2019. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/faktor-shvetsii-v-dialoge-po-linii-finlyandiya-nato/?ysclid=lnxnhrhv9y507830251> (дата обращения: 08.09.2024).

28. Плевако Н.С. Безопасность Швеции и НАТО: дорога с препятствиями // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 1 (31). С. 26–35. DOI: 10.15211/vestnikieran120232635.

29. Плевако Н.С. Шведский и финский нейтралитет. В прошлом? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 24–31. DOI: 10.15211/vestnikieran220222431.

30. Рупасов А.И. Швеция в политике СССР в конце 1940-х — начале 1960-х гг. СПб: Политехника-сервис, 2014.

31. Рупасов А.И., Самуэльсон Л. Советско-шведские отношения: вторая половина 1940-х — начало 1960-х гг. М.: РОССПЭН, 2014.

32. Садомцева А.Р. Внеблоковая политика Швеции в 1949–1962 годах: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2024.

33. Трунов Ф.О. Североевропейское измерение деятельности НАТО на современном этапе // Проблемы европейской безопасности. 2018. № 3. С. 127–149.

34. Худолей К.К., Ланко Д.А. Финская дилемма безопасности, НАТО и фактор Восточной Европы // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 13–20. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20.

35. Чеков А.Д., Воротников В.В., Чечевишников А.Л., Якутова У.В. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 10. С. 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29.

36. Agrell W. Spelet om neutralitet. Stockholm, 1983.

37. Andrén N. Power-balance and non-alignment. A perspective on Swedish foreign policy. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1967.

38. Bjereld U., Johansson A.W., Molin K. Sveriges säkerhet och världens fred: Svensk utrikespolitik under kalla kriget. Stockholm: Santérus, 2008.

39. Brundtland A.O. The Nordic balance. Past and present // Cooperation and Conflict. 1966. Vol. 1. No. 4. P. 30–63. DOI: 10.1177/001083676600100403.

40. Brundtland A.O. Nordisk balance far og nå // Internasjonal Politikk. 1966. No. 5. P. 491–541.

41. Dalsjö R. Life-line lost: The rise and fall of ‘neutral’ Sweden’s secret reserve option of wartime help from the West. Stockholm: Santérus Academic Press, 2006.

42. Harrison D. Jag har ingen vilja till makt. Biografi över Tage Erlander. Stockholm: Ordfront, 2017.

43. Ludders E. Sweden and Western intelligence collaboration. A regime study. Stockholm, 1991.

44. Malmberg af M. Neutrality and statebuilding in Sweden. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2001.

45. Rentola K.K. The Finnish view // Cold War views on Sweden / Ed. by G. Arteus, K. Zetterberg. Stockholm: Medströms Bokförlag, 2018. P. 33–43.

46. Saxi H.L. Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO): Balancing efficiency and sovereignty, NATO and nonalignment // Perspectives on European Security — STETE Yearbook 2013 / Ed. by K. Lepojärvi. Helsinki: The Finnish Committee for European Security (STETE), 2014. P. 68–72. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326986056_Nordic_Defence_Cooperation_NORDEFCO_Balancing_efficiency_and_sovereignty_NATO_and_nonalignment (accessed: 09.09.2024).

47. Walter T.E. The Norwegian view // Cold War views on Sweden / Ed. by G. Arteus, K. Zetterberg. Stockholm: Medströms Bokförlag, 2018. C. 47–77.

REFERENCES

1. Aleksandrov-Agentov A.M. 1994. *Ot Kollontai do Gorbacheva: Vospominaniya diplomata, sovetnika A.A. Gromyko, pomoshchnika L.I. Brezhneva, Yu.V. Andropova, K.U. Chernenko i M.S. Gorbacheva* [From Kollontai to Gorbachev: Memoirs of the diplomat, adviser to A.A. Gromyko, assistant to L.I. Brezhnev, Yu.V. Andropov, K.U. Chernenko and M.S. Gorbachev]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
2. Andreev S. 2022. *Novaya geopoliticheskaya real'nost': vzglyad iz Khel'sinki* [The new geopolitical reality: A view from Helsinki]. Russian International Affairs Council. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-geopoliticheskaya-realnost-vzglyad-iz-khelsinki/?ysclid=lnxzk8ms959910832> (accessed: 09.09.2024). (In Russ.)
3. Belousov A.S., Manykin A.S. 2021. 'Kholodnaya voyna' kak forma konflikt-nogo vzaimodeistviya sverkhderzhav v bipolyarnom mire [Cold war as a form of conflict interaction between superpowers in a bipolar world]. *Moscow University Bulletin. Series 8: History*, no. 5, pp. 97–117. (In Russ.)
4. Belukhin N.E. 2019. Severnoe oboronnoe sotrudnichestvo (NORDEFKO) — 10 let spustya [Nordic Defense Cooperation (NORDEFKO) — 10 years' anniversary]. *Journal of International Analytics*, no. 4 (30), pp. 28–39. (In Russ.)
5. Vezhlyvtseva N.Yu. 2019. Neitralitet Finlyandii kak chast' ee natsional'noi identichnosti [Finland's neutrality as part of its national identity]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (65), pp. 86–100. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-2-65-86-100. (In Russ.)
6. Vorkunova O.A. 1985. *Skandinaviya i razvivayushchiesya strany: seredina 70-kh — seredina 80-kh gg.* [Scandinavia and developing countries: mid-1970s — mid-80s]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)
7. Voronov K.V. 2018. Severnyi neitralizm: istoricheskii final ili transformatsiya? [Nordic neutralism in the XXI century: Historical finale or a new transformation?]. *Contemporary Europe*, no. 1 (80), pp. 80–89. DOI: 10.15211/soveurope120188089. (In Russ.)
8. Gamov V.P. 1988. SDRPSh i shvedskaya politika v otnoshenii razvivayushchikh-sya stran (1960-e — pervaya polovina 1970-kh gg.) [The Swedish Social Democratic Party and Swedish policy towards developing countries (1960s — first half of the 1970s)]. *Skandinavskii sbornik*, no. 31, pp. 5–20. (In Russ.)
9. Gromyko A.I., Plevako N.S. 2016. O vozmozhnom vstuplenii Shvetsii i Finlyandii v NATO [On the Sweden's and Finland's optional membership in NATO]. *Contemporary Europe*, no. 2 (68), pp. 13–16. DOI: 10.15211/soveurope220161316. (In Russ.)
10. Danilov D.A. 2022. Finlyandiya i Shvetsiya u otkrytykh dverei NATO [Finland and Sweden on the threshold of NATO's open door]. *Scientific and*

Analytical Herald of the Institute of Europe RAS, no. 2 (26), pp. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran220221623. (In Russ.)

11. Zaretskaya O.V. 2005. Sozдание Severnogo oboronitel'nogo soyuza: norvezhskaya i shvedskaya politika v kontse 40-kh godov XX veka [The creation of the Northern Defensive Alliance: Norwegian and Swedish politics in the late 1940s]. In: Zharov B.S., Shrader T.A. (eds.). *Skandinavskie chteniya 2005 goda: etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian readings 2005: Ethnographic and cultural-historical aspects]. Saint Petersburg, Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAS Publ., pp. 81–87. (In Russ.)

12. Kan A.S. 1999. *Shvetsiya i Rossiya v proshlom i nastoyashchem* [Sweden and Russia in the past and present]. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet Publ. (In Russ.)

13. Ken O.N., Rupasov A.I., Samuel'son L. 2005. *Shvetsiya v politike Moskvyy, 1930–1950-e gg.* [Sweden in Moscow's politics, 1930s–1950s]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

14. Kilin Yu.M. 2017. Neitral'nye gosudarstva na rasput'e: problema vstupleniya v NATO Finlyandii i Shvetsii [Neutral states at the crossroad: The issue of Sweden and Finland's membership in NATO]. *Contemporary Europe*, no. 2 (74), pp. 65–76. DOI: 10.15211/soveurope220176576. (In Russ.)

15. Kislitsyn S.V. 2018. Voенно-politicheskoe sotrudnichestvo SShA s Finlyandiei i Shvetsiei na sovremennom etape [Military and political cooperation of the United States with Finland and Sweden in modern times]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 11, no. 4, pp. 376–389. DOI: 10.21638/11701/spbu06.2018.404. (In Russ.)

16. Komarov A.A. 2021. Ideya severoevropeiskogo neitraliteta i 'rech' iz karmana pizhamy' Urkho Kaleva Kekkonena [The idea of Nordic neutrality and Urho Kaleva Kekkonen's 'Pajama Pocket Speech']. In: Dunaeva N.V., Kashchenko S.G. (eds.). *Istoriya Rossii i Finlyandii v sovremennykh issledovaniyakh: Sbornik nauchnykh trudov* [History of Russia and Finland in current research: Collection of research works]. Saint Petersburg, Prezidentskaya biblioteka imeni B.N. El'tsina Publ., pp. 154–165. (In Russ.)

17. Komarov A.A. 2014. K voprosu o neitralitete Shvetsii [On Sweden's neutrality]. In: Komarov A.A. (ed.). *Baltiiskoe sosiedstvo: Rossiya, Shvetsiya, strany Baltii na fone epokh i sobytii XIX–XXI vv.* [Baltic neighbourhood. Russia, Sweden and the Baltic states amid the ages and events of XIXth–XXIth centuries]. Moscow, Lenand Publ., pp. 178–188. (In Russ.)

18. Komarov A.A. 2022. Sovetskii Soyuz i stremlenie Finlyandii k neitralitetu [The Soviet Union and Finland's aspirations for neutrality]. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, no. 3 (35), pp. 136–152. DOI: 10.51255/2311-603X_2022_3_136. (In Russ.)

19. Komarov A.A. 2003. SSSR i Skandinavskii oboronitel'nyi soyuz (1948–1949) [The USSR and the Scandinavian Defense Union (1948–1949)]. *Severnaya Evropa. Problemy istorii*, no. 4, pp. 90–105. (In Russ.)

20. Komarov A.A., Korobochkin M.L. 2019. SSSR i shvedskii neitralitet. 1945 g. — seredina 1950-kh gg. [The USSR and Swedish neutrality, 1945 — mid-1950s]. In: Chubar'yan A.O., Vorob'eva O.V. (eds.) *Rossiya v mire: obrazy i grani vzaimodeistviya* [Russia in the world: Images and facets of interaction]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 338–380. (In Russ.)

21. Konyshhev V.N., Sergunin A.A. 2012. Strany Severnoi Evropy: budet li obshchaya arkticheskaya strategiya? [The countries of Northern Europe: Will there be a common Arctic strategy?]. *Contemporary Europe*, no. 2 (50), pp. 35–43. (In Russ.)

22. Korunova E.V. 2022. Krizis razryadki i novaya konfrontatsiya: vyzov vneblokovoii politike Shvetsii [Detente crisis and new confrontation: A challenge to Sweden's non-aligned policy]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no. 7, pp. 26–28. DOI: 10.47639/2074-4035_2022_7_15. (In Russ.)

23. Korunova E.V. 2020. Neitralitet ili uchastie? Vtoraya mirovaya voyna i evolyutsiya vneshnepoliticheskikh kontseptsii skandinavskikh stran [Neutrality or involvement? World War II and evolution of foreign policy concepts of the Nordic countries]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 12, no. 3, pp. 222–256. DOI: 10.48015/2076-7404-2020-12-3-222-256. (In Russ.)

24. Korunova E.V. 2021. Ot eventual'nogo neitraliteta k vneblokovoii politike na nachal'nom etape 'kholodnoi voyny': opyt Shvetsii [From eventual neutrality to non-aligned policy at the initial stage of the Cold War: The Swedish experience]. *Istoriya*, vol. 12, no. 7 (105). DOI: 10.18254/S207987840016461-6. Available at: <https://history.jes.su/s207987840016461-6-1/> (accessed: 09.09.2024). (In Russ.)

25. Korunova E.V. 2023. Politicheskii duet Unden–Khammarshël'd: novaya doktrina shvedskogo neitraliteta v deistvii [Undén–Hammar sjöld political duet: The new doctrine of Swedish neutrality in action]. *Istoriya*, vol. 14, no. 8 (130). DOI: 10.18254/S207987840027802-1. Available at: <https://history.jes.su/S207987840027802-1-1> (accessed: 09.09.2024). (In Russ.)

26. Korunova E.V. 2016. Ulof Pal'me — aristokrat s dushoi sotsialista [Olof Palme — an aristocrat with the soul of a socialist]. *Prepodavanie istorii i obshchestvoznaniya v shkole*, no. 8, pp. 14–26. (In Russ.)

27. Muradov A. 2019. Faktor Shvetsii v dialoge po linii Finlyandiya — NATO [The Swedish factor in the Finland–NATO dialogue]. Russian International Affairs Council. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/faktor-shvetsii-v-dialoge-po-linii-finlyandiya-nato/?yclid=Iznxnrhv9y507830251> (accessed: 08.09.2024). (In Russ.)

28. Plevako N.S. 2023. Bezopasnost' Shvetsii i NATO: doroga s prepyatstviyami [The security of Sweden and NATO: Road with obstacles]. *Scientific and*

Analytical Herald of the Institute of Europe RAS, no. 1 (31), pp. 26–35. DOI: 10.15211/vestnikieran120232635. (In Russ.)

29. Plevako N.S. 2022. Shvedskii i finskii neutralitet. V proshlom? [Swedish and Finnish neutrality. In the past?]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 2 (26), pp. 24–31. DOI: 10.15211/vestnikieran220222431. (In Russ.)

30. Rupasov A.I. 2014. *Shvetsiya v politike SSSR v kontse 1940-kh — nachale 1960-kh gg.* [Sweden in the USSR's politics in the late 1940s — early 1960s]. Saint Petersburg: Politehnika-servis Publ. (In Russ.)

31. Rupasov A.I., Samuel'son L. 2014. *Sovetsko-shvedskie otnosheniya: vtoraya polovina 1940-kh — nachalo 1960-kh gg.* [Soviet-Swedish relations: The second half of the 1940s and the early 1960s]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

32. Sadomtseva A.R. 2024. *Vneblokovaya politika Shvetsii v 1949–1962 godakh* [Sweden's non-aligned policy in 1949–1962]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

33. Trunov F.O. 2018. Severoevropeiskoe izmerenie deyatelnosti NATO na sovremennom etape [Northern European dimension of the NATO activity during the modern period]. *Problemy evropeiskoi bezopasnosti*, no. 3, pp. 127–149. (In Russ.)

34. Khudolei K.K., Lanko D.A. 2019. Finskaya dilemma bezopasnosti, NATO i faktor Vostochnoi Evropy [Finnish security dilemma, NATO and the factor of Eastern Europe]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 3, pp. 13–20. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-13-20. (In Russ.)

35. Chekov A.D., Vorotnikov V.V., Chechevishnikov A.L., Yakutova U.V. 2023. *Posledstviya vstupleniya Finlyandii i Shvetsii v NATO dlya natsionalnoi bezopasnosti Rossii* [Finland and Sweden joining NATO: Consequences for Russia's national security]. *World Economy and International Relations*, vol. 67, no. 10, pp. 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29. (In Russ.)

36. Agrell W. 1983. *Spelet om neutralitet*. Stockholm.

37. Andrén N. 1967. *Power-balance and non-alignment. A perspective on Swedish foreign policy*. Stockholm, Almqvist & Wiksell.

38. Bjereld U., Johansson A.W., Molin K. 2008. *Sveriges säkerhet och världens fred: Svensk utrikespolitik under kalla kriget*. Stockholm, Santérus.

39. Brundtland A.O. 1966a. The Nordic balance. Past and present. *Cooperation and Conflict*, vol. 1, no. 4, pp. 30–63. DOI: 10.1177/001083676600100403.

40. Brundtland A.O. 1966b. Nordisk balance far og nå. *Internasjonal Politikk*, no. 5, pp. 491–541.

41. Dalsjö R. 2006. *Life-line lost: The rise and fall of 'neutral' Sweden's secret reserve option of wartime help from the West*. Stockholm, Santérus Academic Press.

42. Harrison D. 2017. *Jag har ingen vilja till makt. Biografi över Tage Erlander*. Stockholm, Ordfront.

43. Ludders E. 1991. *Sweden and Western intelligence collaboration. A regime study*. Stockholm.

44. Malmborg af M. 2001. *Neutrality and statebuilding in Sweden*. Basingstoke, Palgrave Macmillan.

45. Rentola K.K. 2018. The Finnish view. In: Arteus G., Zetterberg K. (eds.). *Cold War views on Sweden*. Stockholm, Medströms Bokförlag, pp. 33–43.

46. Saxi H.L. 2014. Nordic Defence Cooperation (NORDEFECO): Balancing efficiency and sovereignty, NATO and nonalignment. In: Lepojärvi K. (ed.). *Perspectives on European Security — STETE Yearbook 2013*. Helsinki, The Finnish Committee for European Security (STETE), pp. 68–72. Available at: https://www.researchgate.net/publication/326986056_Nordic_Defence_Cooperation_NORDEFECO_Balancing_efficiency_and_sovereignty_NATO_and_nonalignment (accessed: 09.09.2024).

47. Walter T.E. 2018. The Norwegian view. In: Arteus G., Zetterberg K. (eds.). *Cold War views on Sweden*. Stockholm, Medströms Bokförlag, pp. 47–77.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024;
одобрена после рецензирования 27.09.2024;
принята к публикации 10.11.2024

The paper was submitted 17.06.2024;
approved after reviewing 27.09.2024;
accepted for publication 10.11.2024

И.А. Аржанов*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АРКТИКЕ ДО И В КОНТЕКСТЕ «УКРАИНСКОГО КРИЗИСА»

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В XXI в. Арктика начала стремительно превращаться из «зоны мира и сотрудничества» в арену межгосударственного соперничества, в котором ключевую роль в настоящий момент играет противостояние по линии Россия — НАТО. Это обстоятельство обуславливает растущий интерес российского и зарубежного академического и экспертного сообщества к проблемам и перспективам развития международных отношений в Арктическом регионе. В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать динамику изменений в военно-политической обстановке в Арктике сквозь линзы эволюции взаимоотношений Россия — НАТО. В первом разделе статьи анализируются основные тенденции в области военно-политической безопасности в Арктике до «украинского кризиса». Подчеркивается, что уже на этом этапе отчетливо обозначилось стремление блока НАТО ограничить российское присутствие в регионе. Во втором разделе автор предлагает оригинальную периодизацию эволюции отношений по линии Россия — НАТО в Арктике после 2014 г. Всего выделено три этапа, в рамках которых происходила постепенная, но неуклонная эскалация международной напряженности, выражавшаяся в активной ремилитаризации региона странами альянса, культивировании ими нарратива о российской угрозе. Конкретным выражением этого курса стала целая череда военных учений стран альянса, которые, как показано в статье, становятся с каждым годом всё более масштабными и регулярными. Автор приходит к выводу, что «украинский кризис» лишь обнажил подлинные намерения стран НАТО, стремящихся к сдерживанию России в регионе Крайнего Севера и отказывающихся считаться с ее интересами и выстраивать с ней конструктивный диалог в области военно-политической безопасности. По

* Аржанов Игорь Александрович — кандидат политических наук, кафедра международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: arzhanovia@my.msu.ru; ORCID: 0000-0002-5738-3941).

мнению автора, данное обстоятельство препятствует в обозримой перспективе нормализации взаимоотношений России и стран НАТО.

Ключевые слова: Россия, НАТО, Арктика, международная безопасность, «украинский кризис», военные учения, сдерживание, Северный морской путь

Для цитирования: Аржанов И.А. Военно-политическая безопасность в Арктике до и в контексте «украинского кризиса» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 98–126. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126.

Igor A. Arzhanov

MILITARY AND POLITICAL SECURITY IN THE ARCTIC BEFORE AND AMIDST THE UKRAINIAN CRISIS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

In the 21st century, the Arctic has rapidly been transforming from a 'zone of peace and cooperation' into an arena of interstate rivalry, where the Russia–NATO confrontation is currently playing a pivotal role. These developments determine the growing interest of both the Russian and foreign academic and expert communities in the problems and prospects for regional security. This paper examines the dynamics of military-political situation in the Arctic within the framework of evolution of the Russia–NATO relations. The first section outlines the key military and political security developments in the Arctic before the Ukrainian crisis. The author emphasizes that already at this stage NATO clearly manifested its desire to limit the Russian presence in the region. In the second section the author offers an original periodization of the Russia–NATO relations in the Arctic after 2014 and in so doing identifies three stages. They are all marked by a gradual yet steady escalation of international tension, manifested in the active efforts undertaken by the NATO member states to remilitarize the region and cultivate a narrative about the Russian threat. This course has been reflected in a whole series of alliance's military exercises, which, as shown in the article, are becoming increasingly extensive and regular year by year. The author concludes that the Ukrainian crisis has only laid bare the true aspirations of the NATO countries seeking to contain Russia in the Far North and refusing to consider its interests and build a constructive dialogue in the field of military and political security. According to the researcher, this circumstance prevents

the normalization of relations between Russia and NATO countries in the years to come.

Keywords: Russia, NATO, Arctic, international security, Ukrainian crisis, military exercises, deterrence, Northern Sea Route

About the author: Igor A. Arzhanov — PhD (Political Science), Department of International Relations and Integration Processes, School of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: arzhanovia@my.msu.ru; ORCID: 0000-0002-5738-3941).

For citation: Arzhanov I.A. 2024. Military and political security in the Arctic before and amidst the Ukrainian crisis. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 98–126. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126. (In Russ.)

Ведущим и определяющим трендом международного взаимодействия в Заполярье в начале XXI в. выступало сотрудничество. В трудах у подавляющего числа российских и зарубежных исследователей-международников, посвященных осмыслению складывающейся динамики межгосударственных отношений в регионе, Арктика неизменно позиционировалась как уникальное пространство и территория для диалога.

Вместе с тем военно-политическое измерение и, как следствие, вопросы обеспечения «жесткой» безопасности в Арктике небезосновательно никогда не пропадали из фокуса внимания исследователей. Прошедшие два десятилетия продемонстрировали, что США и их страны-сателлиты, состоящие в НАТО, в полной мере не были заинтересованы в выстраивании транспарентного и взаимовыгодного диалога с Российской Федерацией по вопросам безопасности в Арктике. Используя «украинский кризис» в качестве прямого повода для перехода к политике соперничества, Североатлантический альянс в одностороннем порядке радикально осложнил ситуацию в регионе. Не желая восстанавливать утраченное в результате собственных усилий с 2014 г. взаимодействие с Россией по военно-политическим каналам, блок НАТО обратился к расширению деятельности и присутствия в Арктике. Реализация масштабных учений в регионе, строительство специальной инфраструктуры, перманентное поддержание атмосферы напряженности в Заполярье —

неотъемлемые элементы подхода альянса на современном этапе. Как итог продолжающаяся длительный период деструктивная политика государств коллективного Запада способствовала трансформации баланса сил в регионе, выраженной во втягивании Финляндии и Швеции в НАТО. В свою очередь это привело к возникновению новых вызов и угроз, связанных с обеспечением национальной безопасности России в Арктике.

Цель исследования — выявить логику последовательной эволюции политики Североатлантического альянса в Арктике, идентифицировать ее ключевые этапы через предложенную авторскую концепцию периодизации трансформации курса и деятельности НАТО в регионе в XXI столетии.

Проблема обеспечения военно-политической безопасности в Арктике в целом находит достаточно широкое освещение по ряду отдельных направлений как в российской, так и в зарубежной научной литературе. Несомненно, в отечественных исследованиях приоритетное внимание уделяется анализу и осмыслению подходов России к безопасности в Арктике [см., например: Конышев, Сергунин, 2020]. Особое внимание российские исследователи уделяют вызовам и угрозам национальной безопасности Российской Федерации, генерируемым в результате последовательного расширения деятельности НАТО на Крайнем Севере [см., например: Анисимов, 2020; Чернега, 2021; Журавель, Тимошенко, 2022]. Эти вопросы резко актуализировались в свете стремительной эскалации напряженности в Арктике после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине [см., например: Журавель, 2024]. Вместе с тем в последние годы увеличилось число публикаций, посвященных анализу отдельных сюжетов политики НАТО и ее стран-членов в Арктике [см., например: Загорский, Тодоров, 2021; Белобров, 2022; Трунов, 2024; Янгляева, 2024].

Зарубежный пласт работ включает публикации, осмысляющие как политику и возможности НАТО в Арктике, так и подходы отдельных государств — членов Североатлантического альянса на Крайнем Севере [см., например: Depledge, 2020, 2021; Gisclon, Keyman, 2023; Güçyetmez, 2024]. Примечательно, что до наступления нового витка эскалации кризиса в 2022 г. исследования западных ученых помимо встречавшихся и в период сравнительно стабильной обстановки в области военно-политической безопасности в Арктике алармистских публикаций [см., например: Huebert, 2010] в ряде случаев при-

нимали во внимание важность налаживания утраченного с 2014 г. диалога между Россией и НАТО по военной линии в Арктике [см., например: Charron, 2020; Østhagen, 2021]. С переходом государств коллективного Запада к политике «всеобъемлющей изоляции Российской Федерации» возросло количество работ о так называемой российской арктической угрозе¹. В данной связи необходимо обратить внимание на ангажированный характер подобных публикаций и их невысокую научную ценность.

Однако, несмотря на ощутимо возросший в последние годы интерес российских и зарубежных исследователей к рассматриваемой проблеме, отдельных работ, посвященных выявлению логики эволюции политики НАТО в Арктике сквозь призму поэтапной детализации и системной структуризации всего многообразия взаимоотношений по линии Россия — НАТО, в научной литературе не представлено. Данная статья в известном смысле нацелена на попытку восполнить существующий пробел.

Военно-политическая безопасность в Арктике до «украинского кризиса»

Первое десятилетие XXI столетия, несмотря на относительно низкий по сравнению с настоящим периодом времени уровень напряженности, выступает яркой иллюстрацией истинных замыслов государств Запада в Арктике. До наступления 2000-х годов для России рассматриваемый регион временно утратил военно-стратегическую значимость в качестве зоны конфронтации с США и НАТО в силу завершения холодной войны. Положение дел осложнялось отсутствием обстоятельного внимания Москвы к Крайнему Северу в условиях катастрофических трансформаций, связанных с распадом СССР. С приходом В.В. Путина к руководству страной необходимое внимание к Арктике начало постепенно возвращаться [Коньшев, Сергунин, 2020: 315–316]. Интенсифицировалось научное освоение региона. В 2001 г. в Комиссию ООН по границам континентального шельфа была направлена первая российская заявка, научно обосновывавшая принадлежность России хребтов Ломоносова и Менделеева.

¹ См., например: Wall C., Wegge N. The Russian Arctic threat: Consequences of the Ukraine war // Center for Strategic and International Studies. 25.01.2023. Available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/2023-01/230125_Wall_RussianArcticThreat_0.pdf (accessed: 24.07.2024).

ева как продолжения суверенных арктических территорий страны (позднее эта заявка была отклонена, а в 2015 г. последовала новая, которая была практически полностью одобрена Комиссией в феврале 2023 г.²). Представляется, что уже в начале XXI в. исключительно научный подход России вызвал высокую озабоченность на Западе³.

В военно-политическом измерении в тот момент также начали проследиваться изменения — с наступлением 2000-х годов. НАТО приостановила разоруженческую политику в Арктике [Журавель, 2020: 80]. В 2003 г. на территории Норвегии (г. Ставангер) был создан Объединенный боевой центр НАТО⁴, активно используемый для проведения командно-штабных учений⁵. В 2004 г. США приступили к наращиванию системы противоракетной обороны (ПРО), сделав заявление о развертывании второго позиционного района ПРО в Великобритании и Гренландии, на авиабазе «Туле»⁶. С 2006 г. под началом вооруженных сил Норвегии и с приглашением партнеров по НАТО проводились регулярные масштабные военные учения «Cold Response» [Depledge, 2020: 291].

В 2007 г. Россия успешно реализовала научно-исследовательскую экспедицию «Арктика-2007» под руководством А.Н. Чилингарова. В ходе нее на дне Северного Ледовитого океана был установлен российский флаг из титанового сплава. Это событие встретило резкую критику и неприятие со стороны государств Запада. Так, над отечественной экспедицией совершили демонстративный протестный полет самолеты ВВС НАТО [Фененко, 2011: 150]. За-

² Комиссия ООН одобрила заявку России на морское дно Северного Ледовитого океана // The Arctic. 20.02.2023. Доступ: <https://ru.arctic.ru/geographics/20230220/1015439.html> (дата обращения: 24.06.2024).

³ См., например: Krauss C., Myers S.L., Revkin A.C. As polar ice turns to water, dreams of treasure abound // The New York Times. 10.10.2005. Available at: <https://www.nytimes.com/2005/10/10/science/as-polar-ice-turns-to-water-dreams-of-treasure-abound.html> (accessed: 25.07.2024).

⁴ History // NATO. The Joint Warfare Centre. Available at: <https://www.jwc.nato.int/organization/history> (accessed: 24.06.2024).

⁵ См., например: Военные 18 стран примут участие в учениях НАТО в норвежском Ставангере // Интерфакс. 26.11.2023. Доступ: <https://www.interfax.ru/world/933252> (дата обращения: 24.06.2024).

⁶ Карнаухова Е. Возможен ли вооруженный конфликт в Арктике в XXI в.? // Российский совет по международным делам. 22.09.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/arcticpolicy/vozmozhen-li-vooruzhennyi-konflikt-v-arktike-v-xxi-v/> (дата обращения: 24.06.2024).

нимавший в 2006–2007 гг. должность министра иностранных дел Канады П. Маккей охарактеризовал экспедицию «Арктика-2007» как «обычное шоу», подчеркнув, что Россия не имеет права «ездить по миру и устанавливать флаги»⁷. Не остались в стороне и США: представитель Госдепартамента при администрации Дж. Буша-мл. Т. Кейси заявил о том, что действия Москвы «не имеют никакого юридического значения»⁸.

Министр иностранных дел России С.В. Лавров, комментируя недоброжелательные высказывания со стороны представителей США и Канады, справедливо подчеркнул, что «так делали все первооткрыватели»⁹. В качестве ответа на столь резкий демонстративный демарш государств Запада Россией в августе 2007 г. было принято решение возобновить патрулирование воздушного пространства Арктики с участием самолетов стратегической авиации [Фененко, 2011: 150].

Некоторое смягчение нараставшего международного кризиса в Арктике было связано с принятием Илулиссатской декларации в мае 2008 г., в которой подчеркивалась приверженность России, США, Канады, Дании и Норвегии мирному и ответственному сотрудничеству на Крайнем Севере¹⁰. Спустя три месяца появился первый в истории современной России документ стратегического планирования в отношении Арктики. В нем подчеркивается задача при неукоснительном следовании духу международного сотрудничества в регионе поддерживать необходимый боевой потенциал войск, воинских формирований и органов в Арктике¹¹. Достаточно

⁷ Арктический успех России не дает покоя США и Канаде // Известия. 03.08.2007. Доступ: <https://iz.ru/news/405495> (дата обращения: 24.06.2024).

⁸ Юрьева Ю. Канадцы посчитали российскую экспедицию «обыкновенным шоу» // Российская газета. 04.08.2007. Доступ: <https://rg.ru/2007/08/04/kanada-usa.html> (дата обращения: 24.06.2024).

⁹ Лавров осадил недовольных российским флагом Канаду и США // Известия. 03.08.2007. Доступ: <https://iz.ru/news/405525> (дата обращения: 24.06.2024).

¹⁰ Ilulissat Declaration, adopted in Ilulissat, Greenland on 28 May 2008 // Centre for International Law. 28.05.2008. Available at: <https://cil.nus.edu.sg/wp-content/uploads/2017/07/2008-Ilulissat-Declaration.pdf> (accessed: 24.06.2024).

¹¹ См.: Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом Российской Федерации 18 сентября 2008 г. № Пр-1969) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. Доступ: <https://legalacts.ru/doc/osnovy-gosudarstvennoy-politiki-rossiiskoi-federatsii-v-arktike/> (дата обращения: 24.06.2024).

базовая формулировка для документов такого типа была негативно воспринята многими западными экспертами [см., например: Huebert, 2010]. Росту алармистских настроений способствовали и публикации, указывавшие на начало «новой борьбы за территорию и ресурсы» в Арктике [см., например: Borgerson, 2008].

В январе 2009 г. в Исландии (г. Рейкьявик) состоялся саммит НАТО, в ходе которого его участники определили новые вызовы в Арктическом регионе. Среди них выделялись следующие: стремительное изменение климата, таяние арктических льдов, рост доступа к обширным энергетическим и морским ресурсам (вероятно, значимым катализатором выделения данного положения стал отчет геологической службы США 2008 г., зафиксировавший наличие в регионе 13% неразведанных мировых запасов нефти и 30% природного газа¹²), формирование новых потенциальных навигационных маршрутов в регионе [Воронков, 2013]. Не остались без внимания и вопросы обеспечения «жесткой» безопасности. Генеральный секретарь НАТО в 2004–2009 гг. Я. де Хооп Схеффер в ходе своего выступления на рассматриваемом саммите отдельно упомянул о неуклонном росте военной активности на Крайнем Севере и существующем в этой связи запросе среди стран — членов НАТО на выработку подхода к складывающейся ситуации в военном измерении¹³.

Дополнительную ясность в формирующуюся новую политику Североатлантического альянса в Арктическом регионе внесло состоявшееся в марте 2009 г. интервью с министром иностранных дел (2005–2012) Норвегии Й.Г. Стёре (с 2021 г. является премьер-министром страны). Он подчеркнул, что блок НАТО должен сохранить приверженность традиционной роли сдерживания. Вместе с тем Й.Г. Стёре констатировал, что у Норвегии нет иллюзий в отношении возросшей военной активности России в Арктике — именно она называлась в качестве причины, по которой присутствие Североатлантического альянса необходимо на Крайнем Севере¹⁴.

¹² Circum-Arctic resource appraisal: Estimates of undiscovered oil and gas north of the Arctic Circle // U.S. Geological Survey. 24.07.2008. Available at: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (accessed: 24.06.2024).

¹³ Speech by NATO Secretary General Jaap de Hoop Scheffer on security prospects in the High North // North Atlantic Treaty Organization. 29.01.2009. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_50077.htm (accessed: 24.06.2024).

¹⁴ Interview: Norway's Minister of Foreign Affairs, Jonas Gahr Store // NATO Review. 18.03.2009. Available at: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2009/03/18/interview-norway-s-minister-of-foreign-affairs-jonas-gahr-store/index.html> (accessed: 24.06.2024).

Как итог страны — члены НАТО сделали ставку на дальнейшее проведение военных учений в Арктике. Уже в 2009 г. состоялись многонациональные учения «Loyal Arrow», в которых приняли участие 10 государств. Кроме того, в том же году прошли и военные маневры отдельных стран — регулярные «ICEX-2009» для проверки боеспособности подводных лодок США в сложных арктических условиях, а также канадские «Operation Nanook» (проводятся с 2007 г.), включающие задачи по отработке обеспечения суверенитета страны в регионе. В октябре 2009 г. в США была опубликована «Арктическая дорожная карта»¹⁵ военно-морских сил страны. В ней подчеркивалась необходимость увеличения числа морских операций на Крайнем Севере, обеспечения вооруженных сил системами связи, управления и обнаружения, а также специальной инфраструктурой, пригодной для сложных климатических условий Арктики [Соколова, Шапаров, 2021: 33]. Стратегический документ получил последовательную реализацию через расширение присутствия США в регионе [Конышев, Сергунин, 2022: 228]. Тем не менее выработать общую арктическую стратегию НАТО не удалось. Кроме того, вышедшая немногим позднее Стратегическая концепция НАТО 2010 г.¹⁶ не содержала в себе положений по Арктике.

В 2010 г. Россия, продолжая неукоснительно придерживаться рассмотрения региона как территории международного сотрудничества и диалога, разрешила длительный спор по проведению делимитационной линии в Баренцевом море с Норвегией, заключив соответствующий договор¹⁷. Известный американский эксперт по Арктике П. Беркман, комментируя состоявшийся исторический прорыв в российско-норвежских отношениях, подчеркнул, что Москва,

¹⁵ U.S. Navy Arctic Roadmap // The Center for Climate & Security. 10.11.2009. Available at: <https://climateandsecurity.org/wp-content/uploads/2020/07/us-navy-arctic-roadmap-nov-2009.pdf> (accessed: 25.07.2024).

¹⁶ Active Engagement, Modern Defence: Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization, Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon 19–20 November 2010 // North Atlantic Treaty Organization. 19.11.2010. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_publications/20120214_strategic-concept-2010-eng.pdf (accessed: 25.07.2024).

¹⁷ См. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане // Президент России. 15.09.2010. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/707> (дата обращения: 25.06.2024).

несмотря на все имеющиеся сложности с ее восприятием со стороны Запада, призывает к сотрудничеству¹⁸.

В последующие годы вплоть до «украинского кризиса» ситуация складывалась неоднозначно. С одной стороны, период 2010–2013 гг. выделяется как этап наивысшего сближения по линии Россия — НАТО в Арктике: в 2010 г. состоялся первый диалог между сторонами по вопросам экологической безопасности в регионе, в 2011 г. по предложению США и Норвегии был учрежден Круглый стол Арктических сил безопасности как площадка для диалога, в 2012–2013 гг. состоялись встречи начальников генеральных штабов вооруженных сил арктических держав. С другой стороны, Североатлантический альянс продолжал военные учения, последовательно наращивая их масштаб. Например, в упомянутых ранее «Cold Response» в 2010 г. приняли участие 10 тыс. военнослужащих, а в 2012 г. — 16 тыс. Продолжались и национальные учения отдельных государств блока. Несомненно, складывавшийся подход НАТО не мог быть не учтен Россией. При этом важно отметить, что отечественные военные учения не носили провокационного характера и отличались скромными масштабами (например, в состоявшихся в сентябре 2012 г. командно-штабных учениях в акватории Баренцева моря приняли участие 7 тыс. военнослужащих). Тем не менее министр обороны России (2012–2024) С.К. Шойгу, учитывая ставку НАТО на меры «жесткой» безопасности в Арктике, в 2013 г. заявил о возобновлении постоянного военного присутствия в регионе¹⁹. Западный скептицизм и дискуссии о милитаризации Арктики вновь интенсифицировались [см., например: Flake, 2014]. Ошибочность западного настороженного подхода подтверждала и вышедшая в 2013 г. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, в которой обращение к вопросам военной безопасности

¹⁸ Shuster S. The race for Arctic oil: Is Russia ready to share? // Time. 27.09.2010. Available at: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,2021644,00.html> (accessed: 25.06.2024).

¹⁹ Россия возобновляет свое военное присутствие в Арктике // Министерство обороны Российской Федерации. 14.09.2013. Доступ: <https://mil.ru/mcis/news/more.htm?id=11839014> (дата обращения: 25.06.2024).

в регионе находилось на заключительном, шестом месте среди всех обозначенных приоритетных направлений деятельности страны²⁰.

Таким образом, представленный в настоящем разделе анализ показывает, что предпосылки к формированию отчетливого курса на соперничество с Россией и обострение военно-политической обстановки в Арктике были сформированы еще до «украинского кризиса». Болезненная реакция стран — членов НАТО на последовательное и соответствующее международному праву возвращение России в Арктику свидетельствовала об их откровенном нежелании видеть нашу страну в качестве сильного актора в регионе. Североатлантический альянс, сохранив на Крайнем Севере большинство военных структур, оставшихся со времен холодной войны, продемонстрировал устойчивое стремление наращивать свою активность в Заполярье, балансируя между явной политикой сдерживания и выстраиванием сотруничества по отдельным направлениям.

Военно-политическая безопасность в Арктике в контексте «украинского кризиса»: основные этапы

В последующее десятилетие ситуация неуклонно ухудшалась. «Украинский кризис», ставший настоящим геополитическим водоразделом, существенно интенсифицировал курс НАТО на расширение своего присутствия и обострение военно-политической обстановки в Арктике. Представляется, что эту политику блока в рассматриваемый временной период (2014–2024) уместно осмыслять и анализировать сквозь призму следующих трех логически последовательных этапов.

Первый этап (2014–2018) — это период резкого разворота в отношениях по линии Россия — НАТО и формирования (восстановления) идеологического фундамента противостояния в официальной риторике Североатлантического альянса. С апреля 2014 г. по односторонней инициативе блока было приостановлено взаимодействие в рамках диалоговой площадки Совет Россия — НАТО [Хлопов, 2021: 143]. Круглый стол Арктических сил безопасности с этого же года проходит без участия Москвы, а встречи начальников генеральных

²⁰ Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (в редакции от 2013 г.) // Правительство России. Доступ: <http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf> (дата обращения: 25.06.2024).

штабов вооруженных сил стран Арктики больше не проводятся²¹. С 2014 г. можно наблюдать и военные маневры блока, постоянно подчеркивающие «прекрасное сотрудничество НАТО с Финляндией и Швецией»²².

В отечественных стратегических документах в этот период всё чаще начало подчеркиваться несоответствие подхода государств коллективного Запада духу сотрудничества. В Военной доктрине 2014 г.²³ была определена задача обеспечения вооруженными силами РФ национальных интересов в Арктике. В Морской доктрине²⁴ и Стратегии национальной безопасности²⁵, вышедших через год, был зафиксирован тезис о нарастании соперничества на Крайнем Севере. Вместе с тем в последнем из указанных документов Арктика по-прежнему позиционировалась как регион сотрудничества и стабильности.

Североатлантический альянс в свою очередь активизировал кампанию по вовлечению Швеции и Финляндии в блок. В 2015 г. с их участием состоялись маневры «Arctic Challenge», получившие широкую огласку в СМИ как «крупнейшие учения истребительной авиации в Европе»²⁶ (впервые проведены в 2013 г.). Практика вовлечения Швеции и Финляндии в учения НАТО при сохранении ими до 2022 г. нейтрального статуса стала принимать регулярный

²¹ Толстухина А. Международное сотрудничество в Арктике: актуальное состояние и перспективы // Международная жизнь. 14.10.2016. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/16152> (дата обращения: 26.06.2024).

²² NATO flies with partners over Iceland for first time // North Atlantic Treaty Organization. 03.02.2014. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_106841.htm (accessed: 26.06.2024).

²³ Военная доктрина Российской Федерации (в редакции от 25 декабря 2014 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584621/ (дата обращения: 26.06.2024).

²⁴ Морская доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 26.07.2015) // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. Доступ: <https://legalacts.ru/doc/morskaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf-26072015/> (дата обращения: 26.06.2024).

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. Доступ: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201512310038.pdf> (дата обращения: 26.06.2024).

²⁶ Гордеев В. Над Арктикой начались учения с участием 100 истребителей ВВС США и Европы // РБК. 25.05.2015. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/25/05/2015/5562f6a59a7947f2ccf75d96> (дата обращения: 26.06.2024).

характер. Впоследствии это позволило данным государствам оперативно встроиться в систему военно-политического планирования альянса. Столь интенсивный разворот этих стран Северной Европы в сторону блока не остался без внимания Москвы. Так, в интервью крупнейшей шведской газете «Dagens Nyheter» в 2016 г. С.В. Лавров подчеркнул, что в случае вступления Швеции в блок Россия будет вынуждена принять соответствующие военно-технические меры для обеспечения безопасности страны²⁷.

В 2016 г. по итогам Варшавского саммита НАТО²⁸ было принято решение об усилении потенциала сдерживания России [Данилов, 2022: 18]. Примечательно, что в вышедшей в том же году обновленной редакции Концепции внешней политики РФ вновь была подчеркнута приверженность страны международному сотрудничеству и противодействию привнесения духа конфронтации и соперничества в Арктику²⁹.

США и страны — члены НАТО, однако, не желали снижать уровень напряженности. Напротив, они обратились к практике проведения агрессивных информационных операций по дискредитации действий России в Заполярье. Для поддержания атмосферы неопределенности в области безопасности на Крайнем Севере в тот период активно раскручивался нарратив о возможности повторения в регионе «украинского сценария» [Кучинская, 2020: 73].

Этот курс отчетливо прослеживается и при рассмотрении учений НАТО в Арктике. Так, противолодочные учения альянса «Dynamic Mongoose», регулярно проводимые в пределах территориальных вод Норвегии с 2012 г., в 2017 г. впервые состоялись в Исландии. Комментируя их, МИД страны подчеркнул факт «быстро меняющейся обстановки в области безопасности», а также значимость реализованных маневров, демонстрирующих повышенное внимание НАТО

²⁷ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова шведской газете «Дагенс Нюхетер», Москва, 28 апреля 2016 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 28.04.2016. Доступ: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1527712/ (дата обращения: 26.06.2024).

²⁸ Warsaw Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 09.07.2016. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm?selectedLocale=en (accessed: 25.07.2024).

²⁹ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. 01.12.2016. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201612010045> (дата обращения: 26.06.2024).

к территории близ Исландии³⁰. Примечательно, что ссылками на угрозу повторения «украинского сценария» Норвегия еще в 2017 г. обосновывала просьбу к США усилить присутствие на своей территории [Анисимов, 2020: 81]. С того же года на ротационной основе в Норвегии начало размещаться подразделение Корпуса морской пехоты США. Кроме того, существенно интенсифицировалось освоение норвежской территории в целях ее превращения в плацдарм НАТО на Крайнем Севере [Белобров, 2022].

Второй этап (2018–2022) ознаменовался значительным усилением деятельности НАТО по дестабилизации ситуации в Арктике и ответными попытками Москвы адаптироваться к складывающимся реалиям. Несомненно, наиболее заметным событием данного этапа стали крупнейшие на тот момент учения Североатлантического альянса «Trident Juncture-18». Их проведение следует рассматривать в качестве асимметричного ответа на возросшую военную деятельность России, носившую исключительно оборонительный характер и разворачивавшуюся в пределах ее собственных суверенных границ [Трунов, 2020: 22]. Помимо масштабов рассматриваемых учений и привлечения к участию в них всех стран — членов Североатлантического альянса особого внимания заслуживает структура задействованных в маневрах подразделений, в которой необходимо выделить Объединенную группу повышенной готовности НАТО (Very High Readiness Joint Task Force, VJTF). Данное подразделение было создано на состоявшемся в 2014 г. саммите Североатлантического альянса в Ньюпорте. В качестве официально заявленной причины формирования группы был назван ответ на кризисные явления на Ближнем Востоке и так называемую агрессию России против Украины³¹. Интересно, что на враждебный характер состоявшихся учений обратили внимание и некоторые западные исследователи. Например, Т. Карпентер, старший научный сотрудник Института Катона (США), в публикации в журнале «The National Interest» ука-

³⁰ Submarine surveillance exercise in Icelandic waters // Government of Iceland. 19.06.2017. Available at: <https://www.government.is/news/article/2017/06/19/Submarine-surveillance-exercise-in-Icelandic-waters/> (accessed: 26.06.2024).

³¹ France takes the lead of NATO's highest readiness force // North Atlantic Treaty Organization. 29.12.2021. Available at: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_190458.htm (accessed: 26.06.2024).

зал на явную направленность учений «Trident Juncture-18» против России, а также на нежелание Норвегии признавать данный факт³².

С 2018 г. происходили изменения на морском направлении — Вашингтон начал вновь воссоздавать Второй оперативный флот ВМС США [Güçyetmez, 2024: 79]. Данную меру уместно рассматривать в качестве явного шага к противостоянию с Северным флотом России [Райков, 2022]. Параллельно Североатлантический альянс для координации деятельности в Северной Атлантике и на Крайнем Севере принял решение о создании нового Объединенного командования сил НАТО со штабом в г. Норфолке (США), что свидетельствовало о практическом сдвиге в осмыслении дальнейшей роли блока в Заполярье [Depledge, 2021]. Вместе с тем в Дании (г. Хардеслев) были введены в работу объекты военной инфраструктуры НАТО, направленные на улучшение оперативных возможностей альянса в Арктике³³. В том же году в Исландии была расконсервирована авиабаза совместного базирования «Кеблавик», пригодная для эксплуатации американских стратегических бомбардировщиков В-2 и В-52 [Загорский, Тодоров, 2021: 93]. Примечательно, что уже с 2019 г. участились полеты самолетов данного типа близ Норвегии и Исландии [Wegge, 2020: 366].

Несмотря на это, в 2019 г. Россия выступила с инициативой восстановления полноформатного военно-политического диалога в Арктике³⁴ (соответствующие предложения выдвигались также в 2020³⁵ и 2021 гг.³⁶). Параллельно с этим Москва предлагала НАТО принять

³² Carpenter T.G. Is NATO pushing Russia towards retaliation? // The National Interest. 15.06.2018. Available at: <https://nationalinterest.org/blog/the-skeptics/nato-pushing-russia-towards-retaliation-26281> (accessed: 26.06.2024).

³³ NATO CIS group opens new facility in Denmark // North Atlantic Treaty Organization. 21.02.2018. Available at: <https://shape.nato.int/news-archive/2018/nato-cis-group-opens-new-facility-in-denmark> (accessed: 27.06.2024).

³⁴ Россия предложила восстановить военно-политический диалог в Арктике // РИА Новости. 29.11.2019. Доступ: <https://ria.ru/20191129/1561733972.html> (дата обращения: 27.06.2024).

³⁵ Лавров: Россия выступает против втягивания НАТО в Арктический регион // ТАСС. 17.01.2020. Доступ: <https://tass.ru/politika/7544383> (дата обращения: 27.06.2024).

³⁶ Цуканов П. Россия призывает возобновить диалог начальников генштабов приарктических государств // Коммерсантъ. 17.05.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4816201> (дата обращения: 27.06.2024).

меры по снижению напряженности вдоль линии соприкосновения³⁷. Показательно, что и в западном научном сообществе подчеркивалась важность налаживания и продолжения диалога по военной линии в Арктике [Charron, 2020; Østhagen, 2021], однако конструктивные предложения остались без внимания со стороны политического истеблишмента. В итоге в сентябре 2020 г. С.К. Шойгу констатировал неготовность НАТО выстраивать совместное взаимодействие в целях укрепления региональной стабильности³⁸.

С 2020 г. в основополагающих документах стратегического планирования России последовательно фиксировались факт роста иностранного военного присутствия и дальнейшее расширение конфликтного потенциала в Арктике. Изначально закрепление актуализированного положения дел происходило в обновленных редакциях документов, посвященных непосредственно региону³⁹. В Стратегии национальной безопасности РФ в редакции от 2021 г. отмечено нарастание усилий ряда стран по воспрепятствованию освоению Арктики Россией⁴⁰. Позднее превращение Заполярья в регион глобальной военной конкуренции констатировалось и в Морской доктрине РФ⁴¹. Как итог на фоне значительного расширения деятельности НАТО Россия вынужденно обратилась к совершенствованию собственного военного компонента в регионе [Чернега, 2021: 59].

³⁷ Черненко Е. «НАТО навязывает нам схему обеспечения безопасности времен холодной войны» // Коммерсантъ. 25.12.2019. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4207094> (дата обращения: 27.06.2024).

³⁸ Россия предложила НАТО снизить число учений во время пандемии // Лента.ру. 05.09.2020. Доступ: <https://lenta.ru/news/2020/09/05/nato/> (дата обращения: 28.06.2024).

³⁹ Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2020 г. № 164 «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255> (дата обращения: 28.06.2024); Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 г. № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972> (дата обращения: 28.06.2024).

⁴⁰ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Президент России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 28.06.2024).

⁴¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 г. № 512 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации» // Президент России. Доступ: <http://kremlin.ru/acts/bank/48215> (дата обращения: 28.06.2024).

В конце 2020 г. Североатлантический альянс опубликовал аналитический доклад «NATO 2030: United for a New Era», в котором была отмечена необходимость разработки стратегии блока в Арктике, направленной на более широкое сдерживание⁴². В 2021 г. в США вышла в свет обновленная редакция Стратегии Военно-морского флота в Арктике, где Россия и Китай позиционировались в качестве основного вызова. Вместе с тем фиксировался тезис о повышении уровня решимости США в регионе⁴³. В том же году была опубликована Арктическая стратегия Армии США⁴⁴. Интересно, что в ней в значительной степени признавался факт оборонительного характера возросшей военной деятельности России в Арктике [Бхагват, 2022: 89].

Третий этап (2022 г. — настоящее время) ознаменовался переходом к открытому противостоянию коллективного Запада с Россией. С началом СВО стремительно интенсифицировалась военная деятельность Североатлантического альянса в регионе [Reid, 2023: 107]. Так, в ранее неоднократно упомянутых учениях «Cold Response» в 2022 г. приняли участие около 30 тыс. военнослужащих (число участников выросло практически в два раза по сравнению с показателями 2014 г.). На состоявшемся в конце июня 2022 г. Мадридском саммите НАТО была представлена новая редакция Стратегической концепции, в которой деятельность России в Арктике определялась в качестве «стратегического вызова»⁴⁵. Примечательно, что спустя месяц после публикации этого документа генеральный секретарь Североатлантического альянса Й. Столтенберг заявил, что вызов ценностям и интересам НАТО бросает также сотрудничество в Арктике

⁴² NATO 2030: United for a New Era. Analysis and Recommendations of the Reflection Group Appointed by the NATO Secretary General // North Atlantic Treaty Organization. 25.11.2020. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (accessed: 28.06.2024).

⁴³ A Blue Arctic. A Strategic Blueprint for the Arctic // U.S. Department of Defense. 05.01.2021. Available at: <https://media.defense.gov/2021/Jan/05/2002560338/-1/-1/0/ARCTIC%20BLUEPRINT%202021-%20FINAL.PDF/ARCTIC%20BLUEPRINT%202021%20FINAL.PDF> (accessed: 28.06.2024).

⁴⁴ The Department of the Army: Regaining Arctic Dominance // U.S. Army. 16.04.2021. Available at: https://www.army.mil/e2/downloads/rv7/about/2021_army_arctic_strategy.pdf (accessed: 28.06.2024).

⁴⁵ NATO 2022 Strategic Concept, Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid, 29 June 2022 // North Atlantic Treaty Organization. 03.03.2023. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 28.06.2024).

России и Китая⁴⁶. Таким образом, экономическое взаимодействие России с неарктическими странами в регионе начало трактоваться в качестве одного из поводов для усиления военной активности блока [Журавель, Тимошенко, 2022: 120].

В октябре 2022 г. вышла в свет ориентированная на противоборство с Россией⁴⁷ обновленная редакция Национальной стратегии США в Арктике. В ней подчеркивалось, что действия Москвы в отношении Украины привели к укреплению внутреннего единства НАТО. Кроме того, в документе зафиксированы планы по наращиванию военного присутствия США в Арктическом регионе и усилению их взаимодействия со странами — членами альянса⁴⁸.

В том же году НАТО обратилась к вопросу изучения «операций по оказанию влияния» в Арктике⁴⁹. Параллельно с этим продолжала раскручиваться широкомасштабная медийная кампания, сопровождавшая процесс окончательной интеграции Финляндии и Швеции в НАТО [Янгляева, 2024].

В апреле 2023 г. Финляндия завершила процедуру вступления в блок (через год аналогичный процесс закончила и Швеция). Ее вхождение расширило общую границу НАТО с Россией до 2600 км (увеличив ее более чем на 1200 км). Финляндии как пограничному с Российской Федерацией государству придается особое значение с точки зрения освоения Североатлантическим альянсом ее территории в военном измерении. Спустя три месяца после вступления Хельсинки получили разрешение от США на покупку системы ПРО «Праща Давида»⁵⁰. Согласно намеченным планам, к 2026 г. страна

⁴⁶ Столтенберг назвал сотрудничество России и Китая в Арктике вызовом для НАТО // РИА Новости. 25.08.2022. Доступ: <https://ria.ru/20220825/arktika-1812045932.html> (дата обращения: 25.08.2024).

⁴⁷ Швайковский А. МИД: Россию настораживает новая стратегия США по Арктике // Российская газета. 31.10.2022. Доступ: <https://rg.ru/2022/10/31/mid-rossiiu-nastorazhivaet-novaia-strategiia-ssha-po-arktike.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴⁸ National Strategy for the Arctic Region, October 2022 // The White House. 07.10.2022. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (accessed: 01.07.2024).

⁴⁹ Гуреева Ю. В НАТО намерены изучить «операции по оказанию влияния» в Арктике // RT. 31.01.2022. Доступ: <https://russian.rt.com/world/news/955219-nato-issledovanie-arktika-vliyanie> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵⁰ Правительство США одобрило продажу системы ПРО «Праща Давида» Финляндии // РИА Новости. 02.08.2023. Доступ: <https://ria.ru/20230802/pro-1887875029.html> (дата обращения: 01.07.2024).

будет располагать вторым по величине в мире парком истребителей F-35 [Gisclon, Keyman, 2023: 68]. В 2024 г. принято решение о создании в Финляндии штаб-квартиры НАТО, которая, как предполагается, станет основой нового командования Североатлантического альянса в регионе Балтийского моря и Крайнего Севера. С закреплением прочного антироссийского подхода в стране заложен фундамент для дальнейшего размещения войск и ударных вооружений НАТО⁵¹.

В 2022–2023 гг. США заключили серию военных соглашений с северными странами: с Норвегией⁵² (2021), Финляндией⁵³, Данией⁵⁴ и Швецией⁵⁵ (2023). В результате достигнутых договоренностей для Вашингтона открылся неограниченный доступ ко многим военным базам на территориях данных стран. Кроме того, США получили возможность размещать там своих военнослужащих, технику и вооружение. Рассматриваемые соглашения прямо указывают на растущий интерес США к Северной Европе⁵⁶. Обновленная в июле

⁵¹ Статья первого заместителя Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации Рашида Нургалиева // Совет Безопасности Российской Федерации. 27.06.2024. Доступ: <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3728/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵² Supplementary Defense Cooperation Agreement Between the Government of the United States of America and the Government of the Kingdom of Norway // U.S. Department of State. 22.08.2022. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/08/22-617-Norway-Defense-SDCA-Ready-for-Review.pdf> (accessed: 25.07.2024).

⁵³ Agreement on Defense Cooperation Between the Government of the Republic of Finland and the Government of the United States of America // Ministry for Foreign Affairs of Finland. 18.12.2023. Available at: https://um.fi/documents/35732/0/DCA%20Finland%20Prime%20English_signed%20%282%29.pdf/7ee50234-1dfd-0014-32c5-4ef3549ea301?t=1702985560563 (accessed: 25.07.2024).

⁵⁴ Agreement on Defense Cooperation Between the Government of Denmark and the Government of the United States of America // Danish Ministry of Defense. 19.12.2023. Available at: <https://www.fmn.dk/globalassets/fmn/dokumenter/nyheder/2023/-us-denmark-dca-den-prime-english-20dec2023-.pdf> (accessed: 25.07.2024).

⁵⁵ Agreement on Defense Cooperation Between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the United States of America // Government Offices of Sweden. 07.12.2023. Available at: <https://www.government.se/contentassets/9938ae28ed8544d2b60b229e91fd0513/agreement-on-defense-cooperation-between-the-government-of-the-kingdom-of-sweden-and-the-government-of-the-united-states-of-america-date-and-place.pdf> (accessed: 25.07.2024).

⁵⁶ Жилин Р.Е. Лавирование продолжается: будущее России и Норвегии // Российский совет по международным делам. 27.02.2024. Доступ: <https://russiancouncil.ru/blogs/arctic-community/lavirovanie-prodolzhaetsya-budushchee-rossii-i-norvegii/> (дата обращения: 01.07.2024).

2024 г. Пентагоном стратегия в Арктике указывает на приверженность курсу на дальнейшую эскалацию напряженности в регионе⁵⁷.

Период 2023–2024 гг. ознаменовался проведением ряда крупнейших учений стран — членов НАТО в Арктике. Так, весной 2023 г. параллельно прошли три масштабных учения: «Arctic Forge» (10 тыс. военнослужащих), «Joint Viking» и «Joint Warrior» (суммарно в них приняли участие 20 тыс. военнослужащих). Вслед за ними состоялись крупнейшие за 25 лет национальные учения Швеции «Aurora». В 2024 г. прошли учения НАТО «Steadfast Defender-2024» с привлечением 90 тыс. военнослужащих — наиболее масштабные военные маневры Североатлантического альянса со времен холодной войны, часть которых проходила непосредственно в Арктике. Приведенные примеры указывают на то, что государства коллективного Запада прямо увязывают СВО России на Украине с военно-политической ситуацией в Арктике [Трунов, 2024: 119].

Вместе с тем, несмотря на интенсификацию деятельности, возможности Североатлантического альянса в Заполярье ограничены не только отсутствием комплексной арктической стратегии, но и рядом проблем оперативного и материально-технического порядка. Важно подчеркнуть, что в пределах замерзающей части Арктического региона практически отсутствует береговая инфраструктура НАТО, которая могла бы выступить в качестве фундаментальной основы для обеспечения оперативной устойчивости сезонной военно-морской деятельности блока. Строительство осложняет и процесс таяния вечной мерзлоты [Загорский, Тодоров, 2021: 85]. Кроме того, в зарубежных изданиях отмечается, что американская система раннего предупреждения в Арктике устарела, а прибрежная инфраструктура на Аляске не развивается⁵⁸. В случае с Аляской необходимо отметить, что одним из немногочисленных примеров строительства инфраструктурных проектов на территории замерзающей части Арктики выступает порт Ном, который в перспективе может быть использован для развертывания кораблей в американских арктических водах [Загорский, Тодоров, 2021: 86]. Существенные

⁵⁷ Department of Defense Arctic Strategy 2024 // U.S. Department of Defense. 22.07.2024. Available at: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (accessed: 01.08.2024).

⁵⁸ Rosen K.R. The end of American exceptionalism in the High North // Foreign Policy. 07.06.2024. Available at: <https://foreignpolicy.com/2024/06/07/arctic-united-states-military-strategy-competition-coast-guard/> (accessed: 31.07.2024).

проблемы наблюдаются и в сфере развития ледокольного флота. В Вашингтоне на регулярной основе признают отставание от России в производстве ледоколов⁵⁹. По некоторым оценкам, США уступают по данному направлению как минимум на 10 лет⁶⁰. Не менее важной является проблема недостатка специализированной военной техники, предназначенной для эксплуатации в Арктике. Как констатирует зарубежный исследователь Л. Одгаард, в настоящий момент ни одно государство — член НАТО не имеет в своем флоте кораблей ледового класса с возможностью размещения на них средств противовоздушной и противолодочной обороны⁶¹. Кроме того, Канада отложила приобретение разведывательно-ударных беспилотных летательных аппаратов MQ-9 Reaper до 2028 г. из-за необходимости их доработки для использования в сложных арктических условиях⁶².

Следует упомянуть и проблемы, всплывающие в ходе проводимых НАТО учений в Арктике. Обстоятельное внимание данный аспект привлек с 2018 г. (по итогам состоявшихся учений «Trident Juncture-18»), когда широкую огласку получили инцидент с затоплением норвежского фрегата «KNM Helge Ingstad» и многочисленные жалобы на плохую подготовку материальной части и личного состава. Кроме того, имели место и дорожно-транспортные происшествия с участниками учений из разных стран⁶³. В 2022 г. на маневрах «Cold Response» потерпел крушение американский военный конвертоплан V-22B Osprey⁶⁴. Состоявшиеся в 2024 г. учения НАТО в Норвегии

⁵⁹ См., например: В США признали отставание от России в производстве ледоколов // РИА Новости. 31.07.2023. Доступ: <https://ria.ru/20230731/ledokol-1887391881.html> (дата обращения: 31.07.2024).

⁶⁰ Иванов А. Sohu: Атомный ледокольный флот США отстал от российского на 10 лет // Российская газета. 10.02.2021. Доступ: <https://rg.ru/2021/02/10/sohu-atomnyj-ledokolnyj-flot-ssha-otstal-ot-rossijskogo-na-10-let.html> (дата обращения: 31.07.2024).

⁶¹ Odgaard L. NATO Is unprepared for Russia's Arctic threats // Foreign Policy. 01.04.2024. Available at: <https://foreignpolicy.com/2024/04/01/nato-russia-arctic-steadfast-defender-2024/> (accessed: 31.07.2024).

⁶² Pugliese D. Canada delays \$3.6 billion Reaper buy until drones can work in Arctic // C4ISRNet. 23.11.2023. Available at: <https://www.c4isrnet.com/unmanned/2023/11/23/canada-delays-36-billion-reaper-buy-until-drones-can-work-in-arctic/> (accessed: 31.07.2024).

⁶³ Рябов К. НАТО в Арктике. Потенциал, проблемы, отставание // Военное обозрение. 17.04.2019. Доступ: <https://topwar.ru/156912-nato-v-arktike-potencial-problemy-i-otstavanie.html> (дата обращения: 31.07.2024).

⁶⁴ Four US soldiers die during NATO training exercise in Norway // France 24. 19.03.2022. Available at: <https://www.france24.com/en/europe/20220319-four-us>

«Nordic Response» нанесли ущерб стране на сумму 8 млн норвежских крон (750 тыс. долл.)⁶⁵. Необходимость повышения уровня оперативного взаимодействия сил НАТО в Арктике подчеркивается и в зарубежных публикациях⁶⁶.

Россия в условиях стремительного роста конфронтационных настроений со стороны НАТО продолжила укреплять и совершенствовать свою военную инфраструктуру для защиты национальных интересов в Арктике — с особым акцентом на вызовах и угрозах, связанных со вступлением Швеции и Финляндии в Североатлантический альянс. В декабре 2023 г. президент Российской Федерации В.В. Путин заявил об ответных мерах на очередное расширение НАТО, которые выражаются в вынужденном переходе к концентрации определенных воинских подразделений в пределах вновь созданного с 1 марта 2024 г. Ленинградского военного округа⁶⁷.

Таким образом, результаты представленного в настоящем разделе статьи анализа десятилетнего периода свидетельствуют о значительной и последовательной трансформации военно-политической обстановки в Арктике. Отчетливо прослеживается переход Североатлантического альянса от неготовности выстраивать конструктивный и транспарентный диалог с Российской Федерацией к интенсивной милитаризации региона при параллельном широкомасштабном распространении нарративов о так называемой российской угрозе и возможности перенесения «украинского сценария» на Крайний Север.

* * *

«Украинский кризис», как представляется, лишь обнажил подлинные интересы государств коллективного Запада в Арктике, подспудно вызревавшие в предыдущие годы. Как таковой он не привнес

soldiers-die-in-norway-plane-crash-during-nato-exercise-unrelated-to-ukraine (accessed: 31.07.2024).

⁶⁵ Военные Норвегии сообщили об ущербе на \$750 тыс. от учений НАТО // РБК. 21.03.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65fc89389a7947c549cc8791> (дата обращения: 31.07.2024).

⁶⁶ Conley H.A., Arts S. NATO's policy and posture in the Arctic: Revisiting allied capabilities and command plans // JSTOR. 05.07.2023. Available at: <https://www.gmfus.org/news/natos-policy-and-posture-arctic-revisiting-allied-capabilities-and-command-plans> (accessed: 31.07.2024).

⁶⁷ Путин: проблем у России и Финляндии не было, но с вступлением в НАТО будут // РИА Новости. 17.12.2023. Доступ: <https://ria.ru/20231217/finlyandiya-1916285021.html> (дата обращения: 01.07.2024).

ничего нового в их политику: Североатлантический альянс главным образом вернулся к практике сдерживания — ключевой цели, ради которой и создавался данный блок. При этом тенденции к возвращению к данной политике в регионе, как показал проведенный анализ, имели место и до наступления переломного 2014 г. Однако «украинский кризис», использованный государствами коллективного Запада в качестве прямого повода к действию, существенно интенсифицировал деструктивные процессы в Заполярье. Вступление Швеции и Финляндии в НАТО можно рассматривать как наиболее яркий пример следствия данной интенсификации. Интеграция этих стран в блок не стала неожиданным событием. Действительным новшеством оказалось их безропотное жертвование собственным благополучием ради чужих геополитических задач. Слепое следование в фарватере политики США привело к тому, что уже нельзя исключать и размещения американского ядерного оружия на территории Швеции и Финляндии.

Важно отметить, что в рассматриваемой статье при анализе расширения активности Североатлантического альянса в Арктике неслучайно был сделан акцент на проводимых учениях блока. Данное направление деятельности, как представляется, выступает основным практическим инструментом реализации присутствия НАТО в регионе. В настоящее время возможности западного военно-политического блока на Крайнем Севере существенно ограничены в силу ряда причин. Во-первых, у альянса до сих пор отсутствует комплексная арктическая стратегия. Во-вторых, у него имеются ощутимые проблемы с береговой инфраструктурой в пределах замерзающей части Арктики. В-третьих, США как лидер блока фиксируют критическое отставание от России в размере ледокольного флота⁶⁸. В-четвертых, у стран — членов НАТО существуют трудности и по части наличия специализированной военной техники, предназначенной для эксплуатации в арктических условиях. В-пятых, проводимые Североатлантическим альянсом учения в регионе не отличаются высоким качеством реализации. И если появление арктической стратегии НАТО, как представляется, может быть продавлено напористой политикой США, то остальные отмеченные проблемы носят более

⁶⁸ В десятки раз. В Пентагоне признали критическое отставание от России // РИА Новости. 15.03.2024. Доступ: <https://ria.ru/20240315/ledokoly-1933093843.html> (дата обращения: 02.07.2024).

фундаментальный характер. Тем не менее в ближайшие годы можно ожидать дальнейшей переориентации внимания НАТО с региона Черного моря в том числе и на Арктику.

Перспектив улучшения ситуации в области военно-политической безопасности в Арктическом регионе не наблюдается. Североатлантический альянс, упрекая Россию в усилении военной активности в Заполярье, сам давно встал на путь милитаризации региона, дополнившийся принятием в НАТО двух ранее нейтральных государств. Необходимо понимать, что даже гипотетическая реализация неоднократно выдвигавшихся со стороны России договоренностей по снижению военной активности вдоль линии соприкосновения теперь не сможет привнести существенную разрядку, поскольку сама линия резко увеличилась, а вместе с ней возросло и число возможных угроз, требующих постоянного мониторинга, внимания и ответа. Новый подход к разрядке неизбежно должен учитывать озабоченность России интенсивным ростом деятельности НАТО в регионе, в том числе и в контексте активного освоения территорий новых членов блока. Однако Североатлантический альянс не готов выстраивать какой-либо конструктивный диалог. Напротив, оперативность возвращения НАТО к прежней политике сдерживания России отчетливо показывает, что западный военно-политический блок был перманентно нацелен на развитие данного сценария.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов П.А. Вызовы национальной безопасности РФ в Арктическом регионе // Вестник РГТУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4–1. С. 74–83. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-74-83.
2. Белобров Ю.Я. НАТО — курс на дестабилизацию Арктики // Международная жизнь. 2022. № 10. С. 70–83.
3. Бхагват Д. Арктическое военное присутствие и его влияние на развитие Северного морского пути // Арктика и Север. 2022. № 48. С. 91–118. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.91.
4. Воронков Л.С. Арктика на восьмерых. Эволюция роли НАТО в арктических широтах // Россия в глобальной политике. 2013. Т. 11. № 3. С. 177–189.
5. Данилов Д.А. Финляндия и Швеция у открытых дверей НАТО // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran20221623.
6. Журавель В.П. Вопросы обороны и безопасности в Арктике в контексте украинского конфликта // Современная Европа. 2024. № 3. С. 150–160. DOI: 10.31857/S0201708324030124.

7. Журавель В.П. НАТО в Арктике: угроза национальной безопасности России (2010–2020 гг.) // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество / Отв. ред. В.И. Герасимов. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 79–84.

8. Журавель В.П., Тимошенко Д.С. Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 105–124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105.

9. Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряженности и пути деэскалации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 79–102. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.79.

10. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Российские подходы к арктической безопасности // Новая эпоха международной безопасности. Россия и мир / Отв. ред. О.П. Иванов. М.: Проспект, 2020. С. 314–334.

11. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Эволюция концептуальных основ арктической стратегии США // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 2. С. 225–236. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.19.

12. Кучинская М.Е. Арктика в фокусе внимания США и НАТО и интересы безопасности России // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 68–89.

13. Райков Ю.А. Россия и США в Арктике: от конкуренции к противостоянию // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 1. С. 39–52. DOI: 10.31857/S2686673022010035.

14. Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е. Арктический вектор внешней политики США: динамика развития в конце XX — начале XXI века // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 21. № 2. С. 30–41. DOI: 10.37482/2687-1505-V085.

15. Трунов Ф.О. Особенности и перспективы стратегического проникновения НАТО в Арктику: норвежское направление // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 117–139. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.117.

16. Трунов Ф.О. Роль Норвегии в военном планировании НАТО на современном этапе // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. № 56 (72). С. 20–23.

17. Фененко А.В. Военно-политические аспекты российско-американских отношений: история и современность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 129–157.

18. Хлопов О.А. Стратегия России и НАТО в Арктике: возможные сценарии // Социология. 2021. № 2. С. 136–145.

19. Чернега В.С. Международные морские коммуникации в Арктике: политика России по защите национальных интересов в регионе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 50–62. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-3-50-62.

20. Янглева М.М. Марафон Финляндии в НАТО: новый ментальный ландшафт страны // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 1. С. 40–52. DOI: 10.15211/vestnikieran120244052.
21. Borgerson S.G. Arctic meltdown: The economic and security implications of global warming // *Foreign Affairs*. 2008. Vol. 87. No. 2. P. 63–77.
22. Charron A. NATO and the geopolitical future of the Arctic // *Arctic yearbook 2020. Climate change and the Arctic: Global origins, regional responsibilities?* / Ed. by L. Heininen, H. Exner-Pirot, J. Barnes. Akureyri: Northern Research Forum, 2020. P. 115–122.
23. Depledge D. NATO and the Arctic: The need for a new approach // *The RUSI Journal*. 2021. Vol. 165. No. 5–6. P. 80–90. DOI: 10.1080/03071847.2020.1865831.
24. Depledge D. Train where you expect to fight: Why military exercises have increased in the High North // *Scandinavian Journal of Military Studies*. 2020. Vol. 3. No. 1. P. 288–301. DOI: 10.31374/sjms.64.
25. Flake L.E. Russia's security intentions in a melting Arctic // *Military and Strategic Affairs*. 2014. Vol. 6. No. 1. P. 99–116.
26. Gisclon M., Keyman F. The three dimensions of NATO enlargement in 2023: From the Arctic to the Black Sea and beyond // *Transatlantic Policy Quarterly*. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 63–71. DOI:10.58867/IBIS9578/ODNV6667.
27. Güçyetmez F. Geopolitical problems of NATO members in the Arctic Circle // *Florya Chronicles of Political Economy*. 2024. Vol. 10. No. 1. P. 69–96.
28. Huebert R. The newly emerging Arctic security environment. Calgary: Canadian Defense & Foreign Affairs Institute, 2010.
29. Østhagen A. Norway's Arctic policy: Still high North, low tension? // *The Polar Journal*. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 75–94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043.
30. Reid J. Indigenizing NATO // *Transatlantic Policy Quarterly*. 2023. Vol. 22. No. 1. P. 106–112. DOI: 10.58867/IBIS9578/ZDEB2745.
31. Wegge N. Arctic security strategies and the North Atlantic states // *Arctic Review on Law and Politics*. 2020. Vol. 11. P. 360–382. DOI: 10.23865/arctic.v11.2401.

REFERENCES

1. Anisimov P.A. 2020. Vyzovy natsional'noi bezopasnosti RF v Arkticheskom regione [National security challenges of the Russian Federation in the Arctic region]. *RSUH/RGGU Bulletin Series 'Political Science. History. International Relations'*, no. 4-1, pp. 74–83. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-4-74-83. (In Russ.)
2. Belobrov Yu.Ya. 2022. NATO — kurs na destabilizatsiyu Arktiki [NATO — a course to destabilize the Arctic]. *The International Affairs*, no. 10, pp. 70–83. (In Russ.)
3. Bhagavat D. 2022. Arkticheskoe voennoe prisutstvie i ego vliyanie na razvitie Severnogo morskogo puti [Arctic military posturing and its influence on

the development of the Northern Sea Route]. *Arctic and North*, no. 48, pp. 91–118. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.48.91. (In Russ.)

4. Voronkov L.S. 2013. Arktika na vos'merykh. Evolyutsiya roli NATO v arkticheskikh shirotakh [The Arctic for eight. Evolution of NATO's role in the Arctic]. *Russia in Global Affairs*, vol. 11, no. 2, pp. 177–189. (In Russ.)

5. Danilov D.A. 2022. Finlyandiya i Shvetsiya u otkrytykh dverei NATO [Finland and Sweden on the threshold of NATO's open door]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 2 (26), pp. 16–23. DOI: 10.15211/vestnikieran220221623. (In Russ.)

6. Zhuravel' V.P. 2024. Voprosy oborony i bezopasnosti v Arktike v kontekste ukrainskogo konflikta [Defense and security issues in the Arctic in the context of the Ukrainian conflict]. *Contemporary Europe*, no. 3, pp. 150–160. DOI: 10.31857/S0201708324030124. (In Russ.)

7. Zhuravel' V.P. 2020. NATO v Arktike: ugroza natsional'noi bezopasnosti Rossii (2010–2020 gg.) [NATO in the Arctic: A threat to Russia's national security (2010–2020)]. In: Gerasimov V.I. (ed.). *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: Development, security, cooperation]. Moscow, INION RAN Publ., pp. 79–84. (In Russ.)

8. Zhuravel' V.P., Timoshenko D.S. 2022. Rossiiskaya Arktika v period sanktsionnogo davleniya i geopoliticheskoi nestabil'nosti [The Russian Arctic, sanctions pressure and geopolitical instability]. *Arctic and North*, no. 49, pp. 105–124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105. (In Russ.)

9. Zagorskii A.V., Todorov A.A. 2021. Voenno-politicheskaya obstanovka v Arktike: ochagi napryazhennosti i puti deeskalatsii [Military-political situation in the Arctic: Hotspots of tension and ways of de-escalation]. *Arctic and North*, no. 44, pp. 79–102. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.79. (In Russ.)

10. Konyshhev V.N., Sergunin A.A. 2020. Rossiiskie podkhody k arkticheskoi bezopasnosti [Russian approaches to Arctic security]. In: Ivanov O.P. (ed.). *Novaya epokha mezhdunarodnoi bezopasnosti. Rossiya i mir* [A new era of international security. Russia and the world]. Moscow, Prospekt Publ., pp. 314–334. (In Russ.)

11. Konyshhev V.N., Sergunin A.A. 2022. Evolyutsiya kontseptual'nykh osnov arkticheskoi strategii SShA [Evolution of the U.S. Arctic strategy's conceptual basis]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 27, no. 2, pp. 225–236. DOI: 10.15688/jvolsu4.2022.2.19. (In Russ.)

12. Kuchinskaya M.E. 2020. Arktika v fokuse vnimaniya SShA i NATO i interesy bezopasnosti Rossii [The Arctic in focus of U.S. and NATO attention and Russia's security interests]. *National Strategy Issues*, no. 1 (58), pp. 68–89. (In Russ.)

13. Raikov Yu.A. 2022. Rossiya i SShA v Arktike: ot konkurentsii k protivostoyaniyu [Russia and the USA in the Arctic: From competition to

confrontation]. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*, no. 1, pp. 39–52. DOI: 10.31857/S2686673022010035. (In Russ.)

14. Sokolova F.Kh., Shaparov A.E. 2021. Arkticheskii vektor vneshnei politiki SSHa: dinamika razvitiya v kontse XX — nachale XXI veka [The Arctic vector of US foreign policy: Dynamics of development in the late 20th — early 21st centuries]. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series 'Humanitarian and Social Sciences'*, vol. 21, no. 2, pp. 30–41. DOI: 10.37482/2687-1505-V085. (In Russ.)

15. Trunov F.O. 2024. Osobennosti i perspektivy strategicheskogo proniknoveniya NATO v Arktiku: norvezhskoe napravlenie [Features and perspectives of NATO's strategic penetration into the Arctic: The Norwegian dimension]. *Arctic and North*, no. 54, pp. 117–139. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.117. (In Russ.)

16. Trunov F.O. 2020. Rol' Norvegii v voennom planirovanii NATO na sovremennom etape [Norway's role in NATO's military planning at the present stage]. *Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy*, no. 56 (72), pp. 20–23. (In Russ.)

17. Fenenko A.V. 2011. Voенно-politicheskie aspekty rossiisko-amerikanskikh otnoshenii: istoriya i sovremennost' [Military-political aspects of the Russian-American relations in the Arctic: Past and present]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 2, pp. 129–157. (In Russ.)

18. Khlopov O.A. 2021. Strategiya Rossii i NATO v Arktike: vozmozhnye stsennarii [Arctic strategy of Russia and NATO: Possible scenarios]. *Sotsiologiya*, no. 2, pp. 136–145. (In Russ.)

19. Chernega V.S. 2021. Mezhdunarodnye morskije kommunikatsii v Arktike: politika Rossii po zashchite natsional'nykh interesov v regione [International maritime communications in the Arctic: Russian policy to protect national interests in the region]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 3, pp. 50–62. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-3-50-62. (In Russ.)

20. Yanglyaeva M.M. 2024. Marafon Finlyandii v NATO: novyi mental'nyi landschaft strany [Finland's marathon in NATO: Construction of new mental landscape]. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, no. 1, pp. 40–52. DOI: 10.15211/vestnikieran120244052. (In Russ.)

21. Borgerson S.G. 2008. Arctic meltdown: The economic and security implications of global warming. *Foreign Affairs*, vol. 87, no. 2, pp. 63–77.

22. Charron A. 2020. NATO and the geopolitical future of the Arctic. In: Heininen L., Exner-Pirot H., Barnes J. (eds.). *Arctic yearbook 2020. Climate change and the Arctic: Global origins, regional responsibilities?* Akureyri, Northern Research Forum, pp. 115–122.

23. Depledge D. 2021. NATO and the Arctic: The need for a new approach. *The RUSI Journal*, vol. 165, no. 5–6, pp. 80–90. DOI: 10.1080/03071847.2020.1865831.

24. Depledge D. 2020. Train where you expect to fight: Why military exercises have increased in the High North. *Scandinavian Journal of Military Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 288–301. DOI: 10.31374/sjms.64.

25. Flake L.E. 2014. Russia's security intentions in a melting Arctic. *Military and Strategic Affairs*, vol. 6, no. 1, pp. 99–116.

26. Gisclon M., Keyman F. 2023. The three dimensions of NATO enlargement in 2023: From the Arctic to the Black Sea and beyond. *Transatlantic Policy Quarterly*, vol. 22, no. 1, pp. 63–71. DOI:10.58867/IBIS9578/ODNV6667.

27. Güçyetmez F. 2024. Geopolitical problems of NATO members in the Arctic Circle. *Florya Chronicles of Political Economy*, vol. 10, no. 1, pp. 69–96.

28. Huebert R. 2010. *The newly emerging Arctic security environment*. Calgary, Canadian Defense & Foreign Affairs Institute.

29. Østhagen A. 2021. Norway's Arctic policy: Still high North, low tension? *The Polar Journal*, vol. 11, no. 1, pp. 75–94. DOI: 10.1080/2154896X.2021.1911043.

30. Reid J. 2023. Indigenizing NATO. *Transatlantic Policy Quarterly*, vol. 22, no. 1, pp. 106–112. DOI: 10.58867/IBIS9578/ZDEB2745.

31. Wegge N. 2020. Arctic security strategies and the North Atlantic states. *Arctic Review on Law and Politics*, vol. 11, pp. 360–382. DOI: 10.23865/arctic.v11.2401.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024;
одобрена после рецензирования 11.09.2024;
принята к публикации 06.11.2024

The paper was submitted 05.06.2024;
approved after reviewing 11.09.2024;
accepted for publication 06.11.2024

В.Н. Конышев, А.А. Сергунин*

ВОЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В АРКТИКЕ: НОВЫЕ УГРОЗЫ ДЛЯ РОССИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

«Санкт-Петербургский государственный университет»

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В последние годы военно-политическая ситуация в Арктике существенно изменилась. Этот регион стал стремительно утрачивать статус «зоны мира и сотрудничества», превращаясь в арену всё более напряженного межгосударственного соперничества. Знаковым событием в эволюции военно-политической обстановки в Арктике стало присоединение Швеции и Финляндии к НАТО. В данной статье предпринимается попытка выявить причины и движущие силы этих процессов, а также оценить, какие угрозы они таят для национальной безопасности России. В первой части статьи авторы показывают, что страны НАТО, ссылаясь на растущую гибридную угрозу со стороны Российской Федерации, сами развернули активную информационную кампанию в духе гибридной войны, направленную на демонизацию образа России и утверждение в общественном сознании черно-белой картины реальности по типу «игры с нулевой суммой» времен холодной войны. При этом авторы подчеркивают, что такая антироссийская кампания началась задолго до обострения «украинского кризиса»: она является отражением осознания американскими элитами нарастающего снижения влияния США, эрозии «порядка, основанного на правилах». Во второй части статьи проанализированы конкретные шаги,

** Конышев Валерий Николаевич — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: konyshev06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7257-6848); Сергунин Александр Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, факультет международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: sergunin60@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4683-0611).*

*** Исследование выполнено в рамках проекта № 116233367 «Развитие Северного морского пути как части «синей» экономики Арктической зоны Российской Федерации» по линии Санкт-Петербургского государственного университета.*

предпринимаемые Соединенными Штатами и их союзниками в целях наращивания своего военно-политического влияния в Арктике, ускоренной милитаризации региона. Особое внимание уделено двусторонним соглашениям о сотрудничестве в области безопасности между США и Норвегией, Швецией, Финляндией и Данией. Согласно данным договорам, Вашингтон получил возможность размещать личный состав, технику и вооружения в этих странах на постоянной основе, проводить военные учения. В этих условиях к основным угрозам военной безопасности России в Арктике, по мнению авторов, следует отнести: наращивание инфраструктуры и размещение в регионе войск США/НАТО; формирование антироссийского блока скандинавских государств под управлением Североатлантического альянса; модернизацию вооруженных сил арктических держав; активизацию военно-морской деятельности стран НАТО в арктических морях. В целом приходится констатировать, что с точки зрения национальных интересов РФ военно-стратегическая обстановка в Арктике значительно ухудшилась. В то же время авторы подчеркивают, что и текущую ситуацию в регионе, и возможные сценарии ее развития в будущем нельзя оценивать в отрыве от рассмотрения общего кризиса международных отношений, замыкаясь лишь на региональных аспектах безопасности. Одновременно с Арктикой военное напряжение нарастает в других регионах мира, также требующих ресурсов Запада для поддержания там своего влияния.

Ключевые слова: Арктика, Россия, США, НАТО, военная безопасность, угрозы, внешняя политика, стратегия, гибридная война

Для цитирования: Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Военная безопасность в Арктике: новые угрозы для России // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 127–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152.

Valerii N. Konyshev, Alexander A. Sergunin

MILITARY SECURITY IN THE ARCTIC: NEW THREATS TO RUSSIA

*St. Petersburg State University
7–9 Universitetskaya Embankment, St Petersburg, 199034*

In recent years, the military and political landscape in the Arctic has changed significantly. This region has been rapidly losing the status of a 'zone for peace and cooperation', turning into an arena of increasingly intense interstate rivalry. The accession of Sweden and Finland to NATO became a landmark event in

the evolution of the military and political situation in the Arctic. This article attempts to identify the causes and driving forces behind these processes, as well as to assess the threats they pose to Russia's national security. In the first section the authors argue that the NATO countries under the pretext of the growing hybrid threat from the Russian Federation have themselves launched an active information campaign in the spirit of hybrid warfare aimed at demonizing Russia and enforcing on public a Cold War-style black-and-white picture of reality as a 'zero-sum game'. Moreover, the authors emphasize that this anti-Russian campaign began long before the aggravation of the 'Ukrainian crisis'. As such, it reflects the American elites' awareness of the growing decline in the U.S. influence and the erosion of the 'rules-based order'. The second section examines the specific steps taken by the United States and its allies in order to build up their military and political potential in the Arctic and accelerate the militarization of the region. Special attention is paid to the bilateral agreements on security cooperation between the United States and Norway, Sweden, Finland, and Denmark. According to these agreements, Washington was able to deploy personnel, equipment and weapons in these countries on a permanent basis and conduct military exercises. In these conditions, the main threats to Russia's military security in the Arctic, according to the authors, include: deployment of the U.S. / NATO military infrastructure and troops in the region; the formation of an anti-Russian bloc of Scandinavian states under the control of the alliance; modernization of the Arctic powers' armed forces; intensification of naval activities of NATO countries in the Arctic seas. In general, the military-strategic situation in the Arctic has already deteriorated significantly with regard to the national interests of the Russian Federation. However, the authors stress that both the current situation in the region and possible scenarios for its future development cannot be assessed in isolation from the general crisis of international relations, focusing solely on regional aspects of security. Apart from the Arctic, tensions are growing in other regions of the world, which also requires the West to allocate there more resources in order to maintain its influence.

Keywords: Arctic, Russia, USA, NATO, military security, threats, foreign policy, strategy, hybrid warfare

About the authors: *Valerii N. Konyshhev* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University (e-mail: konyshhev06@mail.ru; ORCID: 0000-0002-7257-6848); *Alexander A. Sergunin* — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University (e-mail: sergunin60@mail.ru; ORCID: 0000-0002-4683-0611).

Acknowledgements: The research was funded by St. Petersburg State University under Project No. 116233367.

For citation: Konyshev V.N., Sergunin A.A. 2024. Military security in the Arctic: New threats to Russia. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 127–152. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-127-152. (In Russ.)

Повышенное внимание к арктической политике, наблюдаемое с 2007 г. (символическое установление флага РФ на Северном полюсе), всегда сопровождалось дискуссиями о вопросах безопасности. При этом одна часть российских и зарубежных экспертов не без оснований рассчитывали, что Арктика останется «зоной мира и сотрудничества», указывая на объективные обстоятельства. Среди них — невозможность для любого государства осваивать Арктику, опираясь только на собственные ресурсы; обострение глобальных проблем, включая изменение климата и ухудшение окружающей среды; создание условий для сохранения традиционного уклада коренных народов Крайнего Севера; удаленность Арктики от промышленно развитых центров и коммуникаций; отсутствие непримиримых противоречий между прибрежными арктическими государствами по территориальным вопросам; трудности ведения крупных военных операций в сложных погодных и геомагнитных условиях [Byers, 2013; Bertelsen, 2019; Тодоров, 2020; Загорский, Тодоров, 2021; Конышев, Сергунин, 2024].

Другая часть экспертов, признавая тезис о «зоне мира и сотрудничества», делали акцент на существовании в Арктике значительного конфликтного потенциала, который в определенных условиях может получить практическую реализацию. Они указывали на растущую конкуренцию за природные богатства Арктики на фоне глобального истощения ресурсов; неравный правовой статус различных участников арктической политики (прежде всего арктических и неарктических государств); политический раскол арктических держав по линии НАТО, оставляющий Россию в стратегическом окружении; тенденции к неоправданной милитаризации региона; сохранение режима ядерного сдерживания между Россией и США со времен холодной войны [Синчук, Журавель, 2017; Конышев, Сергунин, 2018; Mikkola, 2019].

Однако в целом эксперты фиксировали относительно невысокие риски военной эскалации в Арктике, исходя из рациональности подходов ключевых акторов к вопросам безопасности. Предполагалось, что поддержание региональной безопасности отвечает интересам всех арктических государств, а значит, в основном зависит от эффективности политического регулирования. Считалось, что сложившийся режим безопасности в Арктике вполне устойчив даже при обострении противоречий в других регионах или по конкретным проблемам двусторонних и многосторонних отношений.

Однако после государственного переворота в Киеве в 2014 г., воссоединения Крыма с Россией и начала специальной военной операции (СВО) России на Украине 24 февраля 2022 г. военно-политическая ситуация в Арктике существенно изменилась [Сюэпин, Печерица, 2024; Paul, 2023]. Регион стал стремительно утрачивать статус «зоны мира и сотрудничества», хотя некоторые эксперты считают возможной нормализацию отношений в будущем [Kavanagh, 2024]. Знаковым явлением в эволюции военно-политической обстановки в Арктике стало присоединение Швеции и Финляндии к НАТО. Изменение стратегического окружения требует от России пересмотра политики по обеспечению своей безопасности.

В чем следует усматривать причины резкого ухудшения военно-политической обстановки в Арктике? Только ли в военных действиях России против Украины, которые были оценены Западом как незаконная агрессия? В чем состоят и насколько обратимы военно-политические изменения в регионе? Какие угрозы возникли в этой связи для России? В предлагаемой статье авторы попытались дать ответы на эти непростые вопросы.

Что стоит за утратой Арктикой статуса «зоны мира и сотрудничества»?

Ухудшение военно-стратегической ситуации в Арктике не связано с региональными проблемами безопасности, поскольку все они решались и решаются в международно-правовом поле. Если проанализировать западную риторику, то большинство политиков и экспертов просто декларативно продвигают тезис, что успех СВО России на Украине вызовет у Москвы соблазн повторить военный сценарий сначала в отношении бывших союзных республик (Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии), возможно, против стран Восточной Европы, а потом и в Арктике. При этом потенциальная агрессия Рос-

сии в Прибалтике и Восточной Европе объясняется ее стремлением вернуть статус великой державы [Götz, Staun, 2022] или неизжитыми имперскими амбициями [Mälksoo, 2022].

Поскольку применительно к Арктике этот сценарий выглядит неубедительным, основной акцент был перенесен на тему «гибридных угроз» [Коньшев, 2020]. При этом, хотя на Западе понятие «гибридная война» не определено на военно-доктринальном уровне [Коньшев, Парфёнов, 2019], в политико-дипломатической риторике оно получило самое широкое толкование. В наиболее радикальных оценках не просто отдельные действия, но и вся внешняя политика РФ приравнивается к гибридной войне [Chivvis, 2017: 316; Treverton et al., 2018: 4]. Поначалу в качестве ее основных объектов рассматривали Украину и страны Прибалтики, но постепенно западные эксперты включили в них и Арктику.

В силу размытости понятия «гибридная война» постоянное его употребление в политическом дискурсе способствует стиранию грани между состоянием войны и мира, что подтверждают западные эксперты [Menzel, 2018: 83]. Создав такой фон, довольно легко объявить любую внешнеполитическую деятельность Москвы проявлением гибридной угрозы или даже началом гибридной войны. Учитывая контроль Запада над мировыми потоками информации, можно предположить, что в данной риторике Россия оказывается в заведомо уязвимом положении.

Следующим шагом Запада, логически вытекающим из этой риторики, будет перевод внешней политики России в «серую зону» международного права для оправдания возможного использования мер военно-силового принуждения в ее отношении. Например, под лозунгом «справедливость важнее международного права», как это было в случае «гуманитарных интервенций». Примечательно, что в НАТО с 2015 г. ведется отработка практических действий всех участников альянса в ответ на гибридные угрозы, хотя доктринальное определение гибридной войны по-прежнему не выработано и сводится к комбинированию военных и невоенных средств, используемых в мирное и военное время¹.

Раскруткой дискурса гибридных угроз занимается специально созданный в Финляндии (г. Хельсинки) Европейский центр экспер-

¹ Countering hybrid threats // NATO. 07.05.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (accessed 14.05.2024).

тизы по противодействию гибридным угрозам. О размахе его деятельности говорит уже тот факт, что к работе привлекаются эксперты из 27 стран. На сайте центра публикуются исследования о гибридных угрозах со стороны России в Арктике. Подобные центры созданы в Литве, Латвии и Эстонии. Гибридные угрозы в прямом смысле формируются в дискурсе в русле социального конструктивизма. Согласно данному подходу, восприятие угрозы у лиц, принимающих решения (и в обществе), в целом формируется в процессе обсуждения вопросов безопасности, соответственно угроза считается реальной, если она устойчиво фиксируется в дискурсе. Это открывает широкие возможности для манипуляции общественным мнением через навязывание представлений об опасностях и угрозах.

Один из основных приемов, применяемых в русле этого дискурса, состоит в подмене понятий: любая реальная или потенциальная уязвимость западного государства трактуется как фактор гибридной угрозы со стороны России. Так, если в Финляндии не хватает собственной энергии, она считается уязвимой в этой сфере для воздействия извне. Если Россия предлагает построить ядерный реактор в Ханхикиви — она пытается создать гибридную угрозу Финляндии [Nuclear energy and the current security environment..., 2019: 13–14]. При этом если подобный проект предложит Япония или Франция, это будет трактоваться как пример энергетического сотрудничества.

Другой прием помогает отождествить любое действие России с гибридной угрозой. Для этого последняя делится на две формы: гибридное влияние, которое не обязательно несет прямой ущерб, и собственно гибридная угроза, которая связана с ущербом. К гибриднему влиянию приравниваются научная дипломатия, академическое сотрудничество, культурные связи, наблюдение и сбор информации, распространение фейк-новостей и даже владение собственностью иностранцами. К этой же форме относятся договоры о сотрудничестве с приграничными российскими городами (Бодё–Выборг, Никель–Киркенес, Иматра–Светогорск и др.), упоминание о роли Красной армии в освобождении Норвегии в ходе Второй мировой войны, роль Российской империи в становлении финской государственности [Harjanne et al., 2018: 9, 26–29; Gjørsv, 2024: 16–18]. При этом нигде не оговаривается, при каких условиях гибридное

влияние превращается в гибридную угрозу, а это позволяет приравнивать к угрозе всё что угодно.

Об успешности обработки общественного мнения в Швеции и Финляндии говорит то, как быстро их граждане отказались от идеи нейтралитета: 60% шведов и 75% финнов поддерживали вступление в НАТО. Правда, экономическим элитам и оборонно-промышленному комплексу тоже намекнули, что у них будут проблемы в случае невступления страны в альянс [Чеков и др., 2023: 21].

Таким образом, на экспертном и политическом уровнях с помощью манипуляции так называемыми гибридными угрозами Запад сознательно отсекает любую форму сотрудничества с Россией: культурную, политическую, экономическую. Концепция гибридных угроз, внедряемая Западом, стала инструментом реинкарнации черно-белого мышления по типу «игры с нулевой суммой» времен холодной войны.

Однако было бы упрощением видеть в деградации сотрудничества с Россией в Арктике только лишь злонамеренную политику отдельных государств или их политических лидеров. Глубинные причины роста враждебности просматриваются в общем ухудшении отношений Москвы и Вашингтона, которое происходило по мере укрепления самостоятельности России с конца 1990-х годов сначала во внутренней, а затем и во внешней политике.

Этапным событием для зарубежных политиков и экспертов стала Мюнхенская речь В. Путина в феврале 2007 г., которая была воспринята как дерзкий вызов со стороны России, чей совокупный потенциал, с точки зрения Запада, не соответствовал внешнеполитическим амбициям. С того момента и начался поворот к открытой враждебности со стороны Запада, причем сразу широким фронтом. В публичном поле символическая установка А. Чилингаровым российского флага на дне Северного Ледовитого океана в районе Северного полюса была объявлена незаконным заявлением о суверенных правах²; за два года до начала Олимпийских игр в Сочи была организована масштабная кампания по их дискредитации³; одновре-

² Chivers C. Russians plant flag on the Arctic seabed // The New York Times. 03.08.2007. Available at: <https://www.nytimes.com/2007/08/03/world/europe/03arctic.html> (accessed: 23.05.2024).

³ Luhn A. 2014 Sochi Olympics: Corruption and censorship cast shadow over Russia's games // The Independent. 08.10.2013. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/europe/2014-sochi-winter-olympics-corruption-and-censorship-cast-shadow->

менно во всех западных СМИ шла демонизация личности В. Путина⁴. Важно подчеркнуть, что всё это происходило еще до Майдана 2014 г. на Украине, который закончился обманом российского руководства лидерами Франции, ФРГ, Великобритании в отношении гарантий законной передачи власти украинской оппозиции. Одновременно Запад создавал очаги напряженности по периметру границ России путем военной и политической поддержки антироссийских режимов в Грузии и на Украине, которым было обещано вступление в Североатлантический альянс. Последовательно укреплялось оборонное сотрудничество США/НАТО с Польшей, Финляндией и Швецией.

В свою очередь неизбежность этого враждебного поворота к РФ, как представляется, в существенной мере объясняется общей тенденцией к упадку гегемонии США [Костенко, 2024]. Не желая уступать лидерские позиции, Вашингтон стал навязывать остальным государствам мировой порядок, «основанный на правилах», вводимых им по собственному усмотрению. Такое понимание мирового порядка закреплено в Стратегии национальной безопасности США 2022 г.⁵ В практическом плане это выражается в акценте на военно-силовой политике в различных регионах мира и жестком давлении США на государства, которые выступают с наиболее независимой политикой: на Россию и Китай [Мажуга, Толстых, 2023]. Страны Западной Европы утратили самостоятельность в формировании оборонной политики, о чем говорит подписание третьей Декларации о сотрудничестве между ЕС и НАТО (2023)⁶. Согласно документу государства, входящие в Евросоюз, должны участвовать во всех инициативах блока и рассматривать его как главный инструмент обеспечения своей безопасности. При главенствующей роли США в НАТО очевидно,

over-russia-s-games-8862690.html (accessed: 24.05.2024); Ahmed A., Martine F. Putin's challenge: The Circassians and the Winter Olympics // Al Jazeera. 04.04.2012. Available at: <https://www.aljazeera.com/opinions/2012/4/4/putins-challenge-the-circassians-and-the-winter-olympics> (accessed: 24.05.2024).

⁴ Motyl A. Putin, just evil enough // CNN. 25.07.2014. Available at: <https://edition.cnn.com/2014/07/25/opinion/motyl-putin-is-evil/> (accessed: 24.05.2024).

⁵ National Security Strategy. October 12, 2022. P. 3, 8–12, 16, 18, 48 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (accessed: 11.02.2024).

⁶ Joint Declaration on the EU-NATO Cooperation. January 10, 2023 // NATO. Available at: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2023/1/pdf/230110-eu-nato-joint-declaration.pdf (accessed: 06.04.2024).

что политику безопасности своих западноевропейских союзников определяют из Вашингтона.

Таким образом, ухудшение сотрудничества с Россией в Арктике стало неизбежным следствием общего кризиса международной системы, связанного с падением влияния США, а воссоединение Крыма с РФ в 2014 г. и СВО в 2022 г. послужили лишь «ускорителями» уже запущенного Западом процесса деградации отношений.

Изменение стратегического окружения России в Арктике

После начала СВО «первой ласточкой» ухудшения отношений с Россией в Арктике стал объявленный Западом бойкот председательства РФ в Арктическом совете, при том что он не занимается вопросами безопасности. Затем были заморожены практически все формы сотрудничества с Россией и по другим направлениям, включая консультации по военной безопасности.

Вторым знаковым событием стала публикация в октябре 2022 г. новой арктической стратегии США, которая показала, что ухудшение отношений с Россией будет долговременным⁷. Вашингтон прямо нацелился на постепенное введение Арктики в зону ответственности НАТО и обеспечение там своего постоянного присутствия. Это выражается в планах строительства шести ледоколов, которое неоднократно затягивалось ранее; переориентации 11-й воздушно-десантной дивизии на действия в Арктике; существенной перестройке НОРАД (North American Aerospace Defense — система воздушно-космической обороны США и Канады), которая пока не может бороться с гиперзвуковыми целями и современными крылатыми ракетами; модернизации системы контроля подводной обстановки по линии Гренландия — Исландия — Великобритания, через которую российские подлодки выходят в Северную Атлантику. Наконец, в указанной стратегии РФ и КНР определены в качестве главных угроз в Арктике [Коньшев, Сергунин, 2023].

Первые ледоколы из запланированных к строительству начнут вводить в строй уже в 2025 г. Из них три тяжелых дизель-электрических военных ледокола будут способны пробивать лед до 2,5 м, т.е. круглогодично действовать в арктическом секторе США. Их

⁷ National Strategy for the Arctic region. October 2022. P. 5, 13–14 // The White House. Available at: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/National-Strategy-for-the-Arctic-Region.pdf> (accessed 27.06.2024).

предполагается оснастить ударными вооружениями, системами противоракетной обороны (ПРО) «Иджис» («Aegis») и системами разведки, управления, наблюдения и командования. В настоящее время около 70 подводных лодок США могут вести операции, в том числе подо льдами. Американские эсминцы и авианосцы способны действовать только в приарктических водах. Для действий в Арктике предназначены 54 истребителя F-22 «Raptor» и 6 истребителей F-35A, но в течение нескольких лет к ним планируется добавить еще 48 истребителей F-35A. Американские ВВС восстановили военную базу в Кефлавике (Исландия) для дозаправки и для полетов разведывательных самолетов P-8 («Посейдон») в европейской части Арктики [Tingstad et al., 2023: 21–23], а также аэродромы в Норвегии и Финляндии.

Однако условия для перелома военно-стратегической ситуации в Арктике готовились коллективным Западом исподволь, еще когда арктические государства успешно развивали механизмы и правовые рамки сотрудничества с Россией, а та же Канада выступала против расширения зоны ответственности НАТО на Арктический регион. Постепенное вовлечение нейтральных Швеции и Финляндии происходило по линии военно-технического взаимодействия с США, которое активизировалось сразу после окончания холодной войны. Оба государства приняли участие в программе НАТО «Партнерство ради мира», начатой в 1994 г. и задуманной как механизм адаптации будущих членов блока, и в ряде других его программ. При этом альянс последовательно проводил курс на выход за географические пределы зоны своей ответственности [Трунов, 2024].

В итоге армии арктических государств перешли на натовские вооружения и стандарты, получили опыт практического взаимодействия (Босния, Косово, Афганистан, Ирак, Ливия) и постепенно достигли оперативной совместимости с войсками альянса. При этом на словах и Стокгольм, и Хельсинки придерживались политики «военного неприсоединения». Военное сотрудничество еще более углубилось в 2014 г., когда Швеция и Финляндия стали ассоциированными членами НАТО [Чеков и др., 2023].

В пользу тезиса о последовательном стремлении Запада еще до начала СВО к получению односторонних военных преимуществ в Арктике говорят заключенные двусторонние соглашения о сотрудничестве в области безопасности. Между США и Норвегией такой договор был подписан в июне 2021 г. на 10 лет с возможностью

продления. Согласно документу, Вашингтон по своему усмотрению строит нужную инфраструктуру, размещает технику, вооружение, военный и гражданский персонал не только в оговоренных 4 объектах (авиабазы Рюгге, Сола, Эвенс; военно-морская база Рамсунд), «но и в других местах по взаимной договоренности»⁸. К таким объектам предусмотрен обоюдный доступ, но Норвегия не имеет права контролировать, что ввозят на них США. Кроме того, предусматриваются проведение маневров с участием других стран НАТО⁹, перемещение американских вооруженных сил и средств по территории Норвегии, дозаправка авиации, использование морских портов, а также вводится юрисдикция США на случай совершения уголовных преступлений американскими военнослужащими или привлеченными контрактниками.

После начала СВО в американо-норвежское соглашение были внесены поправки, согласно которым США получили в свое распоряжение еще 8 военных объектов: авиабазы Андойя, Орланд, Бардусфосс, военно-морскую базу Хааконсверн, гарнизоны Вернс и Сетермуен, топливный терминал Намсен, пещерный комплекс Осмарка (для оборудования складов, госпиталей и другой вспомогательной инфраструктуры)¹⁰. Важно заметить, что в Норвегии и ранее существовали военные склады США. По опубликованным в 2019 г. оценкам, только на базах Орланд и Вернс было накоплено вооружений и техники для развертывания бригады морской пехоты и автономных действий в течение 30 дней¹¹.

Вся созданная США военная недвижимая инфраструктура считается собственностью Норвегии, но Вашингтон может использовать

⁸ Defense Cooperation. Agreement between the United States of America and Norway. March 31, April 16, 2021. Treaties and Other International Acts Series 22–617. P. 10 // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/08/22-617-Norway-Defense-SDCA-Ready-for-Review.pdf> (accessed: 02.04.2024).

⁹ Defence cooperation between Norway and US essential for our security // Government. no. 08.04.2022. Available at: https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/sdca_submitted/id2907892/ (accessed: 02.04.2024).

¹⁰ Edvardsen A., Martinussen B. New agreement gives US access to four new military areas in the North // High North News. 08.02.2024. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/new-agreement-gives-us-access-four-new-military-areas-north> (accessed: 27.06.2024).

¹¹ Цыганок А. Морские десантные операции США и Североатлантического блока // Независимое военное обозрение. 30.08.2019. Доступ: https://nvo.ng.ru/forces/2019-08-30/1_1059_desant.html (дата обращения: 05.03.2024).

ее до тех пор, пока считает нужным. Интерес норвежской стороны состоит еще и в том, что накопленное американское оружие и имущество могут быть затем переданы или проданы Норвегии. Как отмечают норвежские эксперты, соглашение не предусматривает эффективного контроля на случай применения силы американскими войсками (в частности, против РФ): речь идет о координации, но не указаны механизм и участники подобных действий¹². Получается, что Норвегия может быть вовлечена в военный конфликт помимо своей воли.

В течение 2023 г. точно по такому же сценарию были подписаны соглашения с Финляндией, Швецией и Данией. После ратификации этих документов США получают неограниченный доступ к различным военным объектам: к 17 в Швеции¹³ и 15 в Финляндии¹⁴ (склады, полигоны, тренировочные центры, военно-воздушные базы, порты), в также к 3 военно-воздушным базам в Дании¹⁵. Согласно текстам соглашений Осло и Копенгаген явным образом не дали США разрешение на размещение на своей территории ядерного оружия, а Стокгольм и Хельсинки обошли этот вопрос молчанием. Правда, президент Финляндии А. Стубб допустил перемещение по территории страны ядерного оружия «в случае необходимости», но сделал оговорку, что окончательное решение о возможности его размещения остается за правительством и парламентом [Плевако, 2024].

¹² Edvardsen A. New Norway — USA defense agreement allows extensive US authorities in the North // High North News. 08.06.2022. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/new-norway-usa-defense-agreement-allows-extensive-us-authority-north> (accessed: 16.07.2024).

¹³ Agreement of Defense Cooperation between the Government of the Kingdom of Sweden and the Government of the United States of America. December 5, 2023 // Government.se. Available at: <https://www.government.se/contentassets/9938ae28ed8544d2b60b229e91fd0513/agreement-on-defense-cooperation-between-the-government-of-the-kingdom-of-sweden-and-the-government-of-the-united-states-of-america-date-and-place.pdf> (accessed: 06.04.2024).

¹⁴ Agreement of Defense Cooperation between the Government of the Republic Finland and the Government of the United States of America. December 18, 2023 // Finland abroad. Available at: <https://finlandabroad.fi/documents/35732/0/Finland%20US%20DCA%20-%20Finland%20Prime%20-%20English%20%281%29.pdf/ff602539-1854-bb30-8a5d-483304b08a59?t=1702559666029> (accessed: 02.04.2024).

¹⁵ Agreement of Defense Cooperation between the Government of Denmark and the Government of the United States of America. December 19, 2023 // Via Ritzau. 19.12.2023. Available at: <https://via.ritzau.dk/files/2012662/13765902/57437/da> (accessed: 02.04.2024).

Поскольку перечисленные объекты могут использоваться для учений по линии НАТО, возникает гибкий механизм, обеспечивающий США возможность фактически без контроля со стороны государств Северной Европы применять военную силу на основе двусторонних договоров либо в рамках альянса. Но в целом Норвегия, Дания, Швеция и Финляндия, подписав соглашения о сотрудничестве в области безопасности, стали заложниками внешней политики США.

Логическим дополнением подобных вассальных отношений стало вступление Швеции и Финляндии в НАТО. Россия не только получила более 1000 км непосредственной границы с блоком за счет Финляндии: существенно повысились риски для стратегических ядерных сил, две трети которых традиционно находились на Кольском полуострове, а также для промышленных объектов Мурманской и Ленинградской областей.

На основе достигнутой консолидации США с союзниками формируется единое пространство с точки зрения планирования и управления военными действиями, связывающее Арктику и Балтику. Открываются возможности создания сил быстрого реагирования или других совместных формирований НАТО, ориентированных на Арктический регион. Например, объявлено о развертывании совместной авиационной группы «Норвегия — Швеция — Финляндия — Дания», которая может быть нацелена как на Кольский полуостров, так и на Северный морской путь. В ее состав войдут 250 истребителей, которые будут действовать в соответствии с концепциями НАТО по ведению совместных операций¹⁶.

Норвегии отводится роль главной опоры НАТО в Арктике в силу как ее стратегического положения (выход к Северному Ледовитому океану, близость к ядерному арсеналу РФ на Кольском полуострове, возможность быстрой переброски сил блока), так и наличия крупных боеспособных арктических подразделений (бригада «Север») [Трунов, 2024: 122–123]. Их укреплению США начали активно помогать с 2022 г., направляя в Норвегию своих военнослужащих для тренировок и получения опыта. В 2024 г. страна увеличила военные

¹⁶Четыре страны Европы решили создать флот из 250 истребителей // РБК. 24.03.2023. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2023/641de19fa79478488c8ba0c> (дата обращения: 18.04.2024).

расходы на 20% и доведет их уровень до 2% ВВП¹⁷. Еще с 2012 г. вооруженные силы Норвегии начали закупки новейших вооружений, включая фрегаты с системами ПРО, ракетные катера, подводные лодки, бронетехнику, а также замену F-16 на F-35. К 2024 г. количество последних должно достигнуть 50 единиц [Коньшев, Сергунин, 2018]. Норвежские ВМС готовы к обеспечению операций НАТО в прилегающих морях, однако испытывают недостаток кораблей ледового класса. Анализ проводимых учений показывает, что НАТО отрабатывает военно-морские операции в направлении Шпицбергена и далее — Баренцева моря [Трунов, 2024: 126, 135–137].

Что касается Финляндии, то, по всей видимости, США уготовили ей роль передового плацдарма для возможных наступательных действий против России. Считается, что финская армия обладает высокой боеспособностью и хорошим материально-техническим оснащением [Чеков и др., 2023: 24]. В соответствии с этой установкой Хельсинки к 2024 г. увеличили военный бюджет на 36% для модернизации вооруженных сил. США одобрили продажу Финляндии зенитных ракетных комплексов (ЗРК) David's Sling, ракет класса «воздух–воздух» AIM-9X Block II для истребителей, планирующих управляемых бомб AGM-154, модернизацию систем залпового огня M270 MLRS¹⁸.

Можно предположить, что в настоящее время основной упор в развитии ударного потенциала Финляндии делается на ВВС, в состав которых входят:

- 35 истребителей F-35 (поставка планируется к 2026 г.);
- 61 истребитель F/A-18C/D Hornet;
- 65 учебно-боевых Hawk Mk.51A и Hawk Mk.66;
- 28 учебно-тренировочных L-70 Vinka и G 115E;
- 3 военно-транспортных C-295M;
- 6 самолетов связи и управления PC-12;
- 5 самолетов связи PA-31 Navajo;

¹⁷ Норвегия увеличит оборонный бюджет в 2024 году на 20% // Центр анализа мировой торговли оружием. 04.10.2023. Доступ: <https://armstrade.org/includes/periodics/news/2023/1004/123575645/detail.shtml> (дата обращения: 11.04.2024).

¹⁸ Госдеп одобрил модернизацию для Финляндии пусковых установок M270 MLRS // Известия. 23.08.2023. Доступ: <https://iz.ru/1552981/2023-08-02/gosdep-odobril-modernizatsiiu-dlia-finliandii-puskovykh-ustanovok-m270-mlrs> (дата обращения: 11.04.2024).

- 3 самолета аэрофотосъемки и морского патрулирования Learjet 35AS;
- 1 транспортный Fokker F27;
- 3 тяжелых военно-транспортных C-17 Globemaster-III (находятся в Венгрии).

К этому следует добавить, что только имеющаяся в Финляндии сеть аэродромов в два раза превосходит их количество в Карелии, Ленинградской и Мурманской областях¹⁹. Поставляемые в Финляндию модели F-35A способны нести на борту ядерную авиабомбу B-61, что создает условия для запуска программы по совместному использованию Вашингтоном и Хельсинки ядерного оружия. Однако это потребует времени, так как нужно еще создать соответствующую инфраструктуру и преодолеть сопротивление финского общества [Чеков и др., 2023: 25]. На территории Финляндии и Швеции вероятно появление элементов комплексов ПРО США/НАТО на базе ЗРК Patriot и David's Sling и включение их в единую систему управления и развертывания дополнительных сенсоров. Это позволит объединить возможности элементов ПРО в Балтийском и Арктическом регионах, тем более что Финляндия и Эстония подписали соглашение об интеграции систем береговой обороны. В США также изучают возможности интеграции ПРО с F-35, которые своими радарам помогут в наведении противоракет с более дальней дистанции, а в перспективе — в обнаружении пусков баллистических ракет с территории России [Чеков и др., 2023: 24].

Характер, масштаб и сценарии учений НАТО в Арктике тоже говорят о подготовке к наступательным действиям, причем эта тенденция началась до СВО. Уже с 2018 г. из 7 крупнейших учений альянса 4 были проведены в Арктике: Trident Juncture 18 (50 тыс. человек), Cold Response 22 (30 тыс.), Joint Viking 23 / Joint Warrior 23 (20 тыс.), Steadfast Defender 24 (90 тыс. человек). Последнее из этих учений, Steadfast Defender 24, проводилось с 1 февраля по 31 мая 2024 г. с участием всех стран НАТО. Основная цель — отработка реагирования на возможное нападение России на восточный фланг альянса. Таким образом, если прежде в сценариях учений фигуриро-

¹⁹ Крылов Н. Аэродромная сеть ВВС Финляндии — новая угроза России с северо-запада // Военный дипломат. 06.01.2024. Доступ: <https://m-diplomat.ru/politics/aerodromnaya-set-vvs-finlyandii-novaya-ugroza-rossii-s-severo-zapada> (дата обращения: 14.04.2024).

вало абстрактное недружественное государство, то теперь открыто демонстрируется угроза безопасности, исходящая от РФ.

Учения проходили во всех сферах: в космосе, воздушном пространстве, на земле, на море и в киберсреде. На начальной стадии отрабатывались переброска значительных сил из США и Канады в Европу и десантирование с моря на побережья арктических государств, на втором этапе — многосферное взаимодействие на территории Норвегии, Швеции, Финляндии, Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Германии, Словакии, Румынии, Венгрии. При этом натовские маневры сопровождались национальными в соответствии со спецификой потенциальных угроз. В учениях Steadfast Defender 24 задействовано: более 50 кораблей, от эсминцев до авианосцев, более 80 истребителей, вертолетов и дронов, 133 танка, 533 боевые машины пехоты. В МИД РФ отметили в связи с этими учениями, что Североатлантический альянс вернулся к сдерживанию времен холодной войны²⁰.

Помимо учений дестабилизирующее влияние на ситуацию в Арктике оказывают намерения стран НАТО осуществлять провокационные пролеты самолетов и проходы кораблей в спорных участках Северного морского пути. К ним относятся проливы Карские ворота (Новая земля), Вилькицкого, Шокальского (Северная земля), Санникова, Лаптева (Новосибирские острова). Если РФ считает их внутренними водами и требует получать разрешение на проход, то США относят их к открытому морю, где применим принцип свободы мореплавания. Вашингтон имеет специальную программу FONOP (Freedom of Navigation Operations)²¹ для утверждения своих прав. В этих случаях, с одной стороны, на США работает демонстрация флага в спорных акваториях, и они буквально заставляют прибрежное государство принять свою позицию, формируя норму обычного права (если удастся осуществить проход). С другой стороны, тестируется реакция другого государства: если его решительных действий не последует, то можно попытаться создать прецедент для оспаривания в суде статуса пролива.

²⁰ НАТО начало в Европе основной этап крупнейших за 40 лет учений // РБК. 01.02.2024. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/01/02/2024/65ba23439a79472c1662c119> (дата обращения: 22.03.2024).

²¹ Freedom of Navigation Report Annual Release. March 16, 2021 // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/freedom-of-navigation-report-annual-release/> (accessed: 27.06.2024).

Реализация программ США по созданию военных ледоколов укрепит соблазн опробовать FONOP на Северном морском пути, тем более что подобные случаи уже были. Еще в советские годы американские суда предпринимали попытки пройти эти воды, но это не удавалось [Byers, 2013: 143–146]. Однако в 2018 г. вспомогательное судно ВМС Франции «Рона» (A603 «Rhone») прошло пролив Вилькицкого без разрешения РФ. В 2021 г. США направили официальный протест против разрешительной процедуры, введенной Москвой. В 2022 г. силы российской противовоздушной обороны (ПВО) пресекли преднамеренное нарушение границы самолетом-разведчиком ВВС Великобритании. Перед РФ стоит задача контроля Северного морского пути и недопущения провокационных инцидентов [Чуркин, 2023: 42], поскольку в США по-прежнему считают, что Москва не имеет на это прав [Tingstad et al., 2023: 58].

Говоря о вероятном сценарии нападения на Россию в Арктике, российские военные отмечают, что альянс в угрожаемый период может развернуть в Норвежском и Баренцевом морях до 50 носителей крылатых ракет большой дальности морского базирования с 1000–1100 ракетами типа «Томагавк» («Tomahawk») на борту, а в Северном и Балтийском морях — 9 носителей со 180–200 ракетами того же класса. Конечно, при подобных оценках следует различать, с одной стороны, потенциал как совокупность ресурсов и планируемых действий, с другой стороны — эффективность этого потенциала в силу сдерживающих обстоятельств. Например, массированное развертывание сил в арктических морях едва ли удастся скрыть от средств разведки.

Тем не менее в планах США упомянутые крылатые ракеты вместе с палубной авиацией составляют основу концепции «быстрого глобального удара» для достижения стратегической инициативы в ходе скоротечных превентивных действий. Российские эксперты обращают особое внимание на амфибийно-десантные группы Корпуса морской пехоты США на базе универсальных десантных кораблей, несущих новейшие истребители F-35B. Примечательно в этой связи, что подготовка к десантным операциям стала важной частью учений НАТО Steadfast Defender 24. Согласно оценкам в зоне ракетного поражения оказывается до 90% территории РФ, и в случае нанесения нескольких последовательных ударов с высокой вероятностью будут поражены около 300 стратегических объектов. Морской ударный компонент дополняется системой ПРО морского базирования

«Иджис», которую США устанавливают на свои корабли и корабли союзников. Быстрыми темпами растет оснащение беспилотными аппаратами воздушного, надводного и подводного типа, которые могут применяться в комбинации с ракетными ударами [Евменов и др., 2023].

Об амбициозных и наступательных планах США в Арктике красноречиво говорит новая военная арктическая стратегия, принятая в конце июля 2024 г. В тексте этого документа Россия и Китай названы угрозами безопасности США. Основные направления американской военной стратегии включают развитие систем связи, управления, командования и разведки; совершенствование военной инфраструктуры; обеспечение постоянного военного присутствия в непосредственной близости от границ РФ в Арктике²².

Завершая, следует еще раз подчеркнуть, что наблюдаемую тенденцию к дестабилизации военно-политической обстановки в Арктике и возможные сценарии поведения ключевых игроков следует оценивать в контексте более общего кризиса международных отношений, не замыкаясь лишь на региональных аспектах безопасности. Арктика перестала быть «зоной мира и сотрудничества» на фоне нарастающего глобального хаоса. Военные конфликты вероятны и в других регионах мира, также требующих ресурсов Запада для удержания контроля.

* * *

С точки зрения национальных интересов РФ военно-стратегическая обстановка в Арктике значительно ухудшилась вследствие окончательной поляризации: Россия против государств — членов НАТО. Ситуацию усугубляет тот факт, что прежде нейтральные Финляндия и Швеция заняли наиболее радикальные антироссийские позиции. Поскольку общественному мнению Запада трудно объяснить антироссийскую политику в Арктике, указывая только на региональный кризис на Украине, эскалация напряженности прикрывается тезисом о гибридных угрозах со стороны России.

США и НАТО взяли курс на милитаризацию Арктики, исходя не из региональных угроз безопасности, а вследствие глубокой транс-

²² 2024 Arctic Strategy. Washington, D.C.: The Department of Defense, 2024. Available at: <https://media.defense.gov/2024/Jul/22/2003507411/-1/-1/0/DOD-ARCTIC-STRATEGY-2024.PDF> (accessed: 10.09.2024).

формации международной системы, связанной с падением американского влияния. В результате тенденция к ухудшению отношений Запада и России в Арктике приобретает затяжной характер. Об этом же косвенно говорят программы военной модернизации Финляндии, Норвегии и других стран, рассчитанные минимум на 10 лет.

Совокупный военный потенциал НАТО в Арктике существенно превосходит потенциал России. Однако имеются и существенные недостатки, ограничивающие его функциональные возможности и снижающие реальную эффективность: малое количество ледоколов (многие из них не способны действовать в Арктике) и военных кораблей ледового класса, недостаточный опыт ведения операций и неадаптированность многих систем оружия к арктическим условиям, недостаточно полное по сравнению с РФ покрытие Арктики космической связью. В то же время все арктические государства вкладывают значительные средства в модернизацию арктических войск, технологий, техники и вооружений.

К основным угрозам военной безопасности России в Арктике следует отнести: наращивание военной инфраструктуры и размещение войск США/НАТО в Финляндии и Норвегии, в непосредственной близости к военным и промышленным объектам РФ на Кольском полуострове; формирование антироссийского блока скандинавских государств для военных действий под управлением НАТО; фактическое включение Арктики в зону ответственности альянса; масштабную модернизацию вооруженных сил арктических держав; усиление за счет Финляндии позиций НАТО в Балтийском регионе, примыкающем к Российской Арктике; активизацию военно-морской деятельности стран НАТО в арктических морях.

Военно-стратегическая ситуация в Арктике характеризуется не только усилением рисков эскалации, но и возрастанием неопределенности. Тренд на стабилизацию возникнет по мере завершения перераспределения сил в глобальном масштабе и реорганизации мирового порядка на новых, «постзападных» принципах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Евменов Н.А., Пучнин В.В., Ещенко Я.В. Основные тенденции изменения характера и содержания военных угроз Российской Федерации с океанских и морских направлений // Военная мысль. 2023. № 5. С. 19–25.

2. Загорский А.В., Тодоров А.А. Военно-политическая обстановка в Арктике: очаги напряженности и пути деэскалации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 79–102. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.79.
3. Конышев В.Н. Арктика на грани гибридной войны? // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 165–182. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.165.
4. Конышев В.Н., Парфёнов Р.В. Гибридные войны: между мифом и реальностью // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 12. С. 46–56. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66.
5. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Новое вино в старых мехах? Об арктической стратегии Дж. Байдена // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 7. С. 77–87. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-63-73.
6. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американские отношения в Арктике: сотрудничество или соперничество? // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111.
7. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Российско-американское научное сотрудничество в Арктике в эпоху геополитической турбулентности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29. № 1. С. 138–144. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.1.12.
8. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Современная военная стратегия Норвегии в Арктике и безопасность России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. № 2. С. 353–368. DOI: 10.24891/ni.13.2.353.
9. Костенко А.Н. Национальная безопасность России и вызовы нового времени // Военная мысль. 2024. № 1. С. 6–14.
10. Мажуга С.Н., Толстых В.В. Характерные особенности современных международных отношений и их влияние на сотрудничество между государствами // Военная мысль. 2023. № 9. С. 6–20.
11. Плевако Н.С. Президентские выборы в Финляндии 2024 г. // Аналитические записки Института Европы РАН. 2024. № 7 (339). С. 44–50.
12. Синчук Ю.В., Журавель В.П. Арктика: НАТО contra Россия // Геополитика и безопасность. 2017. № 3. С. 113–120.
13. Сюзпин Ц., Печерица В.Ф. Милитаризация Арктики и проблемы укрепления безопасности // Российско-китайские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 57–68.
14. Тодоров А.А. Шпицберген в контексте военной безопасности в Арктике // Арктика и Север. 2020. № 39. С. 127–143. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.127.
15. Трунов Ф.О. Особенности и перспективы стратегического проникновения НАТО в Арктику: норвежское направление // Арктика и Север. 2024. № 54. С. 117–139. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.117.

16. Цюй С., Печерица В.Ф., Ло С. Милитаризация Арктики и проблемы укрепления безопасности российского Севера // Российско-китайские исследования. 2024. Т. 8. № 1. С. 57–68. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(1).57-68.

17. Чеков А.Д., Воротников В.В., Чечевишников А.Л., Якутова У.В. Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 10. С. 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29.

18. Чуркин И.П. Обеспечение безопасности Северного морского пути силами оперативного объединения ВВС и ПВО Северного флота // Военная мысль. 2023. № 9. С. 38–44.

19. Bertelsen R. The Arctic as a laboratory of global governance: The case of knowledge-based cooperation and science diplomacy // The global Arctic handbook / Ed. by M. Finger, L. Heininen. Cham: Springer, 2019. P. 251–269.

20. Byers M. International law and the Arctic. Cambridge: Cambridge University Press, 2013.

21. Chivvis C. Hybrid war: Russian contemporary political warfare // Bulletin of the Atomic Scientists. 2017. Vol. 73. No. 5. P. 316–321.

22. Gjørsv G. Security and geopolitics in the Arctic: The increase of hybrid threat activities in the Norwegian High North. Helsinki: The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats, 2024. Available at: <https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2024/03/20240327-Hybrid-CoE-Working-Paper-30-Security-and-geopolitics-in-the-Arctic-WEB-corr.pdf> (accessed: 01.03.2024).

23. Götz E., Staun J. Why Russia attacked Ukraine: Strategic culture and radicalized narratives // Contemporary Security Policy. 2022. Vol. 43. No. 3. P. 482–497. DOI: 10.1080/13523260.2022.2082633.

24. Harjanne A., Muilu E., Smith H. Helsinki in the era of hybrid threats — hybrid influencing and the city. Helsinki: The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats, 2018. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Helsinki-in-the-era-of-hybrid-threats-%E2%80%93-Hybrid-influencing-and-the-city_ENG.pdf (accessed: 01.03.2024).

25. Kavanagh E. Arctic governance: An analysis of a treaty-based cooperation hypothesis // Spanish Yearbook of International Law. 2024. No. 27. P. 257–265.

26. Mälksoo M. The postcolonial moment in Russia's war against Ukraine // Journal of Genocide Research. 2022. Vol. 25. No. 3–4. P. 471–481. DOI: 10.1080/14623528.2022.2074947.

27. Menzel M. Countering hybrid threats with air power? Making true sense of the 'hybrid war' concept // The Journal of the JAPCC. 2018. Ed. 26. P. 80–85. Available at: https://www.japcc.org/wp-content/uploads/JAPCC_J26_screen.pdf (accessed: 17.07.2024).

28. Mikkola H. The geostrategic Arctic: Hard security in the High North. FIIA Briefing Papers. № 259. Helsinki: Finnish Institute of Foreign Affairs, 2019.

29. Nuclear energy and the current security environment in the era of hybrid threats. Research report. Helsinki: The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats, 2019. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Nuclear-Research-Report-2019_web.pdf (accessed: 11.05.2024).

30. Paul M. U.S. Arctic security policy: North American Arctic strategies, Russian hubris and Chinese ambitions // SWP Comments. 2023. No. 40. P. 1–8. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/279928/1/1853037338.pdf> (accessed: 16.05.2024).

31. Tingstad A., Savitz S., Sacks B. Report on the Arctic capabilities of the U.S. Armed Forces. Homeland Security Operational Analysis Center. Santa Monica: RAND, 2023.

32. Treverton G., Thvedt A., Chen A. Addressing hybrid threats. Stockholm: Swedish Defense University, 2018.

REFERENCES

1. Evmenov N.A., Puchnin V.V., Eshchenko Ya.V. 2023. Osnovnye tendentsii izmeneniya kharaktera i soderzhaniya voennykh ugroz Rossiiskoi Federatsii s okeanskikh i morskikh napravlenii [Main trends in the changing nature and content of military threats to the Russian Federation from oceanic and naval directions]. *Voennaya 'mysl'*, no. 5, pp. 19–25. (In Russ.)

2. Zagorskii A.V., Todorov A.A. 2021. Voенно-politicheskaya obstanovka v Arktike: ochagi napryazhennosti i puti deeskalatsii [Military-political situation in the Arctic: Hotspots of tension and ways of de-escalation]. *Arktika i Sever*, no. 44, pp. 79–102. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.44.79. (In Russ.)

3. Konyshchev V.N. 2020. Arktika na grani gibridnoi voyny? [Is the Arctic on the brink of a hybrid war?]. *Arktika i Sever*, no. 40, pp. 165–182. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.40.165. (In Russ.)

4. Konyshchev V.N., Parfenov R.V. 2019. Gibridnye voyny: mezhdu mifom i real'nost'yu [Hybrid wars: Between myth and reality]. *World Economy and International Relations*, vol. 63, no. 12, pp. 46–56. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-56-66. (In Russ.)

5. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. 2023. Novoe vino v starykh mekhakh? Ob arkticheskoi strategii Dzh. Baidena [New wine in old skins? On the Biden administration's Arctic strategy]. *World Economy and International Relations*, vol. 67, no. 7, pp. 77–87. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-7-63-73. (In Russ.)

6. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. 2018. Rossiisko-amerikanskie otnosheniya v Arktike: sotrudnichestvo ili sopernichestvo? [U.S. — Russia relations in the Arctic: Cooperation or competition?]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 9, pp. 103–111. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-103-111. (In Russ.)

7. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. 2024. Rossiisko-amerikanskoe nauchnoe sotrudnichestvo v Arktike v ehpokhu geopoliticheskoi turbulentnosti [Russian-

American scientific cooperation in the Arctic in the age of geopolitical turbulence]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 29, no. 1, pp. 138–144. DOI: 10.15688/jvolsu4.2024.1.12. (In Russ.)

8. Konyshov V.N., Sergunin A.A. 2017. Sovremennaya voennaya strategiya Norvegii v Arktike i bezopasnost' Rossii [Contemporary military strategy of Norway in the Arctic and the security of Russia]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, vol. 13, no. 2, pp. 353–368. DOI: 10.24891/ni.13.2.353. (In Russ.)

9. Kostenko A.N. 2024. Natsional'naya bezopasnost' Rossii i vyzovy novogo vremeni [Russia's national security and modern challenges]. *Voennaya mysl'*, no. 1, pp. 6–14. (In Russ.)

10. Mazhuga S.N., Tolstykh V.V. 2023. Kharakternye osobennosti sovremennykh mezhdunarodnykh otnoshenii i ikh vliyanie na sotrudnichestvo mezhdu gosudarstvami [The characteristics of contemporary international relations and their impact on cooperation between states]. *Voennaya mysl'*, no. 9, pp. 6–20. (In Russ.)

11. Plevako N.S. 2024. Prezidentskie vybory v Finlyandii 2024 g. [Presidential elections in Finland 2024]. *Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN*, no. 7 (339), pp. 44–50. (In Russ.)

12. Sinchuk Yu.V., Zhuravel' V.P. 2017. Arktika: NATO contra Rossiya [Arctic: NATO contra Russia]. *Geopolitika i bezopasnost'*, no. 3, pp. 113–120. (In Russ.)

13. Xueping C., Pecheritsa V. 2024. Militarizatsiya Arktiki i problemy ukrepleniya bezopasnosti [Militarization of the Arctic and security enhancement issues]. *Rossiisko-kitajskie issledovaniya*, vol. 8, no. 1, pp. 57–68.

14. Todorov A.A. 2020. Shpitsbergen v kontekste voennoi bezopasnosti v Arktike [Svalbard in the context of Arctic security]. *Arktika i Sever*, no. 39, pp. 127–143. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2020.39.127. (In Russ.)

15. Trunov F.O. 2024. Osobennosti i perspektivy strategicheskogo proniknoveniya NATO v Arktiku: norvezhskoe napravlenie [Features and perspectives of NATO's strategic penetration into the Arctic: The Norwegian dimension]. *Arktika i Sever*, no. 54, pp. 117–139. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.117. (In Russ.)

16. Tsyui S., Pecheritsa V.F., Lo S. 2024. Militarizatsiya Arktiki i problemy ukrepleniya bezopasnosti rossiiskogo Severa [Militarisation of the Arctic and problems of strengthening the security of the Russian North]. *Rossiisko-kitaiskie issledovaniya*, vol. 8, no. 1, pp. 57–68. DOI: 10.17150/2587-7445.2024.8(1).57-68. (In Russ.)

17. Chekov A.D., Vorotnikov V.V., Chechevishnikov A.L., Yakutova U.V. 2023. Posledstviya vstupleniya Finlyandii i Shvetsii v NATO dlya natsional'noi bezopasnosti Rossii [Finland and Sweden joining NATO: Consequences for Russia's national security]. *World Economy and International Relations*, vol. 67, no. 10, pp. 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29. (In Russ.)

18. Churkin I.P. 2023. Obespechenie bezopasnosti Severnogo morskogo puti silami operativnogo ob"edineniya VVS i PVO Severnogo flota [Protection of the Northern Sea route by the air force and the anti-aircraft operational group of the Northern Fleet]. *Voennaya mysl'*, no. 9, pp. 38–44. (In Russ.)

19. Bertelsen R. 2019. The Arctic as a laboratory of global governance: The case of knowledge-based cooperation and science diplomacy. In: Finger M., Heininen L. (eds.). *The global Arctic handbook*. Cham, Springer, pp. 251–269.

20. Byers M. 2013. *International law and the Arctic*. Cambridge, Cambridge University Press.

21. Chivvis C. 2017. Hybrid war: Russian contemporary political warfare. *Bulletin of the Atomic Scientists*, vol. 73, no. 5, pp. 316–321.

22. Gjorv G. 2024. *Security and geopolitics in the Arctic: The increase of hybrid threat activities in the Norwegian High North*. Helsinki, The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats. Available at: <https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2024/03/20240327-Hybrid-CoE-Working-Paper-30-Security-and-geopolitics-in-the-Arctic-WEB-corr.pdf> (accessed: 01.03.2024).

23. Götz, E., Staun, J. 2022. Why Russia attacked Ukraine: Strategic culture and radicalized narratives. *Contemporary Security Policy*, vol. 43, no. 3, pp. 482–497. DOI: 10.1080/13523260.2022.2082633.

24. Harjanne A., Muilu E., Smith H. 2018. *Helsinki in the era of hybrid threats — hybrid influencing and the city*. Helsinki, The European Center for Excellence for Countering Hybrid Threats. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Helsinki-in-the-era-of-hybrid-threats-%E2%80%93-Hybrid-influencing-and-the-city_ENG.pdf (accessed: 01.03.2024).

25. Kavanagh E. 2024. Arctic governance: An analysis of a treaty-based cooperation hypothesis. *Spanish Yearbook of International Law*, no. 27, pp. 257–265.

26. Mälksoo M. 2022. The postcolonial moment in Russia's war against Ukraine. *Journal of Genocide Research*, vol. 25, no. 3–4, pp. 471–481. DOI: 10.1080/14623528.2022.2074947.

27. Menzel M. 2018. Countering hybrid threats with air power? Making true sense of the 'hybrid war' concept. *The Journal of the JAPCC*, ed. 26, pp. 80–85. Available at: https://www.japcc.org/wp-content/uploads/JAPCC_J26_screen.pdf (accessed: 17.07.2024).

28. Mikkola H. 2019. *The geostrategic Arctic: Hard security in the High North*. FIIA Briefing Papers. № 259. Helsinki, Finnish Institute of Foreign Affairs.

29. *Nuclear energy and the current security environment in the era of hybrid threats*. 2019. Research Report. Helsinki, The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats. Available at: https://www.hybridcoe.fi/wp-content/uploads/2020/07/Nuclear-Research-Report-2019_web.pdf (accessed: 11.05.2024).

30. Paul M. 2023. U.S. Arctic security policy: North American Arctic strategies, Russian hubris and Chinese ambitions. *SWP Comments*, no. 40, pp. 1–8.

Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/279928/1/1853037338.pdf> (accessed: 16.05.2024).

31. Tingstad A., Savitz S., Sacks B. 2023. *Report on the Arctic capabilities of the U.S. Armed Forces*. Homeland Security Operational Analysis Center. Santa Monica, RAND.

32. Treverton G., Thvedt A., Chen A. 2018. *Addressing hybrid threats*. Stockholm, Swedish Defense University.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024;
одобрена после рецензирования 16.07.2024;
принята к публикации 26.09.2024

The paper was submitted 11.06.2024;
approved after reviewing 16.07.2024;
accepted for publication 26.09.2024

Е.О. Лабецкая*

АРКТИЧЕСКИЙ ФРОНТ МИРОВОЙ ГИБРИДНОЙ ВОЙНЫ

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений
имени Е.М. Примакова Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Роль и значение Арктики в международных отношениях конца XX — начала XXI в. неоднократно менялись, соответственно менялись и их оценки в академических публикациях. В настоящий момент Арктика пусть пока и не превратилась в театр военных действий, но уже стала ареной ожесточенного международного соперничества. Для того чтобы правильно понять его масштаб, динамику и возможные последствия, в настоящий момент представляется целесообразным взглянуть на него через линзы концепции «гибридной войны». В первом разделе статьи проведен обстоятельный обзор ключевых подходов к определению феномена гибридной войны и ее специфических черт. Особое внимание уделено анализу теоретических наработок НАТО в области изучения методов ведения гибридных войн и практических шагов по их применению в Арктике. Во втором разделе рассмотрены конкретные формы и проявления гибридной войны в Трансарктике. Автор отмечает, что особенно масштабному враждебному гибриднему воздействию со стороны государств НАТО подвергается население островов Шпицберген и Врангеля, серьезный риск для региональной стабильности несут русофобские нарративы, насаждаемые среди народов мирового Заполярья. По мнению автора, для противодействия гибридным угрозам со стороны коллективного Запада Российской Федерации необходимо разработать комплексную арктическую стратегию, которая включала бы, помимо прочего, эффективную систему мониторинга геополитических угроз — в отношении не только России, но также ее партнеров

* Лабецкая Екатерина (Катерина) Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник отдела международно-политических проблем Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) (e-mail: lbtiskaya@imemo.ru; ORCID: 0000-0003-4144-4444).

по БРИКС+, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ; меры по укреплению взаимодействия с евразийскими, международными и межправительственными структурами, бизнес-сообществами, не поддающимися санкционному прессингу; программы развития коренных народов, нацеленные на сохранение их цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: Арктика, гибридные войны, конфликты низкой интенсивности, мировая гибридная война, Россия, Арктическая зона, НАТО, коллективный Запад, Крайний Север

Для цитирования: Лабецкая Е.О. Арктический фронт мировой гибридной войны // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174.

Ekaterina O. Labetskaya

THE ARCTIC FRONT OF THE GLOBAL HYBRID WARFARE

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO)
3, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997*

The role and significance of the Arctic in international relations of the late 20th and early 21st centuries have undergone serious changes, and so have their assessments in the academic literature. To date, the Arctic has already turned into the scene of bitter international rivalry, albeit not yet a theater of military operations. In order to provide a better understanding of the scale, dynamics, and potential consequences of these developments, the author examines them through the lens of the hybrid warfare concept. The first section provides a thorough review of the key approaches to the definition of the hybrid warfare and its specific features. The author pays special attention to the NATO's theoretical advances in the methods of the hybrid warfare and their practical implementation in the Arctic region. The second section examines the specific forms and manifestations of hybrid warfare in the Transarctic. The researcher notes that the population of the islands of Svalbard and Wrangel is exposed to a remarkably large-scale hostile hybrid influence from the NATO countries, and concludes that Russophobic narratives peddled to the peoples of the Subarctic pose a serious risk to regional stability. The author argues that in order to counter hybrid threats from the collective West, Russia needs to develop a comprehensive Arctic strategy. The latter should include, inter alia, an effective system for monitoring

geopolitical threats not only against Russia, but also against its BRICS+, SCO, EAEU, CSTO partners; measures to strengthen cooperation with Eurasian, international and intergovernmental structures and business communities unyielding against sanctions pressure; programs for the development of indigenous peoples aimed at preserving their civilizational identity.

Keywords: Arctic, hybrid wars, low-intensity conflicts, global hybrid warfare, Russia, Arctic zone, NATO, collective West, Far North

About the author: Ekaterina O. Labetskaya — PhD (Economics), Leading Research Fellow at the Department of International Political Problems, Section of Systemic Problems of International Relations, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: lbtiskaya@imemo.ru; ORCID: 0000-0003-4144-4444).

For citation: Labetskaya E.O. 2024. The Arctic front of the global hybrid warfare. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 153–174. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-153-174. (In Russ.)

Холодный накал гибридной войны

Оценки места и роли Арктики в геостратегических и геополитических реалиях XX и XXI вв. постоянно трансформировались, подвергаясь то «секьюритизации», то «десекьюритизации» [Международное сотрудничество в Арктике, 2013; Хотькова и др., 2014; Гудев, 2014; Загорский, 2016; Иваницкая, 2017; Лабетская, 2021]. Арктика эпохи холодной войны, еще не обретшая глобальную экономическую значимость, рассматривалась исключительно как потенциальный театр военных действий (ТВД) двух блоков — Организации Варшавского договора и Североатлантического альянса. Затем в тумане мурманских инициатив (1987) М.С. Горбачёва по превращению Арктики в зону мира и сотрудничества стали зарождаться иллюзии, будто отдельно взятый регион, в частности мировое Заполярье, может беззаботно существовать вне биполярной системы международных отношений. Ельцинская же эпоха привнесла в политологию бурные фантазии о формировании бесконфликтной Арктики, как будто антагонистические межцивилизационные, геостратегические и геополитические противоречия бесследно смелись подобострастными пасами одиозного Андрея Козырева, тогдашнего главы внешнеполитического ведомства «Новой» России. Последние иллюзии отно-

сительно реалий современной Арктики развеяли события февраля 2022 г.: жесткое противостояние РФ с коллективным Западом разбило розовые политологические очки. Арктика не превратилась пока в ТВД жесткого противоборства, но уже стала фронтом гибридной войны (ГВ) [Лабецкая, 2022].

Для понимания специфики этого типа конфликтов имеет смысл обратиться к трудам военных теоретиков. К примеру, в 2019 г. в РФ была переведена на русский язык получившая мировое признание еще в 1991 г. книга Мартина ван Кревельда «Трансформация войны» [Кревельд, 2015]. Анализу его нестандартных взглядов на войну посвящена объективная редакционная статья в журнале «Новый оборонный заказ. Стратегии»¹. Конечно, в контексте нынешней эпохи тезис М. ван Кревельда о «значительном эволюционировании природы военных действий на протяжении всей истории» возражений не вызывает. Так же, как и его определение войны. Он рассматривает ее «как многогранное явление, а не только военное противостояние», «как социальную и политическую деятельность, в которой участвует всё общество». Однако представляется верной точка зрения автора редакционной статьи, отмечающего: «Вопреки прогнозам теоретика, “классические” высокоинтенсивные войны отнюдь не являются пережитком прошлого, а переживают новый всплеск». Правомерна и критика «стремления М. ван Кревельда преувеличить роль негосударственных акторов и преуменьшить роль государства в ведении новых войн»².

Советский и российский военный теоретик, генерал-майор, академик Российской академии естественных наук (РАЕН) И.С. Даниленко отмечал: «Общественная история идет в неровном, но устойчивом миро-военном ритме (мир–война–мир–война–мир). Интервалы между периодами мира и войны меняются. При этом война достается на жизнь почти каждого поколения народонаселения всех стран»³. Не миновала она и современное поколение.

¹ Мартин ван Кревельд и новые войны // Новый оборонный заказ. Стратегии. 22.02.2024. Доступ: <https://dfnc.ru/sci/martina-van-kreveld-i-novye-voyny/> (дата обращения: 16.08.2024).

² Там же.

³ Цит. по: Тулаев П.В. Симфония военной теории и философии. Памяти Игната Семеновича Даниленко (1932–2019) // Независимое военное обозрение. 28.02.2020. Доступ: https://nvo.ng.ru/realty/2020-02-28/10_1083_danilenko.html (дата обращения: 11.08.2024).

Солидарен с такой оценкой исторического развития человечества и другой академик РАН — профессор Э.А. Поздняков: «Если снять с истории наброшенный на нее эстетствующими историками флер, она предстанет перед нами в подлинном своем виде как нескончаемый поток войн между народами как в рамках одной цивилизации, так и в цивилизациях разных». Делая вывод, что «война есть основной способ существования человека, и сам он по глубинной природе своей не кто иной, как *Homo bellans* (существо воюющее)», Э.А. Поздняков констатирует: «Войны обязаны природе человека и тем общественным отношениям, в которых он существует» [Поздняков, 2010: 221].

Яркая ретроспектива войн человечества представлена в работе российского историка А.В. Фененко, в которой он приходит к логичному заключению: «“Гибридные войны” — просто одно из названий подвида ограниченных войн, существовавшего на протяжении всей истории человечества. Все идеи “гибридизации” войны — не более чем англосаксонская стратегия ведения ограниченных войн с опорой на опыт войн раннего Нового времени»⁴.

Однако, как гласит проверенная историей латинская пословица, «времена меняются, и мы меняемся вместе с ними»⁵. Меняются и условия существования *Homo bellans*. Сегодня «глубинные социальные причины войны не только сохраняются, но и возрастают». Вместе с тем «мир стал слишком тесен, а имеющиеся в распоряжении государств средства уничтожения слишком разрушительны для масштабной войны», — акцентирует Э.А. Поздняков [Поздняков, 2010: 222–223]. И вот сегодня милитаристский арсенал пополняется новым инструментарием — средствами ГВ, менее затратными, размытыми и трудно уличаемыми в своей вредоносности. Мнение Э.А. Позднякова близко и И.С. Даниленко, который констатировал: «Войны многолики. Они принимают все более нетрадиционный характер. Порой трудно уловить грань между войной и миром. А это очень важно для политической практики»⁶.

Своеобразным теоретическим обоснованием феномена ГВ стал концепт «мягкой силы» (*soft power*) американского политолога Дж.

⁴Фененко А. Мифы «гибридной войны» // Национальная оборона. 31.07.2023. Доступ: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/mify-gibridnoj-vojny-44861.shtml> (дата обращения: 18.08.2024).

⁵Tempora mutantur et nos mutamur in illis (лат.).

⁶Цит. по: Тулаев П.В. Указ. соч.

Ная [Най, 2006], а вскоре в реальную политику стремительно ворвались и модификации «мягкой силы» — «умная», «разумная» и «резкая» (*smart power, intelligent power, sharp power*)⁷ [Лабецкая, 2018b]. «Масштабы развернутой Западом работы [против РФ] позволяют говорить о необъявленной гибридной войне», — отмечал уже в конце 2017 г. директор Службы внешней разведки РФ С.Е. Нарышкин⁸.

Достаточно часто в контексте изучения ГВ упоминается образ «серых зон», под которыми понимается виртуальное пространство между миром и войной. В российской политологии встречается и такая трактовка «серой зоны», как «исчезновение четко очерченных различий между угрозами внутри страны и внешними угрозами, размывание “непроницаемости” национальных границ» [Дронов, 2023: 68].

Глубокое монографическое исследование «серых зон» провел член-корреспондент Академии военных наук, эксперт Лиги военных дипломатов А.А. Бартош. Рассматривая «серую зону» как плацдарм гибридной агрессии, ученый, пожалуй, впервые в отечественной политологии осмыслил место этого «политического стратегического пространства в операционной среде», проанализировал, как «международная система, балансируя на грани войны и мира, переформируется под правила нового миропорядка». Особого внимания заслуживают сформулированные им «факторы гибридного стратегического неядерного сдерживания и принуждения» [Бартош, 2021: 4–5, 37, 177, 292].

Что касается собственно термина «гибридная война», то его прочное внедрение в политологический оборот пришлось на 2015 г. После нескончаемых (чаще всего русофобских) обсуждений связанной с ним проблематики его наиболее обобщенное определение сформулировал Международный институт стратегических исследований (IISS)⁹: «Использование военных и невоенных инструментов в интегрированной кампании, направленной на достижение внезап-

⁷ Nye J.S. How sharp power threatens soft power. The right and wrong ways to respond to authoritarian influence // Foreign Affairs. 24.01.2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-01-24/how-sharp-power-threatens-soft-power?cid=int-fls&pctype=hpg> (accessed: 11.08.2024).

⁸ Нарышкин заявил о ведении США гибридной войны против стран СНГ // Росбалт. 19.12.2017. Доступ: <http://www.rosbalt.ru/russia/2017/12/19/1669627.html> (дата обращения: 27.07.2024).

⁹ International Institute for Strategic Studies — крупный мозговой центр со штаб-квартирой в Лондоне, созданный в 1958 г. для изучения проблем конфликтологии, нераспространения и ядерного сдерживания.

ности, захват инициативы и получение психологических преимуществ, используемых в дипломатических действиях; масштабные и стремительные информационные, электронные и кибероперации; прикрытие и сокрытие военных и разведывательных действий в сочетании с экономическим давлением»¹⁰. В последующие годы инструментарий ГВ получил не только разностороннее развитие в научных публикациях, но и практическое внедрение¹¹ [Carment, Belo, 2018; Mikac et al., 2022; Sanz-Caballero, 2023].

Наиболее полную подборку западных интерпретаций понятия ГВ представил исследовательский центр по международным вопросам CIDOB [Bargués, Bourekba, 2022]. Аналитики ГВ, иногда расходясь в оценках новизны «гибридности» в стратегии и тактике, в основном едины в понимании самого арсенала используемых средств [Bargués-Pedreny, 2018; Johnson, 2018; Fridman, 2018; O'Driscoll, 2019; Stensrud, Østhagen, 2024]. В целом их оценки совпадают и с позицией НАТО.

Серьезное внимание стратегическим разработкам методов ГВ и противодействию им альянс уделяет с начала 2000-х годов. Впервые же свое отношение к ГВ, гибридным угрозам и методам противостояния им он достаточно полно изложил в 13-м пункте Заявления по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе (4–5 сентября 2014). Там подчеркивалась необходимость эффективного преодоления альянсом «конкретных вызовов, возникающих в связи с угрозами гибридной войны, при ведении которой применяется широкий ряд тесно взаимосвязанных открытых и скрытых военных, военизированных и гражданских мер». Ставилась задача получения «инструментов и процедур, необходимых для эффективного сдерживания угроз гибридной войны и реагирования на них, а также потенциалы для усиления войск (сил) государств». Речь велась об «усилении стратегических коммуникаций, разработке сценариев учений в свете гибридных угроз и укреплении координации между НАТО и другими организациями в соответствии с принятыми решениями, с тем чтобы улучшить обмен информацией, политические консультации

¹⁰ Цит. по: Бартош А.А. Смыслы гибридной войны // Научно-исследовательский центр проблем национальной безопасности. 12.07.2017. Доступ: <https://nic-pnb.ru/vneshnepoliticheskie-aspekty-bezopasnosti/smysly-gibridnoj-voyny/> (дата обращения: 26.07.2024).

¹¹ Howard L.M. A look at the laws of war — and how Russia is violating them // United States Institute of Peace. 29.09.2022. Available at: <https://www.usip.org/publications/2022/09/look-laws-war-and-how-russia-violating-them> (accessed: 26.07.2024).

и координацию на уровне секретариатов (штабов)»¹². В мае 2024 г. на сайте НАТО появился обобщенный аналитический материал под названием «Противодействие гибридным угрозам», препарирующий методы, инструментарий ГВ, ее географический охват¹³.

Не отстает от теории и практика альянса. Сценарии борьбы с терроризмом и проявлениями ГВ отрабатывались в ходе натовских учений «Nighthawk 21»¹⁴. Их задача — достижение слаженности сил специальных операций из 13 стран — членов и партнеров блока. Весьма показателен симпозиум НАТО по противодействию гибридным угрозам, собравший 12–13 декабря 2023 г. в Хельсинки (Финляндия) экспертов, представителей альянса и военно-промышленного комплекса. «НАТО остается уникальным и незаменимым форумом для консультаций, координации и принятия мер в отношении гибридных угроз»¹⁵, — заявил помощник генсека альянса по новым вызовам безопасности Д. ван Вил. В центре внимания была подготовка к противодействию «политическим, экономическим, энергетическим, информационным и др. гибридным тактическим приемам, сдерживанию и защите от них». Очевидно, что перечисление такого арсенала свидетельствует о фундаментальной проработке и практическом применении альянсом этих мер в отношении вероятного/потенциального противника, прежде всего РФ.

Примечательно, что именно в Хельсинки базируется Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам, который ориентирован на оказание помощи странам-участницам в повышении их военно-гражданского потенциала, устойчивости и готовности противодействовать гибридным угрозам. Причем открыт он был задолго до вступления Финляндии в НАТО — в октябре 2017 г.

¹² Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе, обнародовано главами государств и правительств, участвующими в заседании Североатлантического союза в Уэльсе, 4–5 сентября 2014 г. // Организация Североатлантического договора. Доступ: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 23.09.2024).

¹³ Countering hybrid threats // North Atlantic Treaty Organization. 07.05.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (accessed: 23.09.2024).

¹⁴ Учения Северной Европы для войск специального назначения «Night Hawk 2021» проходили с 27 сентября по 7 октября 2021 г. в Дании.

¹⁵ Представители промышленности и эксперты принимают участие в симпозиуме в Финляндии для укрепления мер реагирования НАТО на гибридные угрозы // Организация Североатлантического договора. 18.12.2023. Доступ: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_221179.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 25.08.2024).

К методам ГВ альянс относит пропаганду, дезинформацию, саботаж и другие невоенные тактики, призванные дестабилизировать противников. При этом в качестве новизны в использовании этих, в общем-то, вполне древних методов на сайте альянса отмечаются скорость, масштаб и интенсивность атак, обусловленных колоссальными технологическими изменениями и глобальной взаимосвязанностью¹⁶. Соответственно первостепенное значение придается киберзащите, повышению устойчивости, стратегическим коммуникациям, улучшению ситуационной осведомленности и учениям. Кстати, и вне зоны ответственности альянса. Так, на саммите НАТО в Варшаве (июль 2016 г.) была создана «Платформа НАТО–Украина по противодействию гибридной войне».

Для реагирования на гибридные угрозы альянс также использует Центр передового опыта в области стратегических коммуникаций (Рига, Латвия), Центр передового опыта в области совместной киберобороны (Таллин, Эстония), Центр передового опыта в области энергетической безопасности (Вильнюс, Литва), Военно-морскую аспирантуру в Монтерее (Калифорния, США). Все эти структуры могут быть вовлечены в реализацию арктических устремлений НАТО.

В отечественной политологии отношение к ГВ весьма неоднозначное. Кто-то с усмешкой называет ее оксюмороном. Другие придерживаются классификации К. фон Клаузевица [Клаузевиц, 1936], делившего войны на тотальные и ограниченные [Фененко, 2022: 13]. Для кого-то привычнее термины «горячая», «холодная» и «опосредованная» (англ. *proxy war*) война.

Но война есть война. И для описания ее современной специфики перспективным представляется образ «мировой гибридной войны» (МГВ). Наиболее полно, пожалуй, этот концепт был определен отечественными учеными: «МГВ — многомерный междоцивилизационный военный конфликт, в ходе которого государства прибегают к целенаправленному адаптивному применению как военно-силовых способов борьбы, так и экономического удушения противника, использования подрывных информационных и кибертехнологий»¹⁷.

¹⁶ Countering hybrid threats // North Atlantic Treaty Organization. 07.05.2024. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_156338.htm (accessed: 23.09.2024).

¹⁷ Бартош А. Мировая гибридная война в стратегии США и НАТО // Независимое военное обозрение. 24.02.2022. Доступ: https://nvo.ng.ru/concepts/2022-02-24/1_1178_strategy.html (дата обращения: 26.07.2024).

Циркумпольная критичность Арктической зоны Российской Федерации

Трансарктика¹⁸ стала одним из стратегически наиболее важных фронтов ГВ в геополитической сцепке ключевых транснациональных пространств «Трансатлантика — Трансарктика — Транстихоокеания» [Лабецкая, 2024]. Конечно, если говорить о чисто европейском соседстве, то можно согласиться, что «в обозримом будущем Балтийский регион» будет его «наиболее милитаризованной и враждебной России» частью¹⁹. Но если исходить из глобального противостояния коллективного Запада РФ и ее партнерам, из современных реалий глобального управления, то наиболее конфликтогенным представляется противоборство в транснациональных пространствах [Keohane, 1998; Транснациональные политические пространства..., 2011; Прохоренко, 2012], прежде всего в Трансарктике. Здесь неизбежен антагонизм интересов Трансатлантики, неотрывной частью которой Балтия и является, и Транстихоокеании. Причем, в отличие от XX в., противоречия в Трансарктике будут формироваться не на уровне национальных государств, а в междивилизационном контексте и в плоскости пересечения интересов Североатлантического альянса с «мужающими» международными структурами Большой Евразии (ШОС, БРИКС+, ОДКБ и, возможно, с всё же сегодня востребованным Советом по мерам доверия в Евразийском Заполярье). И всему этому процессу будут сопутствовать углубление и обострение МГВ на циркумпольном фронте.

Ярким примером первых актов ГВ в высоких широтах можно считать отблески украинского пожара в западных нарративах, касающихся северных рубежей РФ. К примеру, американские аналитики рассматривают специальную военную операцию (СВО) России на

¹⁸ Трансарктика — виртуальное транснациональное пространство, складывающееся в реалиях трансграничного взаимодействия разноуровневых акторов (от национальных государств до неправительственных организаций) на основе формальных/неформальных механизмов. Своеобразная политическая надстройка над военно-экономическим базисом мирового Заполярья, большая часть которого приходится на евразийско-арктический римленд, включая российскую Арктическую зону (АЗ РФ).

¹⁹ Тренин Д. Как Москва должна реагировать на угрозы соседей по Балтийскому региону // Профиль. 13.08.2024. Доступ: <https://profile.ru/politics/kak-moskva-dolzha-reagirovat-na-ugrozy-sosedej-po-baltijskomu-regionu-1564142/> (дата обращения: 14.08.2024).

Украине как открытие новых возможностей для США и иже с ними в Арктике: «Это даст Соединенным Штатам и западным союзникам время закрыть пробелы в оперативных возможностях, одновременно развивая северную часть интегрированного сдерживания»²⁰.

В этом контексте представляется обоснованным вывод Д. Минина, что в нынешней ГВ коллективный Запад делает ставку на растягивание ресурсов РФ: «Вряд ли случайным совпадением являются принятие Соединенными Штатами новой арктической стратегии и слом Минских соглашений, открывший путь к переходу внутриукраинского конфликта в горячую фазу с вовлечением других стран. Ведь едва ли ни первое, чего они таким образом добились, — это переход в лагерь НАТО многолетних приарктических нейтралов, Швеции и Финляндии. <...> Одновременно объявлено и о значительном увеличении общих затрат на северное направление политики США и НАТО»²¹. Отметим, что в последние годы обновление арктических стратегий затронуло практически всех партнеров США.

Весьма специфическим участком циркумполярного фронта ГВ является о. Шпицберген, рассматриваемый западными экспертами «как особо уязвимый к тактике серой зоны». В частности, «утверждается, что архипелаг Шпицберген является одним из арктических районов, подпадающих под ответственность НАТО», что «вторжение России на Украину и его стратегические последствия на глобальном уровне втянули объединенную НАТО в Арктику как свершившийся факт». Но с учетом «спорного характера» статьи 9 договора по Шпицбергену к нему рекомендуется применить индивидуальный подход. <...> В частности, на нынешнем этапе обеспечить наличие мощных десантных сил на материковой части Норвегии, потенциально с проекцией в сторону Шпицбергена», а территорию самого архипелага пока рассматривать как «серую зону». Кроме того, «сдерживание гибридных угроз требует дальнейшего объединения северного фронта НАТО путем согласования дипломатических позиций по поводу норвежского суверенного статуса Шпицбергена.

²⁰ Humpert M. From Ukraine to the Arctic: Russia's capabilities in the region and the war's impact on the north // High North News. 20.09.2023. Available at: <https://www.highnorthnews.com/en/ukraine-arctic-russias-capabilities-region-and-wars-impact-north> (accessed: 26.07.2024).

²¹ Минин Д. Арктический фронт СВО // Фонд стратегической культуры. 25.01.2023. Доступ: <https://www.fondsk.ru/news/2023/01/25/arkticheskij-front-svo-58313.html?print> (дата обращения: 27.07.2024).

<...> В духе гибридной войны рассматривается также в Норвегии судьба Баренцбурга и шахтерской Пирамиды, российских поселений на архипелаге»²².

Напомним, что под санкционным прессингом Запада этим российским поселениям пришлось окупаться в атмосферу ГВ. Осло пытался ограничить в регионе права российских рыбаков и судоремонтные услуги для россиян. С 29 мая с.г. запрещен въезд на Шпицберген российским туристам. Всё чаще обсуждается в западных СМИ тема перехода проживающих на Шпицбергене россиян в норвежское гражданство. В таких «недобрососедских» условиях в феврале 2024 г. зампред правительства — полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе Ю. Трутнев провел заседание Правительственной комиссии по обеспечению российского присутствия на архипелаге Шпицберген. В своем выступлении он акцентировал: «Никакие полученные Россией права и преимущества не должны быть уменьшены или ущемлены. <...> Сегодня за суверенитет нашей страны, за право людей говорить на русском языке наши бойцы проливают кровь. Я думаю, что к работе здесь в Правительстве надо относиться так же, что работа здесь — это тоже борьба за наш суверенитет, борьба за права России и россиян»²³.

Еще один участок геополитических противоречий Трансарктики — о. Врангеля, что расположен в 500 км от Аляски (США). С 1936 г. он входит в состав Чукотского автономного округа. Флаг же СССР был водружен на нем еще в 1924 г. Особой гидрографической экспедицией. Между тем с 1920-х годов в американских СМИ не утихали дебаты касательно американской принадлежности острова (дискуссия «Wrangle over Wrangel Island»). Хотя в 1990 г. было подписано Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств²⁴, документ ратифицирован так и не был. К тому же и в нем статус о. Врангеля не фиксировался. Так что эта

²² Там же.

²³ Юрий Трутнев: Никакие полученные Россией права и преимущества не должны быть уменьшены или ущемлены // Правительство России. 13.02.2024. Доступ: <http://government.ru/news/50865> (дата обращения: 23.09.2024).

²⁴ Соглашение между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о линии разграничения морских пространств, 1 июня 1990 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/48960/ (дата обращения 23.09.2024).

российско-американская дилемма может легко быть превращена Вашингтоном в узел критичности (УК)²⁵ в рамках концепции «глобальной критичности».

Согласно этой концепции «обеспечение эффективности формирования и использования УК в стратегии гибридной войны требует глубокого понимания и учета особенностей всех сфер общественной жизни государства: административно-политической, включая военную, финансово-экономической, культурно-мировоззренческой. Знание текущего состояния и прогнозирование перспектив развития каждой из сфер позволит подвергать выявленные в ней УК воздействиям импульсами хаоса или порядка»²⁶.

В условиях, когда грань между войной и миром фактически размыва, при анализе развития Трансарктики и соответственно Арктической зоны (АЗ) РФ как одной из крупнейших ее подсистем приходится учитывать вероятность использования российскими антагонистами абсолютно новых информационно-технологических решений. В том числе и через рабочие группы, созданные в рамках Арктического совета, по сути, трансформировавшегося из А8 в А7+1(РФ), а также через арктические «компетенции» расширившейся за счет Финляндии и Швеции НАТО. В этих условиях необходима проработка управленческих решений по развитию аналогичных технологий в рамках дружественных многосторонних структур, где всё большее число участников проявляют заинтересованность в разработке собственных национальных арктических стратегий. Речь о таких заинтересованных институтах, как БРИКС+, ШОС, ОДКБ, в перспективе своеобразный Совет по мерам доверия в мировом Заполярье.

При этом перед Россией встает задача развивать АЗ РФ в русле «двойного назначения», где любая гражданская сфера, институт, индивид может быть при необходимости «повернут своей военной ипостасью». Хочешь мира — готовься к войне, в данном случае

²⁵ Узел критичности — цель, выбранная для воздействия в ходе гибридной операции/войны. Понятие «узел критичности» охватывает широкий круг объектов, на которые воздействуют гибридные угрозы в ходе операций гибридной войны.

²⁶ Бартош А., Летяго А. Новые инструменты гибридной войны. Воздействие на узлы критичности способно ввергнуть в хаос государства и уничтожить их политическую систему // Национальная оборона. 04.11.2021. Доступ: <https://oborona.ru/product/zhurnal-nacionalnaya-oborona/novye-instrumenty-gibridnoj-vojny-42773.shtml> (дата обращения: 21.08.2024).

в Арктике. Неслучайно в АЗ РФ есть факты использования в отношении населения западного инструментария «мягкой силы» [Лабецкая, 2018а]. В целом для выходцев из советской эпохи, живших с лозунгом «Готов к труду и обороне», это не ново. Новы здесь вызовы конвергентных технологий шестого технологического уклада, подразумевающие использование в рамках ГВ нано-, био-, инфокогнитивных разработок. По мнению В.М. Буренка, эти технологии отличаются высочайшей степенью эффективности при сопряженном, взаимоувязанном, синергетическом применении. «При этом биотехнологии включают биомедицину и генную инженерию, информационные — психофизическое воздействие, компьютеринг и средства коммуникации, когнитивные науки — когнитивные нейронауки» [Буренок, 2017: 66].

Американские эксперты со своей стороны утверждают: «Тот, кто первым признает, поймет и внедрит в жизнь суть перехода к новому поколению войны, получит решающее преимущество. И наоборот, та нация, которая будет медлительна в адаптации к условиям войны нового поколения, обрекает себя на катастрофическое поражение» [Буренок, 2017: 64].

Что касается циркумполярного фронта ГВ коллективного Запада против России, угрозы прямого военного вторжения в АЗ РФ, то горячего военного конфликта в Трансарктике сейчас нет. Однако идет активная борьба на одном из важнейших направлений — идеологическом, цивилизационном. И главной мишенью на этом ТВД становится молодое поколение не только наших северян, но и населения соседних государств. Наблюдаются попытки дестабилизировать ситуацию во всем Циркумполярном регионе, но прежде всего в его большей части, локализованной в АЗ РФ.

Общеизвестен афоризм: «То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в котором живем, мы знаем благодаря масс-медиа». Но в этом контексте весьма примечательно следующее уточнение знаменитого немецкого социолога Н. Лумана: «Подобное знание мы характеризуем как сомнительное, и всё-таки вынуждены на нем основываться и из него исходить» [Луман, 2005: 8].

Серьезный риск для региональной стабильности несут русофобские нарративы, насаждаемые среди народов мирового Заполярья, реанимация антисоветских стереотипов XX в. На современном этапе наблюдаются попытки западных СМИ, особенно в государствах — неофитах НАТО, Финляндии и Швеции, представить

в негативном свете внешнюю политику РФ в Арктике, проецируя на регион ситуацию «украинского кризиса». Однако было бы заблуждением связывать эти явления исключительно со всплеском русофобии, насаждаемой в связи с СВО. Они фиксировались задолго до февраля 2022 г., причем зачастую их прикрывали дружеским участием в формировании сетевых образовательных программ, в обеспечении информационных коммуникаций в рамках политики добрососедства и т.д.

Налицо битва за рычаги влияния в Арктике, ведь на современном этапе коренные народы Циркумполярного региона медленно, но неуклонно продвигаются к «центру новой многовластной системы принятия национальных и международных решений» в Заполярье [Ehrenzeller et al., 2003: 31]. Возрастает значимость коренных народов в деятельности Арктического совета, различных региональных структур. Яркий пример — тренд от самоуправления к укреплению государственности в датских автономиях — в Гренландии и на Фарерских островах. Усиливается и роль Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ, которые незамедлительно становятся «мишенью» информационных, «мягкосиловых» манипуляций со стороны наших арктических «контрагентов». В качестве ярких примеров операций ГВ на информационном направлении можно назвать популяризацию среди населения европейской части АЗ РФ «трансграничной северной идентичности» (поморства) и концепции «асимметричного соседства». Так, в 2015 г. в Северном (Арктическом) федеральном университете (САФУ) в Архангельске в качестве «методологической основы для новой региональной истории Архангельской области как неотъемлемой и исторической части норвежского Баренцева региона» предлагались разработанный норвежским Институтом оборонных исследований двухтомник «Асимметричное соседство» и шведский учебник трансграничной истории для высшей школы стран Баренцева региона — «Barents Book»²⁷. Факты манипуляции общественным сознанием среди молодежи Архангельской области,

²⁷ Норвежская мягкая сила в борьбе за Арктику: как «баренцы» меняют в свою пользу будущее // EurAsia Daily. 10.09.2015. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2015/09/10/norvezhskaya-myagkaya-sila-v-borbe-za-arktiku-kak-barency-menyayut-v-svoyu-polzubydushchee> (дата обращения: 21.09.2024).

попытки «дерусификации» в Республике Коми фиксировал российский политик А. Журавлёв²⁸.

Закономерно, что в этой ситуации в разряд приоритетов РФ выдвинута задача «сохранять российское влияние в регионе», ограждать наше коренное население от эрозии его идентичности, навязывания ему ложных стереотипов. В этой связи еще в 2014 г. Совбез РФ принял на своем специальном расширенном заседании постановление «О реализации государственной политики Российской Федерации в Арктике в интересах национальной безопасности»²⁹.

Сегодня нагнетание напряженности в высоких широтах обеспечивается и за счет размещения в приграничье соседствующих с Россией стран объектов военно-информационной инфраструктуры НАТО. Приходится сталкиваться и с прямыми провокациями, и с попытками организации террористических актов в АЗ РФ.

* * *

Российская Федерация — это порядка 30% пространства Арктики, более половины проживающего в ней населения и почти 70% экономического оборота в регионе. Без взаимодействия с АЗ РФ реализация глобальных планов большинства акторов Трансарктики затруднена. Практика санкционного бойкотирования председательства России в Арктическом совете и вынужденная переориентация имплементации российской программы председательства исключительно на АЗ РФ и дружественные ей сообщества подтвердили неминуемую эрозию устойчивого развития мирового Заполярья без сотрудничества с Москвой. И как тут не вспомнить проверенные временем аргументы классика, оглашенные в Отчете ВЦИК и СНК о внешней и внутренней политике Республики на IX Всероссийском съезде Советов Республики (23–28 декабря 1921 г.): «Сколько вражды мы встретим? На этот счет нет заблуждений. Но мы знаем, что экономическое положение тех, кто нас блокировал, оказалось уязвимым. Есть сила большая, чем желание, воля и решение любого из враждебных правительств или классов, эта сила — общие экономические всемирные отношения, которые заставляют их вступить

²⁸ Журавлев А. Не проиграть битву за Арктику // Известия. 14.10.2015. Доступ: <https://iz.ru/news/593187#ixzz3oXz1TAeZ> (дата обращения: 19.08.2024).

²⁹ Заседание Совета Безопасности по вопросу реализации государственной политики в Арктике // Президент России. 22.04.2014. Доступ: <http://news.kremlin.ru/news/20845> (дата обращения: 20.08.2024).

на этот путь сношения с нами»³⁰. Неслучайно норвежская сторона, сменившая РФ в качестве председателя в Арктическом совете, поспешила восстановить, хотя и не полностью, российское участие в нем. «Без действующих рабочих групп, взаимодействующих с Россией, у нас нет совета, поэтому данная задача сейчас самая важная для перезапуска двигателя», — заявил М. Хёглунд, председатель Комитета старших должностных лиц Арктического совета³¹. Однако это не исключает продолжения поиска и формирования советом УК в рамках ведущейся против России гибридной войны.

Подытоживая, отметим следующие задачи, неизбежно встающие перед РФ, в данном случае в АЗ, в условиях проводящихся против России гибридных операций:

- защита АЗ РФ от негативного влияния глобальных геополитических вызовов, поиск алгоритма формирования эффективной системы мониторинга геополитических угроз в отношении не только России, но и ее партнеров по линии РИК, БРИКС, БРИКС+, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ;
- вычленение сдержек и противовесов, поиск компромиссов в циркулярном взаимодействии с евразийскими, международными и межправительственными структурами, бизнес-сообществами, не прогибающимися под санкционным прессингом;
- зондаж создания Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Трансарктике с привлечением регионалов и внерегионалов;
- обеспечение коренным народам экологической, экономической и продовольственной безопасности, сохранение их цивилизационной идентичности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартош А.А. Серая зона: театр гибридной войны. М.: Горячая линия-Телеком, 2021.
2. Буренок В.М. Между миром и войной: направления и проблемы создания системы вооружения будущего // Новый оборонный заказ. Стратегии. 2017. № 4 (46). С. 64–68. Доступ: <https://dfnc.ru/ekspertnoe-mnenie/mezhdu-mirom-i-vojnoj-napravleniya-i-problemy-sozdaniya-sistemy-vooruzheniya-budushhego/> (дата обращения: 18.08.2024).

³⁰ Ленин В.И. Полное собрание сочинений: В 55 т. Т. 44: Июнь 1921 — март 1922. М.: Политиздат, 1970. С. 304–305.

³¹ Available at: https://vk.com/wall-206185670_4703 (accessed: 24.08.2024).

3. Гудев П.А. Перспективы формирования международного режима в Арктике // *Международная жизнь*. 2014. № 2. С. 88–101.

4. Дронов М.В. Гибридная война как доктринально оформленный тип агрессии США и НАТО // *Теории и проблемы политических исследований*. 2023. Т. 12. № 8А. С. 62–71. DOI: 10.34670/AR.2023.12.10.008.

5. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016.

6. Иваницкая Е.В. Арктика как регион сотрудничества стран — участниц Евразийского экономического союза // *Безопасность труда в промышленности*. 2017. № 7. С. 96–97.

7. Клаузевиц К. О войне. Т. 1. М.: Государственное военное издательство Наркомата обороны СССР, 1936.

8. Кревельд ван М. Трансформация войны. М.: ИРИСЭН, 2015.

9. Лабецкая Е.О. Арктика: конец аллюзии, или Белое Безмолвие гибридной войны // *Перспективы*. Электронный журнал. 2022. № 3 (30). С. 43–52. Доступ: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/18b/3_2022_43_52.pdf (дата обращения: 25.09.2024). DOI: 10.32726/2411-3417-2022-3-43-52.

10. Лабецкая Е.О. Арктический вектор евразийского партнерства // *Наш дом — Евразия: Доклады и материалы международной конференции*. М.: Международный институт Питирима Сорокина — Николая Кондратьева, 2018. С. 69–80.

11. Лабецкая Е.О. «Бесконфликтная Арктика»: pro et contra // *Анализ и прогноз*. Журнал ИМЭМО РАН. 2021. № 4. С. 34–46. DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46.

12. Лабецкая Е.О. Россия–ЕС: «soft-power risks» в евразийско-арктическом контексте // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. С. 112–120. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-112-120.

13. Лабецкая Е.О. Циркумполярный фронт гибридной войны коллективного запада против РФ (цивилизационный аспект) // *Вестник Университета мировых цивилизаций*. 2024. Т. 15. № 2 (43). С. 22–29. DOI: 10.24412/2587-6236-2024-243-22-29.

14. Луман Н. Реальность масс-медиа. М.: Практикс, 2005.

15. Международное сотрудничество в Арктике. Доклад 2013 / Под ред. И.С. Иванова. М.: Спецкнига, 2013.

16. Най Дж.С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск; М.: Фонд социопрогностических исследований «Тренды», 2006.

17. Поздняков Э.А. Что такое история и нужно ли ее знать? М.: Идея-Пресс, 2010.

18. Прохоренко И.Л. О методологических проблемах анализа современных политических пространств // *Полис. Политические исследования*. 2012. № 6. С. 68–80.

19. Транснациональные политические пространства: явление и практика / Отв. ред. М.С. Стрежнева. М.: Весь мир, 2011.
20. Фененко А.В. Войны в структуре мировых порядков // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2022. № 3. С. 13–36. DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36.
21. Хотькова Е.С. и др. Арктика в современной системе международных отношений и национальные интересы России // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 5 (26). С. 9–43.
22. Bargués P., Bourekba M. War by all means: The rise of hybrid warfare // Barcelona Centre for International Affairs. September 2022. Available at: <https://www.cidob.org/en/publication/war-all-means-rise-hybrid-warfare> (accessed: 26.07.2024).
23. Bargués-Pedreny P. Deferring peace in international statebuilding: Difference, resilience and critique. Abingdon: Routledge, 2018.
24. Carment D., Belo D. War's future: The risks and rewards of grey-zone conflict and hybrid warfare. Calgary: Canadian Global Affairs Institute, 2018. Available at: https://www.cgai.ca/wars_future_the_risks_and_rewards_of_grey_zone_conflict_and_hybrid_warfare#Executive (accessed: 26.07.2024).
25. Ehrenzeller B., Hrbek R., Malinverni G., Thürer D. Federalism and foreign policy // *Politorbis*. 2003. Vol. 1. No. 32. P. 18–38.
26. Fridman O. Russian 'hybrid warfare': Resurgence and politicisation. Oxford: Oxford University Press, 2018.
27. Johnson R. Hybrid war and its countermeasures: A critique of the literature // *Small Wars & Insurgencies*. 2018. Vol. 29. No. 1. P. 141–163. DOI: 10.1080/09592318.2018.1404770.
28. Keohane R.O. International institutions: Can interdependence work? // *Foreign Policy*. 1998. No. 110. P. 82–96. DOI: 10.2307/1149278.
29. Mikac R., Mitrevska M., Smajić M. Hybrid threats and counter-hybrid solutions: A comparative case study analysis of Croatia, North Macedonia, and Bosnia and Herzegovina // *Politics in Central Europe*. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 375–395. DOI: 10.2478/pce-2022-0017.
30. O'Driscoll C. Victory: The triumph and tragedy of just war. Oxford: Oxford University Press, 2019.
31. Sanz-Caballero S. The concepts and laws applicable to hybrid threats, with a special focus on Europe // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. No. 360. P. 1–8. DOI: 10.1057/s41599-023-01864-y.
32. Stensrud C.J., Østhagen A. Hybrid warfare at sea? Russia, Svalbard and the Arctic // *Scandinavian Journal of Military Studies*. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 111–130. DOI: 10.31374/sjms.233.

REFERENCES

1. Bartosh A.A. 2021. *Seraya zona: teatr gibridnoi voyny* [The grey zone: The theater of hybrid warfare]. Moscow, Goryachaya liniya-Telekom Publ. (In Russ.)
2. Burenok V.M. 2017. Mezhdru mirom i voinoi: Napravleniya i problemy sozdaniya sistemy vooruzheniya budushchego [Trends and problems of creating weapons systems of the future]. *Novyi oboronnyi zakaz. Strategii*, no. 4 (46), pp. 64–68. Available at: <https://dfnc.ru/ekspertnoe-mnenie/mezhdu-mirom-i-vojnoy-napravleniya-i-problemy-sozdaniya-sistemy-vooruzheniya-budushchego/> (accessed: 18.08.2024). (In Russ.)
3. Gudev P.A. 2014. Perspektivy formirovaniya mezhdunarodnogo rezhima v Arktike [Prospects for the formation of an international regime in the Arctic]. *The International Affairs*, no. 2, pp. 88–101. (In Russ.)
4. Dronov M.V. 2023. Gibridnaya voyna kak doktrinal'no oformlennyy tip agressii SShA i NATO [Hybrid warfare as a doctrinal type of USA and NATO aggression]. *Theories and Problems of Political Studies*, vol. 12, no. 8A, pp. 62–71. DOI: 10.34670/AR.2023.12.10.008. (In Russ.)
5. Zagorskii A.V. 2016. *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Conventional security and cooperation in the Arctic]. Moscow, IMEMO RAN Publ. (In Russ.)
6. Ivanitskaya E.V. 2017. Arktika kak region sotrudnichestva stran — uchastnits Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [The Arctic as a region of cooperation between the member states of the Eurasian Economic Union]. *Bezopasnost' truda v promyshlennosti*, no. 7, pp. 96–97. (In Russ.)
7. Clausewitz von C. 1832. *Vom Kriege*. Berlin, Ferdinand Dümmler [Russ. ed.: Klauzevits K. 1936. O voine. Vol. 1. Moscow, Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony SSSR Publ.].
8. Creveld van M. 1991. *The transformation of war*. New York, Free Press [Russ. ed.: Krevel'd van M. 2015. Transformatsiya voyny. Moscow, IRISEN Publ.].
9. Labetskaya E.O. 2022. Arktika: konets allyuzii, ili Beloe Bezmolvie gibridnoi voyny [The Arctic: The end of an allusion, or the white silence of hybrid war]. *Perspektivy. Elektronnyi zhurnal*, no. 3 (30), pp. 43–52. Available at: https://www.perspektivy.info/upload/iblock/18b/3_2022_43_52.pdf (accessed: 25.09.2024). DOI: 10.32726/2411-3417-2022-3-43-52. (In Russ.)
10. Labetskaya E.O. 2018a. Arkticheskii vektor evraziiskogo partnerstva [The Arctic vector of the Eurasian partnership]. In: *Nash dom — Evraziya. Doklady i materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Eurasia is our home. Reports and materials of the international conference]. Moscow, Mezhdunarodnyi institut Pitirima Sorokina — Nikolaya Kondrat'eva Publ., pp. 69–80. (In Russ.)
11. Labetskaya E.O. 2021. 'Beskonfliktnaya Arktika': pro et contra ['Conflict-free Arctic': Pro et contra]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, vol. 4, pp. 34–46. DOI: 10.20542/afij-2021-4-34-46. (In Russ.)

12. Labetskaya E.O. 2018b. Rossiya–ES: ‘soft-power risks’ v evraziisko-arkticheskom kontekste [Russia–EU: ‘Soft-power risks’ in the Eurasian–Arctic context]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 9, pp. 112–120. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-112-120. (In Russ.)

13. Labetskaya E.O. 2024. Tsirkumpolyarnyi front gibridnoi voyny kolektivnogo zapada protiv RF (tsivilizatsionnyi aspekt) [Circumpolar front of the hybrid war of the collective West against the Russian Federation (civilizational aspect)]. *Bulletin of the University of World Civilizations*, vol. 15, no. 2 (43), pp. 22–29. DOI: 10.24412/2587-6236-2024-243-22-29. (In Russ.)

14. Luhmann N. 1995. *Die Realität der Massenmedien*. Opladen, Westdeutscher Verlag [Russ. ed.: Luman N. 2005. Real’nost’ massmedia. Moscow, Praxis Publ.].

15. Ivanov I.S. (ed.). 2013. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike. Doklad 2013* [International cooperation in the Arctic. 2013 Report]. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)

16. Nye J.S. 2004. *Soft power: The means to success in world politics*. New York, Public Affairs [Russ. ed.: Nai Dzh.S. 2006. Gibkaya vlast’: kak dobit’sya uspekha v mirovoi politike. Novosibirsk, Moskva, Fond sotsioprognozticheskikh issledovaniy ‘Trendy’ Publ.].

17. Pozdnyakov E.A. 2010. *Chto takoe istoriya i nuzhno li ee znat’?* [What is history and does one need to know it?]. Moscow, Ideya-Press Publ. (In Russ.)

18. Prokhorenko I.L. 2012. O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv [On methodological problems of contemporary political spaces analysis]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 68–80. (In Russ.)

19. Strezhneva M.S. (ed.). 2011. *Transnatsional’nye politicheskie prostranstva: yavlenie i praktika* [Transnational political space: The phenomenon and practice]. Moscow Ves’ mir Publ. (In Russ.)

20. Fenenko A.V. 2022. Voyny v strukture mirovykh poriyadkov [Wars in the world orders’ structure]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 3, pp. 13–36. DOI: 10.20542/afij-2022-3-13-36. (In Russ.)

21. Khot’kova E.S. et al. 2014. Arktika v sovremennoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii i natsional’nye interesy Rossii [The Arctic in the contemporary system of international relations and Russian national interests]. *National Strategy Issues*, no. 5 (26), pp. 9–43. (In Russ.)

22. Bargués P., Bourekba M. 2022. *War by all means: The rise of hybrid warfare*. Barcelona Centre for International Affairs. Available at: <https://www.cidob.org/en/publication/war-all-means-rise-hybrid-warfare> (accessed: 26.07.2024).

23. Bargués-Pedreny P. 2018. *Deferring peace in international statebuilding: Difference, resilience and critique*. Abingdon, Routledge.

24. Carment D., Belo D. 2018. *War’s future: The risks and rewards of grey-zone conflict and hybrid warfare*. Calgary, Canadian Global Affairs Institute. Available

at: https://www.cgai.ca/wars_future_the_risks_and_rewards_of_grey_zone_conflict_and_hybrid_warfare#Executive (accessed: 26.07.2024).

25. Ehrenzeller B., Hrbek R., Malinverni G., Thürer D. 2003. Federalism and foreign policy. *Politorbis*, vol. 1, no. 32, pp. 18–38.

26. Fridman O. 2018. *Russian 'hybrid warfare': Resurgence and politicisation*. Oxford, Oxford University Press.

27. Johnson R. 2018. Hybrid war and its countermeasures: A critique of the literature. *Small Wars & Insurgencies*, vol. 29, no. 1, pp. 141–163. DOI: 10.1080/09592318.2018.1404770.

28. Keohane R.O. 1998. International institutions: Can interdependence work? *Foreign Policy*, no. 110, pp. 82–96. DOI: 10.2307/1149278.

29. Mikac R., Mitrevska M., Smajić M. 2022. Hybrid threats and counter-hybrid solutions: A comparative case study analysis of Croatia, North Macedonia, and Bosnia and Herzegovina. *Politics in Central Europe*, vol. 18, no. 3, pp. 375–395. DOI: 10.2478/pce-2022-0017.

30. O'Driscoll C. 2019. *Victory: The triumph and tragedy of just war*. Oxford, Oxford University Press.

31. Sanz-Caballero S. 2023. The concepts and laws applicable to hybrid threats, with a special focus on Europe. *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 10, no. 360, pp. 1–8. DOI: 10.1057/s41599-023-01864-y.

32. Stensrud C. J., Østhagen A. 2024. Hybrid warfare at sea? Russia, Svalbard and the Arctic. *Scandinavian Journal of Military Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 111–130. DOI: 10.31374/sjms.233.

Статья поступила в редакцию 04.09.2024;
одобрена после рецензирования 26.09.2024;
принята к публикации 03.11.2024

The paper was submitted 04.09.2024;
approved after reviewing 26.09.2024;
accepted for publication 03.11.2024

НАУЧНЫЕ ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-175-190

Рецензия / Book review

В.В. Кочетков*

НА ПУТИ К СУВЕРЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ НАУКИ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ?

Размышления на полях книги Л.С. Воронкова

«Либеральные ценности в теории и на практике.

О проблемах интеллектуальной деколонизации России»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В центре внимания автора рецензии — монография Л.С. Воронкова «Либеральные ценности в теории и на практике. О проблемах интеллектуальной деколонизации России», увидевшая свет в 2024 г. Рецензент выделяет и подробно комментирует несколько ключевых тем, которые красной нитью проходят через всю рассматриваемую книгу. В первой части проанализированы взгляды автора на комплекс проблем, связанных со спецификой организации власти и деятельностью элит в западных либерально-демократических государствах. Подробно рассмотрены политические и экономические противоречия, присущие либерально-демократической модели общественного развития, активно насаждаемой странами коллективного Запада для поддержания собственного доминирования в системе международных отношений. Показано, что наравне с экономическими и политическими инструментами западные элиты используют практики культурной гегемонии, тесно связанные с политикой колониализма и неоколониализма. Взгляды Л.С. Воронкова на проблемы интеллектуального колониализма освещены во второй части рецензии.

* Кочетков Владимир Викторович — доктор социологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой геополитики факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vkochetkov58@mail.ru).

** Воронков Л.С. Либеральные ценности в теории и на практике. О проблемах интеллектуальной деколонизации России. М.: МГИМО-Университет, 2024.

Особое внимание уделено изучению роли западных подходов в теории международных отношений в легитимизации и продвижении интересов США и их союзников. Показано, что эти подходы, позиционировавшиеся как строго научные, в действительности представляли собой изощренную систему камуфлирования реальных экономических интересов западных стран. В этом контексте книга Л.С. Воронкова представляет особый интерес, поскольку демонстрирует одну из первых попыток фундаментально и глубоко обосновать необходимость выработки отечественного взгляда на международные отношения с учетом исторической специфики России. И хотя не со всеми выводами и наблюдениями автора можно согласиться, хочется надеяться, что монография Л.С. Воронкова внесет свой вклад в процесс складывания новой, суверенной российской науки о международных отношениях.

Ключевые слова: интеллектуальный колониализм, неоколониализм, суверенитет, демократия, права человека, теория международных отношений

Для цитирования: Кочетков В.В. На пути к суверенности российской науки о международных отношениях? Размышления на полях книги Л.С. Воронкова «Либеральные ценности в теории и на практике. О проблемах интеллектуальной деколонизации России» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 175–190. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-175-190.

Vladimir V. Kochetkov

TOWARDS SOVEREIGN INTERNATIONAL RELATIONS STUDIES?

Book review of 'Liberal values in theory and practice. On the issues of intellectual decolonization of Russia' by L.S. Voronkov

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The book under review is a new monograph by L.S. Voronkov 'Liberal values in theory and practice. On the issues of intellectual decolonization of Russia', published in 2024. The reviewer discusses in detail several key topics and central ideas of the book under consideration. The first section covers the author's views

on a set of problems related to the specifics of power relations and the role of political elites in Western liberal democratic states. It also highlights the political and economic contradictions inherent to the liberal democratic model of social development, propagated by the countries of the 'collective West' in order to maintain their own dominance in the system of international relations. It is shown that, along with economic and political instruments, Western elites do not disdain practices of cultural hegemony, arising from the colonialism and neocolonialism. The second section considers L.S. Voronkov's views on the issues of intellectual colonialism. Special attention is paid to the role of Western approaches within the theory of international relations in legitimizing and promoting the interests of the United States and its allies. It is shown that these approaches, positioned as strictly scientific, actually represented a sophisticated system aimed at concealing the real economic interests of Western countries. In this context, the book by L.S. Voronkov is of particular interest since it makes a strong case for the development of Russia's own perspective on international relations, with due regard to its specific historical features. Although some author's conclusions and observations can be contested, L.S. Voronkov's monograph will hopefully contribute to the emergence of Russian sovereign international relations studies.

Keywords: intellectual colonialism, neocolonialism, sovereignty, democracy, human rights, international relations theory

About the author: Vladimir V. Kochetkov — Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Deputy Head of the Chair of Geopolitics, School of Global Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vkochetkov58@mail.ru).

For citation: Kochetkov V.V. 2024. Towards sovereign international relations studies? Book review of 'Liberal values in theory and practice. On the issues of intellectual decolonization of Russia' by L.S. Voronkov. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 175–190. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-175-190. (In Russ.)

Проблема идейной гегемонии коллективного Запада в международных отношениях и связанной с ней давно назревшей необходимости интеллектуальной деколонизации России, которую поднимает в своей книге Л.С. Воронков, приобретает в современных условиях особую остроту и злободневность. Несмотря на свою чрезвычайную актуальность, она только в самое последнее время начинает активно обсуждаться в российском научном сообществе. Значительный вклад в эту дискуссию вносит рассматриваемый труд. Книга Л.С. Воронкова обращает внимание на застарелые проблемы современного

мирового порядка и заставляет ставить новые вопросы, поэтому дальнейшее изложение будет представлять собой развернутые комментарии рецензента по нескольким ключевым сюжетам, красной нитью проходящим через монографию.

Государство, элиты и демократия

В первой главе «Государство как социальный институт и его функции» Л.С. Воронков раскрывает важные функции государства (с. 52–62) и справедливо отмечает: «...всякие разговоры об отмирании государства являются утопическими и оторванными от реальности» (с. 62). В книге рассмотрены различные концепции государства, в том числе фашистского государства в Италии и национал-социалистического государства в Германии в 1930–1940-е годы. Особое внимание автор уделяет проблеме государственного суверенитета и его размывания под влиянием незаконных санкций и военного вмешательства США и их союзников (с. 84–89).

Историю человечества Л.С. Воронков рассматривает сквозь призму постоянной борьбы между элитами, отстаивающими свои привилегии, и основной массой населения, движимой стремлением к выживанию. Автор скрупулезно пытается разобраться, что такое демократия, и приходит к следующему выводу: несмотря на то что ее относят к числу неоспоримых ценностей, к торжеству которых человечество должно обязательно стремиться во всех сферах общественной жизни, «содержание понятия “демократия” остается размытым и невнятным» (с. 106–107). Суть демократии составляют механизмы передачи полномочий выражать волю народа его избранным представителям.

Продвигая своих доверенных лиц для обеспечения собственных интересов, элита вынуждена обосновывать свою позицию заботой о благе большинства. Иными словами, элита убеждает большинство, что проводимая политика полезна именно для него. Существенный изъян западной модели демократии состоит в том, что, будучи избранными, политики не несут ответственности перед избирателями за предвыборные обещания.

Например, в британском парламенте действует доктрина независимости депутатов от избирателей, так как они якобы представляют всю нацию. С 2016 г. определявшие политику Великобритании премьер-министры Дэвид Кэмерон, Тереза Мэй, Борис Джонсон, Элизабет Трасс и Риши Сунак приводились к власти узкой вер-

хушкой Консервативной партии без участия избирателей. В 2023 г. в Финляндии Национальная коалиционная партия набрала 15% голосов и одержала победу, получив право сформировать правительство. Длительное время в этой стране велись дискуссии о том, что вопрос вступления в НАТО будет решен на референдуме. Однако Финляндия стала членом альянса без него. Превращение реального меньшинства в виртуальное большинство особенно заметно при создании коалиционных правительств. Ни одна из входящих в них партий не отражает волю большинства, однако вместе они способны влиять на политику. Кроме того, вхождение в коалиции требует внесения изменений в предвыборные программы. Эти изменения также осуществляются без участия избирателей.

В итоге основная задача выборов в либерально-демократических системах — легитимизация власти. Все атрибуты демократии заточены именно под эту главную функцию, поэтому выборы позволяют «менять лишь правительства, но не политику»¹. Англосаксонская демократия характеризуется экспертами как «сговор большого правительства, большого бизнеса и больших финансов против всех остальных»². Несмотря на то что формально любой гражданин может быть избран, в реальности это доступно только для тех, кто обладает политическими, финансовыми и информационными ресурсами. Это гарантирует элитам преемственность их политики.

Л.С. Воронков делает вывод: «...защита власти и обеспечение интересов правящей элиты общества, включающей его наиболее состоятельную часть и представляющей явное меньшинство граждан, обосновывается как осуществление с помощью демократических выборов воли большинства граждан, то есть как торжество демократии, а большинство политических и государственных систем, стремящихся к защите и удовлетворению социально-экономических и иных интересов подлинного большинства граждан, объявляются авторитарными, деспотическими, не имеющими права на существование и подлежащими замене на “демократические”» (с. 125).

При этом западные правящие элиты отказываются признавать указанные проблемы и недостатки, имманентно присущие либеральной модели демократии. Напротив, после холодной войны США

¹ Харари Ю.Н. Sapiens. Краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. С. 59.

² Механик А. За крахом справедливости следует крах лояльности // Эксперт. 2016. № 35. С. 81.

провозгласили стратегию «распространения демократии». На смену либерализму в обслуживании интересов западной элиты пришла теория неолиберализма с упором на снижение государственного регулирования и создание благоприятных условий для развития транснациональных корпораций. Социальное неравенство рассматривалось как благо, а усилия по созданию справедливого общества — как контрпродуктивные и разрушительные. Только рынок способен дать каждому то, что он заслуживает.

Билл Клинтон в своей речи в Джорджтаунском университете объявил демократию фактором международной жизни. Он утверждал, что выбирающие своих лидеров страны являются более надежными партнерами в торговле и дипломатии, чем государства с иными формами правления, и превратил поддержку демократии в приоритет своей администрации. Кроме того, президент требовал от Конгресса финансирования программ иностранной помощи, направленной на проведение выборов, и настаивал на том, что «относительно небольшие расходы сегодня являются инвестициями в долгосрочные интересы США»³. К поддержке демократии подключились Государственный департамент, Агентство по международному развитию, Национальный фонд развития демократии США. Резко активизировали свою деятельность международные неправительственные организации: «Amnesty International», «Human Rights Watch», «International Society for Human Rights», «Freedom House», Фонд Фридриха Эберта, Фонд Конрада Аденауэра, Фонд Билла и Мелинды Гейтс, Фонд «Открытое общество», Фонд Форда и др.

Либеральной демократии, т.е. осуществлению власти от имени и по поручению народа избираемыми им представителями, приписываются свойства, которыми она в действительности не обладает. Так, распространению либеральной демократии способствовала вера в ее способность обеспечивать высокий уровень благосостояния. По логике ее сторонников, причиной уменьшения бедности стали не усилия суверенных государств и международного сообщества, а внедрение демократических избирательных систем и утверждение прав и свобод человека. Конечно, такие причинно-следственные связи не выдерживают столкновения с реальностью. Сегодня экономики развивающихся стран БРИКС растут быстрее экономик

³ Tallbot S. Deputy Secretary of State. Democracy and the national interest // Foreign Affairs. 1996. November/December. P. 47.

развитых государств. Связь этого роста с процедурами проведения демократических выборов не просматривается. Многие из быстро развивающихся стран к либерально-демократическим не относятся (Россия, Китай, «азиатские тигры»).

Как отмечают авторы журнала «Foreign Affairs», поскольку авторитарные государства развиваются быстрее, демократии перестают ассоциироваться с богатством и властью⁴. В 1980 г. доход на душу населения по паритету покупательной способности во Франции, Германии и США был в 20–30 раз выше, чем в Китае и Индии. К 2014 г. разрыв сократился для Индии до 6–10 раз, для Китая — до 3–4 раз. В 1980 г. экономика США превышала экономику КНР более чем в 10 раз, китайский валовой национальный продукт составлял 8% американского. В 2014 г. экономика Китая по паритету покупательной способности превысила экономику США. В 1975 г. экономика Франции вдвое превышала экономику Китая и в 3 раза — экономику Бразилии. В 2014 г. китайская экономика в 4 раза превысила французскую, а бразильская с ней сравнилась. В 1990-е годы экономика Китая росла на 9,3% ежегодно, в то время как среднемировой рост составлял 1,4%. В 2000-х годах рост экономики КНР ускорился до 9,9%, а в мире в среднем — до 2,3%. Доля Китая и Индии в мировой экономике увеличилась за последние 30 лет с 6 до 26%, а доля США, Великобритании, ЕС и Японии снизилась с 55% в 1990 г. до 37% в 2021 г. Впервые в истории доля демократических стран в мировом ВВП упала ниже половины, а доля в мировом ВВП государств, причисляемых «Freedom House» к авторитарным, увеличилась с 12% в 1990 г. до 33% в настоящее время. Из 15 стран с наивысшими показателями дохода на душу населения 10 относятся к «недемократическим». В соответствии с Индексом глобального благосостояния, разработанным банком «Credit Suisse», показатель Китая превзошел средневропейский уровень⁵. КНР занимает первое место по темпам роста благосостояния населения: с 2000 по 2021 г. оно увеличилось

⁴ Mounk Y. The end of the democratic century. Autocracy's global ascendance // Foreign Affairs. 2018. May/June. Available at: https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-04-16/end-democratics-centure?cid=nlc-fa_fatoday-20181222&cutm_medium=newsletters&cutm_source=fatoday&utm_term=2-181225&utm_campaign=FA%20Today%201225%20Best%20of%202018;%20The%20End%20of%20the%20Democratic%20Centure (accessed: 21.08.2024).

⁵ Global wealth report 2024 // Credit Suisse. Available at: <https://www.credit-suisse.com/about-us/en/reports-research/global-wealth-report.html> (accessed: 21.08.2024).

в 8 раз⁶. Относимый либеральными идеологами к авторитарным режимам Китай за короткий исторический период вывел из состояния крайней нищеты сотни миллионов своих граждан.

Л.С. Воронков обращает внимание на то, что в последние годы даже западные эксперты отмечают низкое качество американской демократии. В 2017 г. журнал «Economist» понизил рейтинг США до «ущербной демократии», Международный институт демократии и содействия выборам классифицировал Соединенные Штаты как «отступающую демократию», а «Freedom House» оценил демократию в США на уровне Румынии и Хорватии. В отчете «The Electoral Integrity Project» США отнесены к странам с «умеренно честными выборами», уступив по этому показателю Монголии, Руанде и ЮАР. Фонд Карнеги пришел к выводу, что «до 40% американцев хотели иметь сильного лидера, не обязанного следовать демократическим правилам»⁷. Профессор политической теории Королевского колледжа в Кембридже Джон Данн писал о демократии: «Сегодня ясность и определенность этого термина утеряны»⁸. Фрэнсис Фукуяма считает, что политика, проводимая западными странами, привела к экономическому спаду, высокому уровню безработицы и падению доходов рядовых граждан, при этом, поскольку «США и ЕС были ведущими образцами либеральной демократии, это нанесло ущерб репутации демократии в целом»⁹.

В Европе и США сегодня опасаются потери своего 500-летнего доминирования, которое позволяло Западу перекачивать мировой валовой продукт в свою пользу¹⁰. По мере прекращения притока колониальных денег поддерживать высокий уровень жизни в странах

⁶ Сечин И. Второе похищение Европы // Эксперт. 2022. № 45. С. 48.

⁷ Kleinfeld R. Five strategies to support U.S. democracy // Carnegie Endowment. Available at: <https://carnegieendowment.org/2022/09/15/five-strategies-to-support-u.s.-democracy-pub-87918> (accessed: 21.08.2024).

⁸ Данн Дж. Не очаровываться демократией. М.: Издательство Института Гайдара, 2016. С. 12.

⁹ Fukuyama F. The new tribalism and the crisis of democracy // Foreign Affairs. Available at: http://www.foreignaffairs.com/articles/americas/2018-08-14/against-identity-politics-tribalism-francis-fukuyama?cid=20190522&spJobID=1644189931&spMailingID=59441076&spReportId=MTYONDE40TkzMQS2&spUserID=MTIwOTkONTQwODIxSO&sp_mid=59441076&sp_rid=bHZvcn9ua292QHlhbmlRleC5ydQS2 (accessed: 21.08.2024).

¹⁰ Караганов С. Мир, несмотря на его хаотичность, вполне предсказуем // Российская газета. 15.02.2019. Доступ: <https://rg.ru/2019/02/14/karaganov-mir-nesmotria-na-ego-haotichnost-vpolne-predskazuem.html> (дата обращения: 21.08.2024).

Запада становится всё сложнее. На смену «государству всеобщего благоденствия» там приходит государство, в котором человек сам отвечает за свою финансовую безопасность, в том числе в старости¹¹. В данном контексте справедливыми представляются как вывод председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина, что «модель либеральной представительной демократии <...> уже явно не справляется с современными вызовами»¹², так и его призыв не ориентироваться на западные образцы, а искать более эффективные формы народовластия.

В этой связи особый интерес вызывает проведенный автором анализ процесса транзита власти в нашей стране, начиная с Октябрьской революции 1917 г., образования СССР и заканчивая постперестроечной Россией. Этот анализ позволяет делать обоснованные прогнозы и давать рекомендации относительно будущей трансформации власти в России в интересах большинства общества. Так, Л.С. Воронков справедливо отмечает, что «реальной проблемой для российских властей стал острейший дефицит представлений о том, какую модель социальной рыночной экономики и каким образом они намерены создать. Такая российская модель находится на стадии обсуждения и становления, политический заказ на ее разработку внятно не сформулирован, ее теоретического и идеологического обоснования пока не существует, и его еще предстоит создать. Пока что социальный характер российского государства обеспечивается указами президента в рамках “ручного управления”» (с. 104–105). В этом контексте автор подчеркивает давно назревшую необходимость выработки идеологии российского государства, которая пока отсутствует. Препятствием на этом пути является сохраняющееся интеллектуальное доминирование западных подходов в российской политологической мысли, в том числе в теории международных отношений.

Колониализм политический и интеллектуальный

Можно согласиться с Л.С. Воронковым в том, что интеллектуальный колониализм вытекает непосредственно из колониализма и является одной из разновидностей неоколониализма. Колониальная политика привела к ограблению государств. При этом западные стра-

¹¹ Обухова Е. Социальное государство прощается с Вами // Эксперт. 2018. № 44. С. 44–45.

¹² Конституция: необходимость точечных изменений // Эксперт. 2018. № 42. С. 5.

ны не ограничивались простой данью, а переделывали, перецивилизовывали целые континенты на зависимый от себя колониальный лад¹³.

Колониализм нашел официальное юридическое закрепление в международном праве. Так, Первая мировая война велась за передел колоний. Права метрополий на колонии были закреплены в Статуте Лиги Наций. Статьей 22 был введен институт опеки над колониями. Однако если на Парижской мирной конференции по окончании Первой мировой войны судьбы колоний определяли исключительно государства, заинтересованные в их дальнейшем грабеже, то после Второй мировой войны в обсуждении этого вопроса непосредственное участие принимал СССР, стремившийся лишить мировой капитализм его колониальной периферии. По мнению советского руководства, колонии играли ключевую роль в поддержании жизнеспособности и конкурентоспособности капиталистической системы.

В то время как западные державы в соревновании с коммунизмом продолжали пользоваться людскими и природными ресурсами колоний, Советский Союз расходовал колоссальные финансовые, промышленные, военные и другие ресурсы для поддержки национально-освободительных движений. Это сдерживало повышение жизненного уровня населения социалистических стран, но рассматривалось как неотъемлемая часть мирового революционного процесса. СССР во взаимодействии с развивающимися странами руководствовался идеологическими соображениями, а не стремлением к прибыли. Советская государственная идеология была направлена на удовлетворение интересов большинства населения страны и выравнивание развития союзных республик. Политика Москвы в отношении национальных окраин была призвана служить привлекательным примером развития бывших колоний на пути социализма. Через механизмы централизованного планирования ВВП Советского Союза перераспределялся в пользу менее развитых союзных республик. Ради демонстрации преимуществ социализма СССР предпринимал дорогостоящие усилия по поддержке народов, вставших на социалистический путь развития, а также оказанию военно-технической помощи национально-освободительным движениям. Таким образом, в отличие от западных держав, выкачи-

¹³ Дерлугьян Г. Чисто империалистическое самоубийство // Эксперт. 2014. № 31–33. С. 30.

вавших из бывших колоний значительные материальные ресурсы, для СССР эти отношения носили в основном затратный характер.

Устав ООН закрепил право наций на самоопределение, что привело к формальной независимости колоний. Однако западные страны предприняли усилия для удержания государств периферии в рамках модели, обеспечивающей доминирующие позиции бывших метрополий. С этой целью были созданы Международный банк реконструкции и развития (МБРР) и Международный валютный фонд (МВФ), а также Генеральное соглашение по торговле и тарифам (ГАТТ) и Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Именно они гарантировали лидерство развитым странам и удержание развивающихся государств в зависимом положении. Например, в МВФ число голосов определяется финансовым взносом. Это позволяет развитым странам воздействовать на получателей кредитов. В качестве условий оказания помощи фонд требует перевода экономики на рыночные рельсы, приватизации госпредприятий, открытия рынков. В большинстве случаев это сопровождается разрушением местной промышленности, социальной системы и попаданием получателей кредитов в зависимость от доноров. Так, с 1980 по 2001 г. ближневосточные страны получили 45 займов на сумму 154 млрд долл. Результатом стали нулевой рост ВВП и создание почвы для исламского фундаментализма. Наивысшие темпы экономического роста были достигнуты в странах, не следовавших рекомендациям МВФ и МБРР, а наихудшие наблюдались там, где либеральная идеология развития оказала наибольшее влияние на государственную политику (Латинская Америка и Африка)¹⁴.

Одним из видов неоколониальной эксплуатации является «утечка мозгов» из развивающихся стран. В США с 1950 по 1980 г. приехали 200 000 специалистов с университетскими дипломами. Когда после 11 сентября 2001 г. Вашингтон ввел ограничения на въезд для обучения в американских университетах, появились многочисленные публикации, в которых утверждалось, что это нанесет непоправимый вред американскому научному и технологическому лидерству.

В этом контексте особый интерес в рассматриваемой книге представляет раздел, посвященный интеллектуальному колониализму. Л.С. Воронков считает, что жизненно важным элементом междуна-

¹⁴ Easterly W. The ideology of development // Foreign Policy. Available at: <https://foreignpolicy.com/2009/10/13/the-ideology-of-development/> (accessed: 21.008.2024).

родной стратегии либеральных демократий является обеспечение их собственного доминирования в сфере теоретического обоснования важнейших тенденций мирового развития.

В нашей стране в течение долгих десятилетий теории международных отношений покоились на историческом материализме, считавшем немарксистские подходы к оценке перспектив мирового развития ненаучными. В тот период идеологические оппоненты марксизма-ленинизма настойчиво и целеустремленно работали над теоретическими обоснованиями антикоммунистической стратегии, стремясь придать ей научный характер. Соединенным Штатам удалось создать международную сеть исследовательских центров и университетов. В результате сращивания академического сообщества с государственной системой в США сложился политико-академический комплекс, способный не только анализировать и прогнозировать развитие международной ситуации, но и создавать новые теории международных отношений по прямому или косвенному заказу американских элит¹⁵. Ганс Моргентау характеризовал американские научные круги как «придаток правительственной бюрократии, которая защищает и осуществляет политику правительства»¹⁶.

Многочисленные теории международных отношений, возникшие в США после Второй мировой войны, были направлены на обоснование американской внешнеполитической стратегии. Эти теории были рассчитаны на то, что они будут восприниматься как объективная реальность. На самом же деле они представляли собой созданную элитой изощренную систему камуфлирования своих реальных экономических интересов благородными моральными ценностями, правами человека и демократическими свободами. Ключевым элементом американской научно-политологической системы стало обоснование универсальности этих теорий. С их помощью западные политологи проводили серьезный анализ международных ситуаций, но с целью не предоставить объективную картину, а удовлетворить интересы элиты.

Как следствие, единая теория международных отношений на Западе так и не оформилась. На это обстоятельство указывали еще советские эксперты-международники, которые отмечали, что в за-

¹⁵ Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ / Отв. ред. В.И. Гантман. М.: Наука, 1976. С. 7.

¹⁶ Там же. С. 83.

падной науке «есть лишь разрозненные и неоформленные “теории” международных отношений, точнее — теоретические подходы или даже претензии на теоретические разработки, концептуальные заявки амбициозного, но большей частью бесплодного характера. <...> К “теориям международных отношений” <...> можно с большой натяжкой отнести лишь немногие из них»¹⁷. Ученые ИМЭМО АН СССР констатировали, что «мир буржуазных школ и научных центров, “теорий” и методик <...> достаточно обширен и пёстр. В нем причудливо перемешано важное и несущественное, серьезное и рекламно-пропагандистское, новое и перелицованное старое, открыто реакционное и относительно прогрессивное. Если не иметь четких ориентиров и критериев, в этом материале легко утратить главную нить»¹⁸. Отчасти этот вывод подтверждали и сами западные исследователи¹⁹. Так, автор теории «гегемонистской стабильности» Роберт Гилпин считал реализм, либерализм и марксизм не научными теориями, а философскими позициями. «А значит, такую позицию нельзя подвергнуть эмпирическому анализу и, следовательно, нельзя доказать, что она является верной или ложной»²⁰.

Несмотря на это, в 1990-е годы новая российская элита взяла западные теории на вооружение для отстаивания своих интересов. Либеральные руководители России использовали оказавшиеся в их руках административные рычаги для навязывания этих теорий в сфере науки и высшего образования. Любой критический анализ западных теорий рассматривался как ретроградство, ссылки на марксизм-ленинизм — как приверженность коммунизму, а разработка отечественных теорий международных отношений встречала политическое, финансовое и административное противодействие. Российские научные фонды выдавали гранты только при условии наличия у отечественных ученых публикаций в зарубежных журналах, индексируемых в Scopus и Web of Science, в основном американских и британских. Естественно, содержание этих публикаций должно было соответствовать либеральному мейнстриму. Западные теории международных отношений вошли в учебные программы и учеб-

¹⁷ Там же. С. 12–13.

¹⁸ Там же. С. 12.

¹⁹ Kaplan M. Is international relations a discipline? // The Journal of Politics. 1961. Vol. 23. No. 3. P. 137.

²⁰ Gilpin R. The political economy of international relations. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1987. P. 37.

ники²¹ и в результате заняли господствующее положение в России, стали мерилом научности международно-политических исследований. Их знание превратилось в критерий академической зрелости и способности российских исследователей к научной работе.

Знаковыми и показательными в этом отношении стали книги Збигнева Бжезинского «Великая шахматная доска»²² и Сэмюэля Хантингтона «Столкновение цивилизаций»²³. В первой из них известный русофоб польского происхождения призывал, внося противоречия в сложные отношения на Евразийском континенте, предотвратить появление евразийской державы, способной бросить вызов мировому гегемону. Одним из ведущих тезисов З. Бжезинского является «без Украины Россия перестает быть империей», что нашло отражение в практической политике США в отношении этой страны. Концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона также призвана была обосновывать международную стратегию Запада после холодной войны. Л.С. Воронков справедливо отмечает, что рыхлое, неопределенное и приблизительное понимание цивилизаций С. Хантингтоном не позволяет считать его детище научной теорией. Это скорее идеологическое обоснование новой гонки вооружений.

В этой связи Сергей Караганов писал: «Западная мысль породила множество теорий развития, завоевавших международное интеллектуальное сообщество, особенно после, как казалось, окончательной “победы” Запада в 1991–2007 годах. Эти теории преподаются в университетах, их авторы пропагандируются в СМИ, где опять же лидирует Запад. <...> Между тем большинство <...> западных теорий либо устарели, либо изначально были неадекватны из-за осознанного или даже неосознанного стремления создателей служить интересам своих стран или их элит. Те же, кто за рубежами этого Запада продвигает эти теории, либо играют на чужом поле по чужим правилам, либо де-факто подыгрывают интересам не своего отечества»²⁴.

К сожалению, и в настоящее время в политологическом пространстве России доминируют теории, созданные на Западе (в основном в США) для обслуживания интересов их правящих элит. И сегодня

²¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Юрайт, 2024.

²² Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2021.

²³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и передел мирового порядка. М.: АСТ, 2021.

²⁴ Караганов С. Указ. соч.

с их помощью разрабатывается повестка дня по актуальным проблемам мирового развития, которая затем навязывается международному сообществу правящими элитами западных стран, стремящимися всеми доступными им средствами сфокусировать внимание на тех вопросах, которые отвечают их долгосрочным стратегическим интересам, и предать забвению проблемы, обсуждение которых этим интересам не отвечает или противоречит.

Примером альтернативного подхода может служить Китай, уделяющий большое внимание формулированию собственной теории международных отношений и направляющий значительные ресурсы на эту работу²⁵. Китайские ученые и политики осознают, что выиграть на чужом поле, играя по чужим правилам, невозможно. Было признано недопустимым положение, когда быстро поднимающийся Китай не имеет собственной теории международных отношений, отражающей китайскую специфику. За последние годы было разработано несколько оригинальных теорий, которые позволяют КНР проводить активную, опирающуюся на научную основу внешнюю политику.

В этом отношении книга Л.С. Воронкова представляет особый интерес, поскольку демонстрирует одну из первых попыток фундаментально и глубоко обосновать необходимость выработки отечественного взгляда на международные отношения с учетом исторического опыта, географического положения, сложившейся в России структуры экономики, этнического состава населения, отношений с соседними странами и места в мировой системе.

Впрочем, не со всеми выводами и наблюдениями автора можно согласиться. Так, по мнению Л.С. Воронкова, социальный конструктивизм нельзя отнести «к числу цельных теорий» (с. 35). На наш взгляд, среди современных теоретических направлений именно конструктивизм наиболее удовлетворяет определению теории. По своему влиянию он сравним с такими каноническими парадигмами международных отношений, как реализм и либерализм, и даже превосходит их. Можно говорить о «конструктивистском перевороте», который в корне меняет взгляды на международные отношения²⁶.

²⁵ Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям. М.: Аспект Пресс, 2021.

²⁶ Кочетков В.В. Теория конструктивизма в международных отношениях // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. № 3 (в печати).

Автор неверно трактует понятие «нация», напрямую связывая его с этносом (с. 51). В отличие от примордиального этноса, нация является воображаемым политическим сообществом. К этносу нация имеет косвенное отношение²⁷.

Наконец, больше всего вопросов вызывает последний раздел (с. 329–347), в котором автор обрисовывает перспективы дальнейших исследований. Конечно, очень важно изучать проблемы суверенитета и эффективного контроля международного сообщества над новейшими технологиями, феномены социального государства и гражданского общества, заниматься поисками эффективной модели народовластия. В то же время все эти вопросы носят частный, второстепенный характер на фоне принципиальных, мировоззренческих и даже идеологических проблем, о которых так много пишет сам Л.С. Воронков.

Тем не менее, несмотря на отмеченные недочеты, книга Л.С. Воронкова представляет собой значительный вклад в науку. Она знаменует новый этап в развитии отечественных социально-гуманитарных дисциплин. До самого последнего времени они развивались (и продолжают развиваться) в прокрустовом ложе западных теорий, тем самым работая на интересы наших оппонентов. Новый этап, который, как хочется надеяться, открывает книга Л.С. Воронкова, заключается в осознании неприемлемости подобного положения. Такое осознание предвосхищает создание собственных международно-политических теорий, отражающих отечественную специфику, с опорой на которые станет возможным проводить последовательную внешнюю политику, направленную на защиту и продвижение национальных интересов России.

Статья поступила в редакцию 13.09.2024;
одобрена после рецензирования 18.09.2024;
принята к публикации 20.10.2024

The paper was submitted 13.09.2024;
approved after reviewing 18.09.2024;
accepted for publication 20.10.2024

²⁷ Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991; Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-191-200

Рецензия / Book review

А.В. Белинский*

КОМПАС, ОКЕАНЫ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Рецензия на коллективную монографию «Международные отношения: грани настоящего и будущего»**

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук»
117418, Москва, Нахимовский пр-т, 51/21*

Рецензия посвящена коллективной монографии «Международные отношения: грани настоящего и будущего», изданной Российским советом по международным делам в 2023 г. Рецензент отмечает актуальность данной работы, обусловленную необходимостью глубокого переосмысления современных тенденций развития международных отношений, поиска новых стратегических ориентиров, с которой сталкиваются сейчас все ведущие государства (в том числе Россия). На фоне многочисленных аналогичных российских и зарубежных публикаций, увидевших свет в последние годы, рассматриваемая работа отличается по-настоящему комплексным подходом, широтой тематического охвата. На страницах монографии затронуты как «классические» факторы международных отношений (военная сила, энергетика, торговля), так и целый ряд новых их аспектов, которые приобрели особенное значение в условиях вступления системы международных отношений в период глубокой трансформации: искусственный интеллект, образование, цифровая безопасность, климатический кризис, «мягкая сила» и т.д. Рецензент заключает, что благодаря этому данная монография может послужить прекрасным путеводителем в бушующем океане современной мировой политики и как таковая может представлять

* Белинский Андрей Викторович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН) (e-mail: belinskii_andrei@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2825-403X).

** Международные отношения: грани настоящего и будущего / Под ред. И.С. Иванова, И.Н. Тимофеева, Е.О. Карпинской, Е.А. Солодухиной, С.М. Гавриловой. М.: НП РСМД, 2023.

интерес как для специалистов-международников и дипломатов, так и для широкого круга читателей.

Ключевые слова: глобальные трансформации, мегатренды, мировая политика, система международных отношений, военная сила, международная безопасность, международные организации

Для цитирования: Белинский А.В. Компас, океаны и мировая политика. Рецензия на коллективную монографию «Международные отношения: грани настоящего и будущего» // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2024. Т. 16. № 3. С. 191–200. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-191-200.

Andrei V. Belinsky

COMPASS, OCEANS AND WORLD POLITICS

Book review of the collective monograph 'International relations: Facets of the present and the future'

*Institute of Scientific Information for Social Sciences,
Russian Academy of Sciences
51/21 Nakhimovskii pr., Moscow, 117418*

The book under review is a collective monograph by the Russian International Affairs Council 'International relations: Facets of the present and the future', published in 2023. The reviewer emphasizes the high relevance of this work since all leading states (including Russia) are facing a need for a deeper rethinking of current trends in the development of international relations and establishment of new strategic priorities. The book under review differs from numerous recent Russian and foreign publications on the matter by a truly broad thematic scope and comprehensive approach. The monograph touches upon both the 'classical' factors of international relations (military power, energy, trade) and a number of new ones, which have acquired particular importance as the international system entered a period of profound transformation. These new factors include artificial intelligence, education, digital security, the climate crisis, 'soft power', etc. The reviewer concludes that this monograph can serve as a beacon in the raging ocean of modern world politics and as such may be of interest to both international experts and diplomats, as well as to a broad reading audience.

Keywords: global transformations, megatrends, world politics, international system, military power, international security, international organizations

About the author: *Andrey V. Belinsky* — PhD (Political Science), Senior Researcher, Department of European & American Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (e-mail: belinskii_andrei@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2825-403X).

For citation: Belinsky A.V. 2024. Compass, oceans and world politics. Book review of the collective monograph 'International relations: Facets of the present and the future'. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 16, no. 3, pp. 191–200. DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-191-200. (In Russ.)

И отечественные, и зарубежные исследователи отмечают, что система международных отношений переживает радикальную трансформацию, которая обусловлена, с одной стороны, невиданным со времен холодной войны противостоянием России и Запада, а с другой — появлением новых факторов, оказывающих всё большее влияние на мировую политику.

В условиях глобальной турбулентности российскому государству нужен свой «компас» в бурном «океане» международных отношений — ясное понимание своих интересов и целей в мире, осознание узловых проблем, стоящих перед человечеством, и выработка адекватной текущим реалиям стратегии.

В последнее время появилось немало исследований как российских, так и зарубежных авторов, посвященных радикальной трансформации системы международных отношений. В первую очередь стоит отметить такие работы, как «Европа в глобальной пересборке»¹, «Архитектура безопасности в Большой Евразии: состояние, перспективы и возможности для России»², «На переломе эпохи: мировая политика между прошлым и будущим»³, «Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России»⁴ и др. Вместе с тем на виртуальной карте мировой по-

¹ Европа в глобальной пересборке / Под общ. ред. Ал.А. Громыко. М.: Весь мир; Институт Европы РАН, 2023.

² Архитектура безопасности в Большой Евразии: состояние, перспективы и возможности для России / Под науч. ред. М.В. Братерского, Г.И. Кутырёва, Д.П. Новикова. М.: НИУ ВШЭ, 2021.

³ На переломе эпохи: мировая политика между прошлым и будущим / Отв. ред. М.А. Неймарк. М.: Дашков и К°, 2024.

⁴ Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / Под ред. А.В. Лукина. М.: Международные отношения, 2018.

литики есть еще немало «белых пятен», которые ждут детального исследования.

Подготовленная Российским советом по международным делам (РСМД) коллективная монография «Международные отношения: грани настоящего и будущего» представляет собой попытку не только осмыслить причины поистине тектонических изменений системы международных отношений, но и дать всестороннюю оценку тем факторам, которые оказывают или в обозримом будущем будут оказывать влияние на мировую политику. На страницах исследования нашли отражение такие традиционно значимые для международных отношений факторы, как военная сила и мировая торговля, а также искусственный интеллект, «мягкая сила» и даже образование.

Открывает монографию глава бывшего министра иностранных дел РФ (1998–2004) и нынешнего президента РСМД И.С. Иванова, посвященная трансформации системы международных отношений после окончания холодной войны. Говоря о природе современного кризиса между Западом и Россией, он отмечает, что с 1991 г. были предприняты по меньшей мере четыре попытки «отрегулировать» систему международных отношений с учетом интересов как РФ, так и развивающихся стран.

Первая попытка относится к концу 1980-х — началу 1990-х годов, когда окончание холодной войны и потепление отношений между Советским Союзом и Западом, казалось бы, приоткрыли «окно возможностей» для построения справедливого миропорядка с учетом интересов всех сторон, а также достижений Ялтинско-Потсдамской системы. «Вопреки подобным надеждам, ожидаемая революция в мировой политике в 90-е годы XX века так и не состоялась, хотя геополитическая картина мира изменилась более чем заметно. Ответственность за упущенный шанс ложится в первую очередь на США и их союзников, возомнивших себя победителями в “холодной войне”» (с. 10).

И действительно, нежелание США и ЕС интегрировать страну, располагающую огромными ресурсами, ядерным оружием и местом постоянного члена в Совете Безопасности ООН, в новую формирующуюся систему международных отношений на фоне расширения НАТО на восток создавало почву для конфликтов в будущем. Это обстоятельство признают и ряд западных экспертов в области международных отношений. В частности, бывший советник канцлера

ФРГ Г. Коля Х. Тельчик не раз выражал сожаление, что, несмотря на большие возможности, Запад не интегрировал Россию в евро-атлантические структуры и не предложил ей варианты альтернативного сотрудничества⁵.

Второе «окно возможностей» приоткрылось в начале XXI в., когда угроза мирового терроризма на некоторое время способствовала потеплению отношений между Соединенными Штатами и Евросоюзом, с одной стороны, и России — с другой. Однако и этот шанс был упущен, по мнению И.С. Иванова, из-за жесткого и недальновидного курса администрации Дж. Буша-мл., поставившей интересы *Rach Americana* выше построения стабильной системы международных отношений и даже собственных союзников.

Третья попытка достигнуть консенсуса, предпринятая во время президентства Б. Обамы (2008–2016), была перечеркнута гражданской войной в Сирии, интервенцией в Ливию, событиями на юго-востоке Украины. Даже пандемия COVID-19, ставшая бедствием мирового масштаба, не привела к радикальным изменениям в мировой политике. Более того, эта угроза высветила застарелые проблемы человечества, такие как бедность, неравномерность развития Глобального Севера и Глобального Юга, национальный эгоизм.

Оценивая ближайшие перспективы эволюции международных отношений, автор проявляет сдержанный скептицизм, указывая на возможность восстановления сотрудничества в «нетоксичных» областях (наука, здравоохранение, культура и т.д.). В конце главы И.С. Иванов дает прогноз политического развития ключевых акторов. В частности, он отмечает, что, несмотря на попытки политических элит США повернуть колесо истории вспять и вернуть стране те позиции, которые она занимала в 1990-е годы, Вашингтону придется принять новую реальность и считаться с возросшим влиянием других держав (России, Китая, Индии). Достаточно непросто выглядят и перспективы ЕС, стремящегося добиться стратегической автономии. «Но подобный ренессанс “европейской идеи” едва ли произойдет в ближайшие годы; его возрождение возможно лишь в условиях стабилизации» (с. 63). Что касается положения России, то, по мнению бывшего главы МИД РФ, задача построения «Большой

⁵ См. подробнее: Teltschik H. *Russisches Roulette: Vom Kalten Krieg zum Kalten Frieden*. München: C.H. Beck Verlag, 2019.

Евразии» потребует немало усилий от российского политического руководства.

Не была обойдена вниманием и мировая экономика, которая испытывает не менее радикальную трансформацию, чем взаимоотношения между государствами. Как отмечает С.А. Афонцев (ИМЭМО РАН), после завершения холодной войны основной тенденцией мировой экономики «являлось последовательное нарастание кооперативности международного экономического взаимодействия» (с. 127). Несмотря на ряд финансово-экономических кризисов, эта тенденция сохранялась фактически до середины 2010-х годов. Однако в силу нарастающих экономических и политических противоречий между развитыми и развивающимися странами кооперация постепенно уступает место конкуренции. В этом отношении весьма показательна усиливающаяся конкуренция между США и КНР. Другой тенденцией современной мировой экономики является рост неопределенности, что нашло отражение «в пересмотре ожиданий относительно действия таких драйверов развития мировой экономики, как динамика и логистика глобальной торговли, а также доступность финансовых средств для внутренних и международных инвестиций» (с. 133).

Подобного рода тенденции мы можем наблюдать на мировых валютных рынках, которые детально исследовал директор Института экономики РАН М.Ю. Головин. События 2022 г. оказали огромное влияние на мировую валютно-финансовую систему. Острый международный кризис привел к повышению глобальной инфляции, что в свою очередь негативно сказывается на экономическом росте (с. 144). Помимо этого в мировой экономике наблюдается нарастание долгового бремени.

Однако на страницах монографии нашли отражение и другие факторы, каждый из которых уже оказывает влияние на мировую политику.

Ветер перемен не обошел стороной и мировую энергетику, в которой в настоящее время наметился ряд крайне важных и в то же время противоречивых трендов. В первую очередь речь идет о возрастании роли возобновляемых источников энергии (ВИЭ), потребление которых с 1991 по 2021 г. выросло в 22 раза (с. 167). По мнению профессоров РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина Е.А. Телегиной и Г.О. Халовой, этот стремительный рост объясняется, с одной стороны, эффектом низкой базы, а с другой — увеличением потре-

бления ВИЭ во всем мире (с. 168). Вместе с тем, несмотря на свои неоспоримые преимущества, стратегия с упором на развитие ВИЭ, с точки зрения исследователей, имеет и ряд недостатков (высокая себестоимость, необходимость технологической базы и т.д.) (с. 170).

Параллельно с этим в последнее время в мире существенно выросло потребление угля, что обусловлено нынешним международно-политическим кризисом, который вынудил многие европейские страны расконсервировать свои старые угольные станции. Большое внимание исследователи уделили той радикальной трансформации, которую претерпели энергетические рынки за последние три года. В частности, отмечается, что разрыв экономических отношений между ЕС и РФ привел к переориентации последней на рынки Шанхайской организации сотрудничества (с. 178).

На страницах монографии была проанализирована роль международных организаций и государства в меняющемся мире. Говоря о значении ООН, И.Л. Прохоренко (ИМЭМО РАН) отмечает, что, с одной стороны, она по-прежнему сохраняет свое влияние, а с другой — требует структурной реформы (с. 401). Параллельно с этим возрастает роль региональных организаций, которые постепенно берут на себя функции международных объединений. Такой же точки зрения придерживается академик РАН В.Г. Барановский, который полагает, что «в многополярном мире неизмеримо возрастает значение регионального измерения международных отношений» (с. 372). Однако повышение роли регионов не всегда гарантирует стабильность системы.

Значительное внимание в монографии уделено и военной силе, которая продолжает играть ключевую роль в современной системе международных отношений. Как отмечает В.Б. Колюзин (Академия военных наук), для современных конфликтов характерны такие черты, как «беспрецедентные разведывательные возможности» (с. 208), активное использование дронов, цифровизация военных технологий, возрастающие масштабы информационной войны и т.д. Конфликт в Нагорном Карабахе 2020 г. и специальная военная операция России на Украине полностью подтверждают правоту автора.

Стремительная цифровизация экономики и распространение интернета выдвинули на передний план проблему обеспечения национального суверенитета в киберпространстве. Этой теме посвящено исследование А.В. Крутских, специального представителя президента Российской Федерации по вопросам международного

сотрудничества в области информационной безопасности. В главе подробно рассматривается роль информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в мировой политике, освещаются подходы стран Запада, России, КНР к вопросам кибербезопасности. В частности, автор отмечает, что НАТО последовательно рассматривала ИКТ в качестве составного элемента ее оборонного и сдерживающего потенциала. В условиях нынешнего кризиса Российская Федерация, по мнению А.В. Крутских, должна взять курс на развитие собственного цифрового потенциала, а также на укрепление сотрудничества с развивающимися странами.

Меняется баланс сил, смещаются энергетические потоки. Приходят в движение и люди. Подробно рассмотрена в монографии и проблема миграции — эта вечная спутница человечества, не раз менявшая ход истории. При этом нельзя не отметить и подход И.В. Ивахнюк (МГУ имени М.В. Ломоносова), которая опровергает многие устоявшиеся клише и стереотипы. В частности, она отмечает, что вопреки распространенному в общественных (а иногда и научных) кругах мнению основные миграционные потоки протекают не только из стран Глобального Юга в богатый развитый Север, но и внутри самого Юга (с. 235). В действительности это явление объясняется тем, что в странах Юга появились точки экономического роста, которые привлекают мигрантов из более бедных регионов. Автор дает точную оценку причин усиления миграционных потоков в последние годы (неравенство, бедность, войны и т.д.). Нельзя не согласиться и с выводом о том, что регулирование миграции будет постепенно смещаться с международного уровня на национальный или региональный.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, в работе недостаточно раскрыто значение миграции как фактора международных отношений. В частности, рост антимигрантских и ксенофобских настроений в ряде стран привел к повышению популярности правопопулистских политиков и партий (США, Польша, Венгрия), что в свою очередь оказывает влияние на международные отношения. Протекционистская политика Д. Трампа способствовала серьезным разногласиям между Вашингтоном, с одной стороны, и Пекином и Брюсселем — с другой.

Кроме того, миграционные потоки могут быть использованы как эффективный инструмент «мягкой силы» или даже в качестве средства давления на внутреннюю и внешнюю политику других го-

сударств. Ярким примером последнего служат действия президента Турции Р.Т. Эрдогана, который увязал реализацию миграционной сделки с ЕС с выполнением ряда условий (отмена визового режима для турецких граждан, выделение Анкаре финансовой помощи и т.д.).

Наряду с такими традиционными факторами мировой политики, как военная сила и экономика, в монографии нашли освещение вопросы климатической безопасности, образования, роли идеологий.

Так, в главе, посвященной значению экологии в международных отношениях, отмечается, что в последние годы зеленая повестка выдвинулась на первый план в мировой политике. И хотя нынешний международный кризис несколько затмил другие проблемы, энергетический переход по-прежнему остается актуальным для многих стран мира. Препятствием на пути к этому переходу, по мнению авторов, может стать недостаток кооперации между государствами.

Роль классических акторов международных отношений в последнее время активно пересматривается в политической науке. Как отмечает Т.А. Алексеева (МГИМО), после окончания холодной войны возобладал тезис о конце идеологий. Однако два первых десятилетия XXI в. показали, что идеологические системы обнаружили свою жизнеспособность, более того, появились новые влиятельные идеологии и идеологемы. «Быстро начали развиваться такие идеологии, как коммунитаризм, либертариизм, экологизм, феминизм и др., и одновременно глобализм и антиглобализм в самых разных вариантах». В последнее время наметилась также тенденция к использованию идеологии в качестве инструмента «мягкой силы» в международных отношениях.

Не меньшую роль в современном мире играет и образование, которое также можно рассматривать как инструмент внешней политики. Как отмечает В.В. Панова (НИУ ВШЭ), «международные отношения и внешняя политика уже давно перестали быть прерогативой исключительно государственных акторов» (с. 423). На примере ряда стран (Великобритания, Франция, Турция) автор подробно рассматривает возможности использования различных инструментов международного сотрудничества для достижения целей государственной политики.

Впрочем, самой теме «мягкой силы» в монографии было уделено достаточно внимания. При этом Д.В. Поликанов (РАНХиГС) в своей главе предпочел свернуть с уже проторенных дорог теоретических

дискуссий о понимании «мягкой силы» и анализа основных академических школ на «тропу» ее реализации Россией. На страницах исследования дан не только подробный анализ деятельности институтов, являющихся проводниками «мягкой силы» России за рубежом (Русский дом, Россотрудничество, Фонд Горчакова), но и честная, беспристрастная оценка слабостей политики Москвы на данном направлении. Одним из главных препятствий, по мнению исследователя, становятся проблемы целеполагания и «бюджетные ограничения по выделению средств на поддержку организаций и мероприятий за границей» (с. 453). Действительно, данное обстоятельство сильно затрудняет для России реализацию ее стратегии «мягкой силы».

Старый, привычный для нас мир вошел в зону турбулентности. В океане мировой политики, где многие традиционные маршруты перестали функционировать, а фарватеры пришли в негодность, необходимы ясные ориентиры. Коллективная монография «Международные отношения: грани настоящего и будущего» дает такие ориентиры в бушующих водах кризисов и бурь и может быть полезна как изучающим международные отношения исследователям, так и дипломатам. Итак, в путь...

Статья поступила в редакцию 14.07.2024;
одобрена после рецензирования 11.08.2024;
принята к публикации 20.10.2024

The paper was submitted 14.07.2024;
approved after reviewing 11.08.2024;
accepted for publication 20.10.2024